

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

5
2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и инфор-
мации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521
от 24 февраля 2004*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:

*119992, Москва, Ленинские го-
ры, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Гарнитура MyslC.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 09.11.2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добренков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренкова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения). Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Андрееenkova A.B. Сравнительные социальные исследования в системе научных знаний и методов: функции, задачи, перспективы4

Гусарова З.В. Индекс социального самочувствия молодежи Московской области12

Демидова Т.Е. Социальные проблемы современной российской молодежи: причины и пути решения21

Максимов В.В. Социологическая диагностика ценностных аспектов цивилизационной идентичности современной российской студенческой молодежи29

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Водолазова Ж.М. Интеграция социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования35

Ерохин Е.Г. Результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации42

Смирнов К.И. Тенденции изменения информационных запросов в сфере культуры и образования в СМИ Санкт-Петербурга48

Тимчак К.Н. Социальная реклама в интернете как проявление конвергентной журналистики52

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Балакирева С.Ю. Гражданское общество в России: социально-философский анализ58

Лагутин Ю.В. Историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе63

Мавлянова Т.Б. Понятие эстетической ценности в литературоведении и философии73

Нурисламов Р.Р. Ценности рок-культуры запада77

Тертешникова Н.Д. Влияние региональной культуры на личность в философских концепциях и литературных описаниях85

Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Бородин П.В., Клименко В.А. Современный спорт в ракурсе философской антропологии96

Шелест Д.А. Мир ртути: будущее середины XXI века в преломлении постмарксистских концептов102

Сравнительные социальные исследования в системе научных знаний и методов – функции, задачи, перспективы

Андреенкова А.В.

Сравнительные межстрановые и межкультурные исследования начали широко использоваться в социальных науках в последние три десятилетия. Основными тенденциями последних лет являлось географическое и предметно-тематическое расширение таких исследований, глобализация опросов, а также усложнение организационно-управленческих форм и методов сбора и анализа эмпирических данных. Результаты библиографического анализа, баз данных и документации крупнейших сравнительных проектов показали, что такие исследования находят применение в трех основных областях – научно-познавательной, управленческо-практической и общественно-информационной. Мультифункциональное использование влияет на формулировку целей и задач сравнительного исследования, его построение, требования и стандарты к качеству данных. Для удовлетворения социального запроса на сравнительные данные высокого качества как на внутривострановом (валидность, надежность, достоверность), так и на межстрановом уровне (эквивалентность), стоит вопрос о развитии методологии сравнительных исследований по нескольким направлениям. Среди них работа над такими нерешенными пока проблемами как методы перевода инструментов для опроса в разных странах и культурах, создание баз данных вопросов с верифицированными характеристиками, работа со «смешанными методами» опроса, обработка и представление межстрановых данных с учетом международных и национальных этических стандартов и требований по защите частной информации.

Ключевые слова: сравнительные социальные исследования, межстрановые и межкультурные сравнения, методология эмпирического исследования, научные методы, опросы населения, измерение субъективных показателей.

Сравнительное межстрановое социальное исследование представляет собой особый вид научного исследования, целью которого является многоуровневое сравнение макрообъектов на основе эмпирической информации, полученной количественными или качественными методами от людей, наблюдения за людьми или тестированием людей. Практика проведения таких исследований существенно опережает теоретико-методологическое осмысление и анализ. Области применения сравнительных социальных исследований также пока остаются не очерченными. Актуальным остается вопрос о перспективах и дальнейших направлениях развития этого вида исследований, что особенно важно для российской науки, которая имеет возможность внести свой вклад в международную систему методологических и практических знаний в этой области, так как имеет научные традиции, практический опыт и общественный запрос на проведение таких исследований.

Для выявления сфер использования и направлений развития сравнительных межстрановых и межкультурных исследований проведен анализ тематики и вопросов, которые поднимаются в научных публикациях по методологии сравнительных межстрановых исследований на русском и английском языке с 1990-2019 гг.. Информаци-

онной и эмпирической базой исследования являются также методическая документация крупнейших трендовых сравнительных межстрановых проектов (в том числе Всемирного исследования ценностей WVS, Европейского исследования ценностей EVS, Исследования Здоровья, Старения и Пенсионного возраста в Европе SHARE, Евробарометра, Международной программы по социальным исследованиям ISSP, Европейского социального исследования ESS), материалы, базы данных, каталоги и обзоры сравнительных исследований крупнейших архивов социальных данных – архив GESIS (Германия), архив Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований ICPSR (США), Норвежский архив социальных данных NSD, регулирующие документы. Целью работы является выявление основных областей и целей использования результатов сравнительных исследований в социальных науках, определение направлений развития этого вида социального исследования в России и в мире.

Функции и задачи сравнительных социальных исследований на современном этапе развития науки.

Сравнительные исследования выполняют сразу несколько важных функций – научных, управленческо-практических и общественно-информационных. Научное применение сравнительные социальные исследования находят в области эмпирической проверки социологических, политологических, социально-психологических, демографических теорий, гипотез и объяснительных моделей в разных соци-

окультурных условиях, служат экспериментальной и доказательной базой для проверки теорий на универсальность.

Сравнительные межстрановые данные применяются для оценки эффективности государственных и международных общественных программ, являются источником знаний об общественном мнении населения разных стран по глобальным проблемам современности, вопросам внешней политики и международных отношений, являясь таким образом частью международного процесса общественного управления. Такой вид исследований используется коммерческими компаниями и транснациональными организациями для изучения влияния информационных кампаний на общественное сознание в разных странах, решения маркетинговых и стратегических задач. Сравнительные исследования имеют широкое общественное значение: служат способом саморефлексии обществ, помогают выявить самобытные черты, особенности культуры, образа жизни, ценностно-мировоззренческие особенности разных обществ и культур, но также определить общие характеристики социальной жизни, явлений и процессов в разных странах, оценить скорость и направление, с которой проходят изменения в одних странах по сравнению с другими.

Выполнение этих функций возможно только в том случае, если эмпирическая основа для сравнений отвечает стандартам эквивалентности и обеспечивает общую сравнимость изучаемых явлений и процессов во всех единицах сравнения [1, С. 176-191]. Вопросам методологии сравнительных меж-

страновых и межкультурных исследований в последние годы уделяется все больше внимания. Количество публикаций по этой теме в мире каждый год увеличивается почти в два раза, как и количество исследователей, работающих в этой области. Если в 1960-х-1980-х гг., на первых стадиях развития методологии сравнительных исследований в социальных науках, большинство публикаций в научных изданиях по этой теме были американскими или западноевропейскими, то за последние тридцать лет национальный состав исследователей, включенных в изучение и разработку методологии сравнительных опросов, стал более многообразным, а европейские ученые стали занимать лидирующие места.

Анализ показал, что основное внимание в публикациях по методологии сравнительных исследований с 2000 по 2019 гг. уделяется следующим проблемам: оценке сравнимости и эквивалентности результатов сравнительных исследований по отдельным вопросам [например, 2], построению индикаторов, метрическим характеристикам шкал для межданных и межкультурных сравнений [3,4], выявлению и анализу культурных, национальных и межданных различий в «стилях ответов» на вопросы формализованных анкет [5,6], оценке влияния контекстуальных характеристик проведения интервью на качество сравнительных данных [7], применения «смешанных методов опроса» в разных странах, гармонизации социально-демографических переменных.

Несмотря на то, что тематика работ довольно обширна, целый

ряд важных вопросов методологии сравнительных исследований пока не получил должного освещения в научной литературе. К таким вопросам относится построение выборок для сравнительных межданных исследований. Лишь в последние годы стали появляться публикации по методам перевода и верификации инструментов для опросов в сравнительном контексте, документации и распространению сравнительных межданных данных, проблемам достижения концептуальной эквивалентности показателей и всего теоретико-методологического этапа построения сравнительного исследования. За пределами широкого научного обсуждения остаются проблемы общего методологического подхода к построению сравнительного исследования, анализ ограничений этого научного метода, специфики организации и построения сравнительного исследования по сравнению с монографическим монообъектным социальным исследованием.

Основные тенденции развития методологии сравнительных исследований в последние годы

На основе всей проанализированной информации были выделены несколько основных тенденций в развитии сравнительных социальных исследований, которые наиболее вероятно будут предметом обсуждения и научного поиска в ближайшие годы.

Основной тенденцией является увеличение количества сравнительных межданных социальных исследований, их масштаба и охвата - от сравнений нескольких стран-объектов к региональным и всемирным исследованиям, а так-

же рост предметно-тематического разнообразия. Увеличивается структурная сложность таких исследований. От исследований пространственно-сравнительных происходит переход к организации пространственно-временных сравнений, сочетания методологии сравнительных и лонгитюдных исследований – трендовых (как, например, Европейское социальное исследование ESS) или панельных (как исследование социальных аспектов старения SHARE). Сравнительное исследование постепенно приобретает все более четкие методические характеристики и черты. Если во многих исследованиях предыдущих лет сравнительные процедуры использовались лишь на этапе анализа данных, то в последние годы цель сравнения стоит почти на всех этапах проведения проекта – при разработке индикаторов, сборе, обработке и представлении эмпирических данных.

К тенденциям последних лет можно отнести внедрение более демократических методов организации и управления сравнительным межстрановым исследованием, децентрализованной системы финансирования. Если в предыдущие десятилетия такие исследования финансировались централизованно международными организациями, такими как ВОЗ, ЮНЕСКО, Всемирный банк, правительствами отдельных государств, научными фондами, транснациональными коммерческими компаниями, в последние годы все больше проектов финансируется одновременно из разных внутристрановых источников. В результате стало возможным выстраивать новые, партнерские

отношения в международном научном коллективе на принципах равенства и разделенной ответственности, совместного использования полученных результатов.

Новые задачи возникают перед сравнительными исследованиями в результате развития технологий, средств коммуникации и компьютерных инноваций. Настоящим вызовом для этого научного направления является обострение проблемы доступности респондентов для опросов – уровень кооперации в опросах со стороны респондентов постоянно падает на протяжении последних двух десятилетий и в некоторых странах этот уровень уже достиг критического [8]. Законы о конфиденциальности частной информации, которые принимаются в последние годы все большим количеством стран, закрытие контактной информации частных лиц и другие ограничения и барьеры, связанные с защитой прав людей, приводят к тому, что перед исследовательским сообществом встает задача радикального пересмотра методов сбора информации и построения выборок [9]. Начата работа по изучению различных стратегий «смешанных» методов опроса: сочетания телефонного и личного интервью, личного и он-лайн опроса и другие формы. В процессе решения находится задача оценки эквивалентности выборок для разных методов опроса – территориальной и телефонной, телефонной и он-лайн выборок – для достижения эквивалентности данных в рамках одного сравнительного исследования и совмещения выборок, построенных на разных источниках, для одной страны. В методологической литературе вопрос о

том, следует ли стараться придерживаться идеи единого метода опроса для всех стран даже при угрозе постоянного снижения уровня кооперации и уровня покрытия генеральной совокупности или пойти на то, чтобы компенсировать выборочные ошибки путем усложнения системы сбора данных, включив различные схемы «смешанных методов», является пока дискуссионным [10]. Пока не достигнут консенсус по вопросу о том, какие именно виды «смешанных данных» ведут к увеличению, а какие – к уменьшению эквивалентности данных. Основные направления методической работы по увеличению эквивалентности метода опроса и его влияния на качество данных проходят в двух направлениях. Первое из них – дальнейшее совершенствование отдельных методов и минимизация «ошибок, связанных с методом»: общее повышение качества данных, собираемых в каждой стране, повышение квалификации полевых групп, интервьюеров, совершенствование методов проверки качества данных и выявления ошибок и нарушений исследовательских процедур на ранних стадиях сбора информации. Второе направление состоит в проведении методической работы по поиску оптимальных «смешанных» методов опроса, которые могли бы успешно применяться в разных общесоциальных контекстах и условиях [11].

В последние годы эмпирические данные и материалы сравнительных академических исследований стали более доступны для исследователей и широкой общественности. Открытость такой информации позволяет проводить более

широкий и всесторонний анализ полученных данных, более эффективно использовать потраченные ресурсы, но и привлекать более широкий круг ученых из разных стран к работе над выявлением проблем, ошибок в сравнительных опросах и вырабатывать новые подходы к совершенствованию методов сравнительного опроса [12].

На сегодняшний день можно говорить лишь о первых шагах в решении таких фундаментальных для этого вида исследований задач, как поиск эффективных организационно-управленческих моделей организации междисциплинарного сотрудничества, форм организации совместной работы специалистов по «тематическим», содержательным вопросам и методологов. Переход от дихотомической модели теоретического и эмпирического исследования к модели комплексного исследования, сочетающего теоретический и эмпирический этап как взаимодополняющие уровни единого исследовательского процесса, также является будущим шагом в развитии этого направления.

Несмотря на рост количества сравнительных межстрановых эмпирических исследований в области социальных наук на протяжении последних десятилетий, есть все основания полагать, что пик интереса к таким исследованиям еще далеко не достигнут. Институционализация сравнительных исследований последние два десятилетия начала происходить быстрее – масштаб проектов и сложная организационная структура трендовых проектов способствуют превращению таких исследований в инфраструктурные. В последние

годы выросло количество пользователей эмпирических данных междустрановых сравнительных исследований, растет число научных публикаций с использованием данных таких исследований и в социальных науках как в мире, так и в России. Например, по данным Европейского социального исследования [13, с. 21] количество пользователей данных только этого исследования в 2000-е годы увеличивалось примерно на 5000 каждый год, а в последние 10 лет – в среднем на 9,5 тысяч в год, достигнув к 2016 г. более чем 90000 зарегистрированных пользователей.

Научно-исследовательский потенциал России в этом виде исследований пока не реализован. В отличие от многих других стран в России есть все необходимые предпосылки для развития подобных исследований. В отечественной науке накоплен большой теоретико-методологический опыт, существуют возможности для построения собственной научной школы [14, Р. 128-130]. Географическо-структурные и политические потребности в проведении подобных исследований, проистекающие из общего исторического прошлого и тесных экономических, политических и социальных связей стран на постсоветском пространстве, инфраструктурные исследовательские возможности для проведения подобных исследований как в России, так и в других странах бывшего СССР. Немаловажную роль играет и наличие общего языка международного научного общения помимо английского – русский язык. Пока воспользоваться этими возможностями удастся лишь в незначительной степени. Россия является

участником практически всех крупных сравнительных проектов последних двух десятилетий, научные коллективы в России являются инициаторами и организаторами нескольких известных проектов, но их количество и инфраструктурный потенциал пока очень невелики и в этом направлении еще многое предстоит сделать.

Литература

1. Андреевкова А.В. Сравнительные междустрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. - М.: Новый хронограф, 2014. – 517 с.
2. Cieciuch, J., Davidov E., Schmidt P., Algesheimer R. The assessment of cross-cultural comparability. / *The Sage Handbook in Survey Methodology*. Eds. C. Wolf, D. Joye, T. W. Smith, Y.-C. Fu. - New York: Sage. - 2016. - P. 630-648.
3. Smith T.W., Mohler P.P., Harkness J., Onodera N. Methods for assessing and calibrating response scales across countries and languages. // *Comparative sociology*. - 2005. – Vol. 4(3-4). - P. 365-415.
4. Andreenkova A.V., Menold N. Methodological approach for the development of equivalent rating scales for comparative cross-national surveys – Paper presented in Second International Conference on Survey Methods in Multinational, Multiregional and Multicultural Contexts (3MC). – Chicago. – July 26-29, 2016.
5. Yang Y., Harkness J.A., Chin T.-Y., Villar A. Response styles and culture / *Survey methods in multinational, multiregional, and multicultural contexts*, ed. J. A. Harkness, M. Braun, B. Edwards, et. Al, Hoboken, NJ: Wiley. – 2010. – P. 203-223.

6. Andreenkova A.V., Javeline D. Sensitive questions in comparative surveys / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. - P. 139-160.

7. Buellens K., Looseveldt G. Interviewer effects in the European social survey // *Survey research methods*, 10 (2), 2016.— P. 103-118.

8. Stoop I.A.L. The hunt for the last respondent: Nonresponse in sample surveys. - The Hague: Social and Cultural Planning office, 2005.

9. de Jong J. Ethical considerations in the total survey error context. / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. —P. 665-682.

10. de Leeuw E. To Mix or Not to Mix Data Collection Modes in Surveys // *Journal of Official Statistics*. – 2005. - Vol. 21, №. 2. - P. 233–255.

11. Martin P. A Good Mix? Mixed Mode Data Collection and Cross-national Surveys // *Research and Methods* - 2011. - Vol. 20(1). - P. 5-26.

12. Malnar B., Muller K. Surveys and reflexivity a second-order analysis of the European Social survey.— Wien: edition echoraum.— 2015.— 269 p.

13. Comparative impact study of the European Social Survey (ESS). / ERIC, 2017. – URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS-Impact-study-Final-report.pdf>

14. Андрееenkova A.B. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современ-

ное состояние. // *Мир России*. - 2011. - № 3. - С. 125-154.

Comparative social surveys as scientific research method – functions, challenges and perspectives

Andreenkova A.V.

Institute for comparative social research (CESSI)

Comparative cross-national and cross-cultural surveys grew in number and in scope in the recent three decades taking important place among other research methods of studying populations and subjective indicators. The major trends in recent two decades is geographical expansion of comparative surveys, globalization of surveys, broadening of topics and research areas as well as the increase of variations in project structures and survey methods. The results of bibliographical study and the analysis of databases and documentation of largest trend comparative cross-national surveys revealed three main areas where comparative surveys are used - scientific research, governing practice and public information. Multifunctional application has impact on the formulation of goals, general design and quality standards of comparative survey. The advances in the methodology and methods of comparative surveys become the priority in satisfying the demand for high quality comparative data. The most perspective research areas which can lead to substantial improvement of data quality is the issue of translation and verification of survey instrument into different and shared languages, organization international databanks of survey questions validated in different countries and cultures, the introduction of mixed-mode and mixed-method design into comparative surveys, improvement of data processing, presentation and dissemination based on new international ethical standards and information privacy requirements.

Key words: comparative social surveys, cross-national and cross-cultural comparisons, methodology of empirical survey, scientific research methods, general population surveys, measurement of subjective indicators.

References

1. Andreenkova A.V. Comparative cross-country studies in the social sciences: theory, methodology, practice. - M.: New Chronograph, 2014. -- 517 p.

2. Ciecuch, J., Davidov E., Schmidt P., Algesheimer R. The assessment of cross-cultural comparability. / *The Sage Handbook in Survey Methodology*. Eds. C. Wolf, D. Joye, T. W. Smith, Y.-C. Fu. - New York: Sage. - 2016. -- P. 630-648.
3. Smith T.W., Mohler P.P., Harkness J., Onodera. N. Methods for assessing and calibrating response scales across countries and languages. // *Comparative sociology*. - 2005. - Vol. 4 (3-4). - P. 365-415.
4. Andreenkova A.V., Menold N. Methodological approach for the development of equivalent rating scales for comparative cross-national surveys - Paper presented in Second International Conference on Survey Methods in Multinational, Multiregional and Multicultural Contexts (3MC). - Chicago.— July 26-29, 2016.
5. Yang Y., Harkness J.A., Chin T.-Y., Villar A. Response styles and culture / *Survey methods in multinational, multiregional, and multicultural contexts*, ed. J. A. Harkness, M. Braun, B. Edwards, et. Al, Hoboken, NJ: Wiley. — 2010. — P. 203-223.
6. Andreenkova A.V., Javeline D. Sensitive questions in comparative surveys / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., Ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. -- P. 139-160.
7. Buellens K., Looseveldt G. Interviewer effects in the European social survey // *Survey research methods*, 10 (2), 2016.— P. 103-118.
8. Stoop I.A.L. The hunt for the last respondent: Nonresponse in sample surveys. - The Hague: Social and Cultural Planning office, 2005.
9. de Jong J. Ethical considerations in the total survey error context. / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., Ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. —P. 665-682.
10. de Leeuw E. To Mix or Not to Mix Data Collection Modes in Surveys // *Journal of Official Statistics*. - 2005. - Vol. 21, no. 2. - P. 233–255.
11. Martin P. A Good Mix? Mixed Mode Data Collection and Cross-national Surveys // *Research and Methods* - 2011. -- Vol. 20 (1). - P. 5-26.
12. Malnar B., Muller K. Surveys and reflexivity a second-order analysis of the European Social survey.— Wien: edition echoraum.— 2015.— 269 p.
13. Comparative impact study of the European Social Survey (ESS). / ERIC, 2017. - URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS-Impact-study-Final-report.pdf>
14. Andreenkova A.V. Cross-country comparative studies in the social sciences: methodology, stages of development, current status. // *World of Russia*. - 2011. - No. 3. - S. 125-154.

Индекс социального самочувствия молодежи Московской области

Гусарова З.В.

Статья посвящена социальному самочувствию населения. Рассмотрены основные этапы становления концепции «социального самочувствия» в трудах отечественных социологов.

Проанализированы наиболее крупные системы формирования индексов социального самочувствия населения (ИСС). В работе предпринята попытка исследования социального самочувствия молодежи Московской области в контексте новых социально-экономических условий.

Составлен индекс социального самочувствия молодежи, определены его основные компоненты: удовлетворенность собственной жизнью, удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании, эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства), социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования). Эмпирическое исследование подкреплено использованием метода опроса.

Ключевые слова: Социальное самочувствие, индекс социального самочувствия, мониторинг, молодежь, социальная стабильность, Московская область, показатели социального самочувствия, интегральный индекс.

Мониторинг социального самочувствия населения как одной из составляющих качества жизни населения приобретает особое значение в условиях социальных изменений и трансформаций. Кризисное состояние российского общества оказало существенное влияние на качество жизни населения, его социальное самочувствие и на все сферы его жизнедеятельности: экономическую, политическую, социальную. На данном этапе мирового развития ключевой задачей государственного управления становится сохранение социальной стабильности в обществе, мониторинг социальной напряженности и недопущение социальной паники.

Социальное самочувствие населения представляет собой, по мнению автора, наиболее эффективный инструмент социальной экспертизы степени удовлетворенности жизнью. Включая в себя две составляющие – психологическую и социальную – социальное самочувствие предоставляет возможность качественного мониторинга происходящих изменений данного показателя качества жизни населения [1].

Социальное самочувствие в трудах отечественных социологов

Термин «социальное самочувствие» появляется в российской социологической мысли в 80-х го-

дах XX века и активно развивается в трудах отечественных социологов, таких как А.Г. Здравомыслов [2] и В.А. Ядов [3] в контексте теории образа жизни. Именно на данном этапе развития концепции социального самочувствия происходит разграничения данного понятия с рядом других социологических категорий, таких как социальное настроение, образ жизни и т.д. Выделяются психологические аспекты социального самочувствия населения – эмоции, чувства, настроения, психологические паттерны, которые являются неотъемлемой частью его структуры.

В 90-е гг. XX века теоретическая концепция социального самочувствия приобретает практическое применение: впервые данный показатель находит отражение в социологических исследованиях и замерах. Особый интерес с точки зрения практического анализа данной категории представляет работа О.Л. Барской [4], в которой ключевое место в формировании социального самочувствия отведено уверенности в завтрашнем дне. Также стоит отметить эмпирические исследования А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [5], в основании которых легло выделение двух аспектов социального самочувствия – предметной направленности и тональной характеристики, определяющей положительный или отрицательный эмоциональный фон жизни населения. В качестве интегральной категории «социальное самочувствие» населения подробно рассматривается в трудах А.А. Русалиновой [6], определяющей его как интегральную характеристику оценочно-эмоциональной сферы психики человека, являю-

щейся производной от целого комплекса условий его жизни и воздействующей на остальные стороны личности.

Проведение эмпирических исследований «социального самочувствия» российского населения позволило уточнить сущность и содержание данной категории, определив его как субъективное восприятие объективных процессов в обществе. Рядом ученых был введен индекс социального самочувствия (ИСС), включающий в себя различные явные и латентные показатели (Ю. А. Левада [7], Т. И. Заславская [8], Н. И. Лапин [9], Е.И. Головаха и Н.В. Панина [10], Л.А. Беляева [11] и др.)

Так, Ю. А. Левада [7] выделял следующие частные индексы социального самочувствия (на основе индекса социальных настроений): индекс положения семьи, индекс положения России, индекс настроений, сводный индекс социальных настроений. ВЦИОМ ежемесячно измеряет индекс социального самочувствия (ИСС), анализируя удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое состояние страны; политическую обстановку; общий вектор развития государства [12]. Н.И. Лапин и Л.А. Беляева [11] в своей методике исследования ИСС измеряли следующие параметры: защищенность от опасностей, удовлетворенность жизнью, уровень социального оптимизма. В рейтинге социального самочувствия регионов России, составленном Фондом развития гражданского общества (ФoPГO) на основе данных опроса «Георейтинг» Фонда «Общественное мнение» (ФoM) учитывается восприя-

тие населением социально-политической ситуации в регионе и его протестный потенциал, также включен анализ оценки личного материального положения и наличия конфликтогенных проблем. Е.И. Головаха и Н.В. Панина [10] в измерительном индексе социального самочувствия (ИИСС-44) отражают все сферы жизнедеятельности населения: материальное положение, межличностные отношения, уровень образования, восприятие здоровья, личная безопасность, политические условия, обеспеченность жизненно необходимыми и престижными товарами, уверенность в завтрашнем дне.

Индекс социального самочувствия молодежи Московской области

Ключевую роль в контексте оптимизации реализуемой региональной политики, а также взаимодействия органов власти и населения муниципальных образований Московской области, особое значение приобретает не только оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления, но и регулярный мониторинг и анализ сложившейся ситуации по ключевым критериям, доступным контролю и корректирующему воздействию.

Московская область как объект социологического и политологического исследования представляет собой сложную совокупность различных по своей природе, внешним и внутренним характеристикам муниципальных образований. На сегодняшний день Подмосковье 64 городских округа, значительно различающиеся по размеру, численности населения, удаленности от

федерального центра, экономическим и социальным характеристикам.

Настоящее исследование сфокусировано на социальном самочувствии наиболее значимой возрастной категории жителей – представителей молодежи 16-30 лет, проживающих в муниципальных образованиях Московской области (исследование было проведено на базе независимого исследовательского агентства полного цикла MAGRAM Market Research в июле 2019 г.).

Проведя ревизию диагностических критериев социального самочувствия населения, в контексте данной работы в ИСС войдут следующие параметры:

Таблица 1
Параметры социального самочувствия

№	Компоненты социального самочувствия	Весовой коэффициент
1	Удовлетворенность собственной жизнью	0,5
2	Удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании	0,4
3	Эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства)	0,05
4	Социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования)	0,05

Измерение каждого показателя основано на разнице долей положительных и отрицательных оценок. Общий индекс социального самочувствия молодежи Московской области, а также по отдельным ее муниципальным образованиям представляет собой среднее арифметическое всех показателей с учетом весовых коэффициентов. Диапазон значений в разрезе отдельных муниципальных образований позволит сгруппировать му-

ниципальные образования по уровню социального самочувствия молодежи.

1. Удовлетворенность собственной жизнью. Оценка данного параметра среди молодежи Московской области находится на достаточно высоком уровне – 85% опрошенных дают положительные оценки, негативные оценки были даны 13% участников опроса (**баланс +72**). Значение общеобластного показателя удовлетворенности собственной жизнью с учетом весового коэффициента составило 36,1.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Котельники (46,3), Ивантеевка (45,4), Серебряные Пруды (44,6), Бронницы (42,0), Лобня и Пушкинский (41,8), Краснознаменск (41,5), Орехово-Зуево и Ступино (40,7) и Дубна (40,0).

Наиболее низкие значения характерны для таких городских округов как Электрогорск (28,8), Клин (28,7), Луховицы (28,6), Рузский (27,8), Зарайск (27,0), Истра (26,4), Волоколамский (24,4), Можайский (24,3), Лотошино (24,0) и Электросталь (21,1).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

2. Удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании. Оценка сложившейся ситуации в населенных пунктах Московской области носит положительный характер – 70% респондентов в той или иной степени довольны положением дел в своем муниципальном образовании, 27% дают отрицательную характеристи-

ку (**баланс +44**). Значение общеобластного показателя удовлетворенности положением дел в муниципальном образовании с учетом весового коэффициента составило 17,6.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Молодежный (35,2), Котельники (34,0), Ивантеевка (32,8), Дубна (31,2), Серебряные Пруды (30,8), Черноголовка (28,3), Краснознаменск (27,2), Ступино (26,2), Восход (25,6), Бронницы (25,3).

Наиболее низкие значения характерны для таких городских округов как Дмитровский (9,6), Истра (8,1), Дзержинский и Кашира (7,7), Можайский (7,3), Луховицы (6,7), Шатура (3,6), Рузский (3,5), Клин (3,4), Зарайск (1,9).

Отметим, что по данному параметру присутствуют и отрицательные показатели: Протвино (-0,4), Лотошино и Электросталь (-3,6), Волоколамский (-4,6), Пущино (-7,7).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

3. Эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства). Привлекательность Подмосковья как места проживания находится на достаточно высоком уровне – 57% от всех опрошенных не хотели бы переезжать из Московской области. 53% респондентов предпочли бы остаться в своем городе; 4% - в другом городе 25% опрошенной молодежи выразили желание переехать в Москву, а 15% предпочли бы переехать в другой город, регион или даже государство (**баланс**

+9). Значение общеобластного показателя эмоционального комфорта проживания в своем муниципальном образовании с учетом весового коэффициента составило 0,5.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Котельники (3,3), Воскресенск (2,7), Ивантеевка (2,4), Восход (2,1), Молодежный (1,9), Химки и Ступино (1,8), Дубна и Краснознаменск (1,5).

Наиболее низкие значения (около половины опрошенных отметили стремление к проживанию в других регионах/государствах) характерны для таких городских округов как Озеры (0,4), Богородский, Талдомский и Лыткарино (0,2), Пущино и Егорьевск (0,1), Сергиево-Посадский и Наро-Фоминский (0,0), Орехово-Зуево и Люберцы (0,0).

Отметим, что по данному параметру присутствуют и отрицательные показатели, демонстрирующие желание большинства опрошенных из данного муниципального образования к смене места жительства: Рошаль (-0,1), Дзержинский, Истра, Луховицы (-0,2), Лобня (-0,3), Балашиха и Кашира (-0,4), Протвино, Электрогорск, Клин (-0,5), Зарайск и Лотошино (-0,6), Щелковский (-0,7), Волоколамский и Шатура (-0,9), Электросталь (-1,9).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

4. Социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования). Уровень участия молодежи Московской области в общественной и политической жизни региона является невы-

соким – участие в выборах декларируют 44% представителей молодежи Московской области, в добровольческой (волонтерской) деятельности – 8%, в общественных мероприятиях – 4%, в благотворительной деятельности – 4%, об участии в деятельности общественных организаций, творческой самодеятельности и сборах гуманитарной помощи заявили по 2% опрошенных, в деятельности политических партий участвует 1% молодежи.

Доля респондентов, не имеющих такого опыта участия ни в каком виде составила 43% (**баланс +14**). Значение общеобластного показателя социальной реализованности с учетом весового коэффициента составило 1,2.

Наиболее высокий процент участия в выборах декларируют жители г.о. Котельники (79%), г.о. Ивантеевка (78%), г.о. Луховицы (77%), г.о. Рошаль (71%), г.о. Зарайск (70%), г.о. Черноголовка (68%), г.о. Власиха (65%), г.о. Протвино (64%), г.о. Бронницы и г.о. Шатура (по 63%).

В добровольческой (волонтерской) деятельности больше других участвовали жители г.о. Долгопрудный (20%), г.о. Рошаль (15%), г.о. Власиха (14%), г.о. Жуковский и г.о. Пушкинский (по 13%).

В общественных мероприятиях участвует 62% опрошенной молодежи г.о. Шатура, 38% молодежи г.о. Рошаль, 14% молодежи г.о. Раменский, по 12% опрошенной молодежи г.о. Протвино и г.о. Кашира.

О своем участии в благотворительной деятельности чаще других упоминает молодежь из г.о. Протвино и г.о. Долгопрудный (по 12%) и г.о. Кашира (11%). В твор-

ческой самостоятельности и КВН чаще других принимают участие жители г.о. Шатура (19%). В сборах гуманитарной помощи задействованы 10% г.о. Рошаль.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Шатура (8,2), Рошаль (7,0), Протвино (4,4), Луховицы (3,8), Власиха (3,6), Раменский (3,3), Зарайск и Котельники (3,2), Кашира (3,1).

Наиболее низкие значения характерны для таких городских округов как Ступино и Клин (0,8), Химки (0,7), Щелковский (0,6), Серебряные Пруды, Шаховская и Сергиево-Посадский (0,5), Электросталь (0,4), Рузский и Чехов (0,3).

По данному параметру присутствуют и отрицательные показатели, демонстрирующие превалирование доли молодежи, не имеющей опыта участия в общественной жизни своего муниципального образования: Домодедово (-0,1), Лосино-Петровский, Серпухов, Лыткарино, Балашиха (-0,2), Красноармейск (-1,1), Реутов (-1,2), Егорьевск (-1,5), Воскресенск (-3,9).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

Общий индекс социального самочувствия молодежи Московской области. Интегральный показатель рассчитывался как среднее арифметическое суммы взвешенных показателей социального самочувствия.

Диапазон значений в разрезе отдельных муниципальных образований позволит сгруппировать муниципальные образования по уровню социального самочувствия молодежи.

Таблица 2

Общий индекс социального самочувствия молодежи Московской области в разрезе муниципальных образований

Московская область - 13,8					
1	Городской округ Котельники	21,7	33	Городской округ Подольск	14,0
2	Городской округ Ивантеевка	20,9	34	Городской округ Жуковский	13,9
3	Городской округ Молодёжный	19,8	35	Городской округ Реутов	13,4
4	Городской округ Серебряные Пруды	19,3	36	Городской округ Егорьевск	13,3
5	Городской округ Дубна	18,6	37	Городской округ Воскресенск	13,3
6	Городской округ Краснознаменск	18,1	38	Городской округ Балашиха	13,2
7	Городской округ Черноголовка	17,7	39	Городской округ Фрязино	13,1
8	Городской округ Бронницы	17,7	40	Городской округ Красноармейск	12,7
9	Городской округ Восход	17,4	41	Городской округ Звездный городок	12,5
10	Городской округ Ступино	17,4	42	Городской округ Лосино-Петровский	12,4
11	Городской округ Власиха	16,5	43	Городской округ Сергиево-Посадский	12,3
12	Городской округ Солнечногорск	16,3	44	Городской округ Богородский	12,3
13	Городской округ Пушкинский	16,3	45	Городской округ Щёлковский	12,2
14	Городской округ Чехов	16,3	46	Городской округ Лыткарино	11,7
15	Городской округ Мытищи	16,2	47	Ленинский городской округ	11,4
16	Городской округ Химки	16,1	48	Городской округ Дмитровский	11,4
17	Городской округ Рошаль	16,0	49	Городской округ Шатура	11,4
18	Городской округ Долгопрудный	16,0	50	Городской округ Наро-Фоминский	11,4
19	Городской округ Орехово-Зуево	15,6	51	Городской округ Электрогорск	11,1
20	Городской округ Коломенский	15,5	52	Городской округ Кашира	11,0
21	Городской округ Павловский Посад	15,5	53	Городской округ Дзержинский	10,2
22	Городской округ Лобня	15,2	54	Городской округ Луховицы	9,7
23	Городской округ Озёры	15,1	55	Городской округ Протвино	9,1
24	Городской округ Красногорск	15,1	56	Городской округ Истра	8,9
25	Городской округ Домодедово	15,1	57	Городской округ Можайский	8,4

26	Городской округ Раменский	15,0	58	Городской округ Рузский	8,1
27	Городской округ Талдомский	14,5	59	Городской округ Клин	8,1
28	Городской округ Серпухов	14,4	60	Городской округ Зарайск	7,9
29	Городской округ Люберцы	14,4	61	Городской округ Пущино	7,4
30	Городской округ Одинцовский	14,4	62	Городской округ Лотошино	5,4
31	Городской округ Королёв	14,2	63	Городской округ Волоколамский	5,1
32	Городской округ Шаховская	14,0	64	Городской округ Электросталь	4,0

Таблица 3
Распределение общего индекса социального самочувствия молодежи Московской области в разрезе муниципальных образований

Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
г.о. Электротрогorsk	г.о. Красноармейск	г.о. Талдомский	г.о. Орехово-Зуево	г.о. Котельники
г.о. Кашира	г.о. Звездный городок	г.о. Серпухов	г.о. Коломенский	г.о. Ивanteevka
г.о. Дзержинский	г.о. Лосино-Петровский	г.о. Люберцы	г.о. Павловский Посад	г.о. Молодёжный
г.о. Луховицы	г.о. Сергиево-Посадский	г.о. Одинцовский	г.о. Лобня	г.о. Серебряные Пруды
г.о. Протвино	г.о. Богородский	г.о. Королёв	г.о. Озёры	г.о. Дубна
г.о. Истра	г.о. Щёлковский	г.о. Шаховская	г.о. Красногорск	г.о. Краснознаменск
г.о. Можайский	г.о. Лыткарино	г.о. Подольск	г.о. Домодедово	г.о. Черноголовка
г.о. Рузский	Ленинский г.о.	г.о. Жуковский	г.о. Раменский	г.о. Бронницы
г.о. Клин	г.о. Дмитровский	г.о. Реутов		г.о. Восход
г.о. Зарайск	г.о. Шатур	г.о. Егорьевск		г.о. Ступино
г.о. Пущино	г.о. Наро-Фоминский	г.о. Воскресенск		г.о. Власиха
г.о. Лотошино		г.о. Балашиха		г.о. Солнечногорск
г.о. Волоколамский		г.о. Фрязино		г.о. Пушкинский
г.о. Электросталь				г.о. Чехов
				г.о. Мытищи
				г.о. Химки
				г.о. Рошаль
				г.о. Долгопрудный

Заключение

На основании анализа социального самочувствия молодежи Московской области, включающего в себя четыре параметра: удовлетворенность собственной жизнью, удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании, эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства) и социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования) представляется возможным сделать вывод о существенных различиях данного показателя на территории муниципальных образований одного региона. Наиболее благополучно обстоят дела в городском округе Котельники (21,7). Самая депрессивная ситуация сложилась в городском округе Электросталь (4,0), здесь отмечен критический максимум. Однако, отметим, что несмотря на низкий индекс социального самочувствия в ряде муниципальных образований, в рейтинге отсутствуют городские округа с отрицательными значениями.

В целом можно заключить, что анализ социального самочувствия посредством опросов позволяет не только оценить сложившуюся ситуацию в регионе и составить прогнозы ее дальнейшего развития, но и определить наиболее острые потребности населения, которые следует учитывать при реализации социальной политики как на территории Московской области в целом, так и в отдельном муниципальном образовании.

Литература

1. Клиценко М.В. Социальное самочувствие населения города Ха-

баровская, Автореф. Дис. ... канд.социолог.наук, Хабаровск, 2017.

2. Здравомыслов, А. Г. К вопросу о типологии образа жизни в социалистическом обществе / А. Г. Здравомыслов // Социол. исслед. 1974. - № 2. - С. 88-89.

3. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002.

4. Барская О.Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: Автореф. Дис. ... канд.филос.наук. М., 1989.

5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г., Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998, с 231с.

6. Русалинова А.А. Уровневый подход в изучении социального самочувствия человека // Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов-на-Дону, 2010. С.177

7. Левада Юрий Индексы социальных настроений в "норме" и в кризисе // Мониторинг. 1998. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeksy-sotsialnyh-nastroeniy-v-norme-i-v-krizise> (дата обращения: 22.10.2019).

8. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностьноструктурная концепция. М., 2002. 560 с.

9. Левада Ю. А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 1.

10. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструиро-

вание и применение социологического теста в массовых опросах. - Киев: Изд-во Ин-та социологии НАН Украины, 1997. - 214 с.

11. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. 490 с.

12. Официальный сайт ВЦИОМ <https://wciom.ru/index.php?id=176> (дата обращения: 22.10.2019).

13. Рейтинг социального самочувствия регионов России: Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (дата обращения: 22.10.2019).

Index of social well-being of the youth of the Moscow region

Gusarova Z.V.

Lomonosov Moscow state University

The article is devoted to the social well-being of the population. The main stages of formation of the concept of «social well-being» in the works of Russian sociologists are considered.

The largest systems of formation of indices of social well-being of the population (ISS) are analyzed. The paper attempts to study the social well-being of young people in the Moscow region in the context of new socio-economic conditions.

The index of social well-being of youth is composed, its main components are defined: satisfaction with own life, satisfaction with a situation in the municipal formation, emotional comfort (absence of aspiration to change of a residence), social realization (participation in public and political life of municipal formation). Empirical research is underpinned by the employment of the questionnaire poll.

Key words: Social well-being, social well-being index, monitoring, youth, social stability, Moscow region, indicators of social well-being, integral index

References

1. Klitsenko M. V. Social well-being of the population of Khabarovsk, autoref. Dis. ... Cand.sociologist.of Sciences, Khabarovsk, 2017.
2. Zdravomyslov, A. G. On the typology of lifestyle in socialist society / A. G. Zdravomyslov // Sociol. research. 1974. - No. 2. Pp. 88-89.

3. Yadov V. A. Some sociological grounds for foreseeing the future of Russian society // Russia reformed. Moscow: Academia, 2002.
4. Barskaya O. L. Social well-being: methodological and methodical problems of research: abstract. Dis. ... Cand.philos.sciences'. M., 1989.
5. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M. G. Foundations of theoretical psychology. Moscow: INFRA-M, 1998, with 231s.
6. Rusalina A. A. Level approach in the study of social well-being of a person // Social well-being of the population in modern Russia. Rostov-on-don, 2010. Pp. 177
7. Levada Yuri Indices of social moods in "normal" and in crisis // Monitoring. 1998. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeksy-sotsialnyh-nastroeniy-v-norme-i-v-krizise> (accessed 22.10.2019).
8. Zaslavskaya T. I. Societal transformation of Russian society: activity-structural concept. Moscow, 2002. 560 PP.
9. Levada Yu. a. Framework and options of historical choice: several considerations about the course of Russian transformations. Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2003. No. 1.
10. Golovakha E. I., Panina N. V. Integral index of social well-being(IISS): construction and application of sociological test in mass surveys. - Kyiv: Publishing house of the Institute of sociology of NAS of Ukraine, 1997. - 214 p.
11. Lapin N. I., Belyaeva L. A. Regions in Russia: socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context. Moscow, 2009. 490 PP.
12. Official website of VTSIOM <https://wciom.ru/index.php?id=176> accessed 22.10.2019).
13. Rating of social well-being of Russian regions: civil society development Fund. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (date accessed: 22.10.2019).

Социальные проблемы современной российской молодежи: причины и пути решения

Демидова Т.Е.

В статье рассматриваются проблемы, стоящие перед современной российской молодежью, выделяются источники и причины их появления, намечаются возможные пути их решения. Автор приходит к выводу, что только участие всех ветвей власти государства, всего общества в жизни молодого поколения даст возможность эффективно решить проблемы социальной адаптации молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: молодежь, социальная группа, социальные ценности, социальные проблемы, роль государства, нормативно-правовая база, социальная защищенность.

Современные социальные проблемы молодежи в определенной мере являются следствием развала СССР и последовавшим распадом, создававшейся в Советском Союзе в течение 70 лет системы социального обеспечения населения и социальных гарантий. Как следствие мы получили в качестве характерной особенности современного этапа развития российского общества пугающее распространение в стране, алкоголизма, наркомании, преступности, падения морали. Затронули такие изменения и молодое поколение нашей страны. Прекратила свое существование государственная программа «Молодежь», и эта группа населения (молодежь) оказалась предоставлена сама себе. В результате исследователями констатируется динамика в худшую сторону в состоянии здоровья молодых людей, а это в свою очередь приводит к нарушению генофонда страны. Не будет преувеличением сказать, что подобные явления выливаются в угрозу национальной безопасности России.

Современное российское общество вошло в длительный период глубоких достаточно болезненных реформ, по сути дела, во всех областях жизни, предполагающих создание основ рыночной экономики, формирование гражданского общества, складывание правового госу-

дарства, формирование новой системы ценностей. Процессы модернизации затронули все общество, и далеко не всегда такие процессы имели однозначно позитивный вектор: увеличилось число безработных, лиц, работающих не по специальности, «социальных сирот», инвалидов, бездомных, безнадзорных, появились ранее неизвестные категории лиц — беженцев и вынужденных переселенцев. Заметно упал уровень медицинского обслуживания. Выросло число заболеваний, сопутствующих крайней бедности. Российское государство в течение достаточно продолжительного времени не могло сформулировать основные направления своей социальной политики, а отечественные предприятия, перешедшие в частные руки, освободились от т. н. «социального бремени», выразившегося в гарантиях, предоставляемых работодателями работникам. Такое положение дел, несмотря на наметившиеся тенденции к определенной социально-экономической стабилизации в России, во многом сохраняется до сих пор.

Наиболее рельефно ситуация с социальным положением в стране прослеживается при предметном рассмотрении ситуации с отдельными социальными группами населения России. В качестве одной такой группы рассматривается молодежь, без сомнения являющаяся наиболее динамичной, но и наименее защищенной социальной группой населения.

Социальное положение молодежи в России на современном этапе отражает общее состояние отечественного общества. Это положение определяется рядом объективных и субъективных факторов:

уровнем материальной обеспеченности, возможностью реализовать себя в профессиональной сфере, возможностью получить образование, сделать карьеру, обеспечить свои гражданские права и социальные гарантии, создать полноценную семью.

Давая характеристику молодежи, как социальной группы, следует выделить понимание этой группы в широком и узком смыслах. *В широком смысле* речь идет о весьма обширной общности, формирующейся на базе возрастных признаков и связанных с этими признаками основных видов деятельности. *В узком, т. е. в социологическом смысле* молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом характерных особенностей социального экономического положения членов этой общности, их места и функций в социальной структуре общества, специфических ценностей и интересов.

Говоря о социальном портрете современной молодежи, следует, как представляется выделить некоторые особенности и характерные черты. В первую очередь, если в советский период было допустимо говорить о молодежи вообще, то в настоящее время совершенно необходимо отмечать социальное *расслоение молодежи по сословно-имущественному признаку*. Кроме того, хотелось бы отметить, что *интеллектуально-образовательные ценности* современной молодежи следует рассматривать в ракурсе ее умственного творческого потенциала, который в последние годы значительно

снизился. Молодые люди оценивают свои творческие способности достаточно низко. Характерно неверие молодежи в свои силы, а это отражается на притоке молодых кадров в сферу умственного труда. В глазах молодежи ценность умственного труда, образования и знаний падает. Ответственность за такое положение дел следует возложить на СМИ (прежде всего, телевидение), открыто пропагандирующие роскошный образ жизни, достигаемый без особых усилий, на школу, прививающую молодому человеку ощущение неудачника, которое в последствие далеко не каждый может преодолеть в себе, а также на государство, не дающее умственному труду адекватную материальную оценку. Все это дало вполне обоснованные основания констатировать сужение социальных источников воспроизводства интеллектуального потенциала общества.

Более того, новая социальная реальность, связанная с формированием в России рыночной экономики, оказала на молодежь наиболее негативное воздействие. Среди социальных ценностей в глазах молодых людей труд оказался на одном из последних мест. Появилось широко распространенное мнение, согласно которому труд не является источником жизненного успеха.

В качестве серьезной угрозы перспективам развития общества стала выступать «утечка умов» за пределы России. Под влиянием СМИ, социальных сетей, зарубежного кино и российского телевидения «заграница» стала для молодежи более привлекательной, чем своя страна. Именно этим можно

объяснить желание молодых людей получать образование в зарубежных вузах, открывающих возможность устроиться на работу за пределами России. Да и в самой России зарубежное образование совершенно необоснованно стало залогом достижения заветной цели — профессионального успеха.

Важно на этом фоне отметить: современная российская молодежь — это во многом *люди с западным мышлением*, в котором мышление индивидуализма конкурирует с традиционным для России духом коллективизма. Надо с горечью признать, что современная молодежь — это *люди, которых ничего не объединяет*.

Конкретные социальные проблемы, стоящие перед современной молодежью можно классифицировать по ряду признаков. Во-первых, по *территориальному признаку* можно выделить:

- проблемы, характерные для молодежи развитых индустриальных стран;
- проблемы свойственные отдельным географическим регионам;
- проблемы, присущие одной отдельно взятой стране.

По *временному признаку* — т. н. «вечные проблемы» либо проблемы преходящие.

По *системному признаку* — к ним можно отнести общие проблемы молодежи, характерные для всего данного общества, и касающиеся разных групп этого конкретного общества, а также чисто молодежные проблемы, характерные только для этой социальной группы.

Проведенные социологические исследования, опросы самих мо-

лодых людей позволяют выделить несколько основных проблем, волнующих молодежь на сегодняшний день: преступность, деньги, безработица, образование, досуг, здоровье, наркотики, проституция, гражданские права, демографическая ситуация, жилье.

Рассмотрим некоторые из них:

- *преступность* — выделяется молодыми людьми в качестве важнейшей для современной России. В самой этой проблеме отмечаются два аспекта: а) угроза личной безопасности — подавляющее большинство современных молодых людей (до 70 %) не чувствуют себя в безопасности на улицах [7]; б) рост преступности среди самой молодежи, втягивание молодых людей в преступные группы. По оценкам, каждое четвертое уголовное преступление в России совершается сейчас молодежью и подростками [7];

- *деньги* — вторая по важности из проблем, отмечаемых молодежью. Причем, здесь стоит подчеркнуть, что деньги рассматриваются большинством людей, включая представителей молодежи, как символ жизненного успеха, как цель, к которой необходимо стремиться каждому. И в этом вопросе проявляется одна характерная черта значительной части современного молодого поколения: молодые люди хотят иметь хороший доход, но при этом не имеют ни профессии, ни стремления получить серьезную профессию, ни желания работать;

- *безработица* — проблема трудоустройства молодежи неизменно сохраняет огромное значение. Из-за перенасыщенности рынка труда молодежь является доста-

точно выраженной группой риска. Дискриминация молодых соискателей трудоустройства на рынке труда является характерной особенностью современной экономики нашей страны. И это не удивительно — молодые граждане характеризуются неустойчивостью жизненных установок, отсутствием производственного стажа и, в следствие этого, относительно низким профессиональным статусом. Молодые работники первыми попадают под сокращения при возникновении кризиса. Государство не гарантирует и не предоставляет молодежи достойную работу и достойную оплату труда. Отсутствие государственных гарантий на первое рабочее место — есть едва ли не самая острая социальная проблема современной молодежи;

- *образование* — возможности получения молодыми людьми образования на бюджетной основе крайне ограничены. Платное образование доступно далеко не всем. Молодежное творчество интересует ограниченный круг лиц. Государственные дотации для талантливых и одаренных молодых людей столь скромны, что по сути дела их ни на что не хватает;

- *досуг* — проблема проведения свободного времени ставится молодыми людьми на первое место среди «личных» проблем. Большая часть подростков и молодых людей младшей возрастной группы проводят свое свободное время «на улице» в обществе сверстников и товарищей, поскольку имеет место заметное сокращение возможностей молодежи в сфере досуга (вследствие значительного удорожания культурного времяпровождения), переориентация широких

слоев молодежи на более дешевые способы проведения свободного времени. При этом отмечается заметная вульгаризация и криминализация взаимоотношений в рамках молодежных групп;

- *наркотики* — потребление наркотических средств становится все более распространенным в молодежной среде. И это распространение идет в молодежной среде с катастрофической скоростью. Для приобщения к наркотикам характерен средний возраст — 15 — 17 лет. Потребление веществ, содержащих наркотики все чаще становится частью общения в молодежной среде, одним из средств проведения свободного времени. Социальные последствия наркомании весьма тяжелы. Наркоманы вследствие физической и социальной деградации личности выпадают из жизни общества — трудовой, общественно-политической, семейной;

- *алкоголизм* — важнейшей причиной появления такого негативного явления выступает социальное неравенство и социальная неустроенность. Исследования, проведенные Институтом молодежи показывают, что к 17 годам до 46 % российских юношей и до 54 % девушек потребляют спиртные напитки чаще, чем один раз в месяц. Огромный размах приобрел среди молодежи пивной алкоголизм. Так, согласно опросу, проведенному в Санкт-Петербурге, половина опрошенных молодых людей пьет пиво почти каждый день[6]. Наиболее тревожным является то, что свыше половины лиц, зависимых от алкоголя составляют молодые люди в возрасте до 29 лет. Они не в состоянии дать нормальное здоровое

потомство, участвовать в трудовой деятельности, в полноценной жизни общества;

- *проституция* — эта проблема не выделяется молодыми людьми, как «своя». Более того, она фактически не расценивается в качестве важной проблемы. В молодежной среде проституция не подвергается осуждению, поскольку многие даже полагают, что это — один из способов зарабатывать деньги. В то же время, в среде экспертов отмечается, что проблему молодежной проституции следует отнести к числу самых важных[7].

- *жилье* — проблема жилья для молодежи, без сомнения, остается важнейшей. Несмотря на начавшиеся процессы реновации жилого фонда, несмотря на идущее реформирование сферы ЖКХ, продолжающееся старение имеющегося жилья, неразвитость форм найма квартир вызывают рост цен на жилье и увеличение арендной платы. Процентные ставки по ипотеке остаются высокими, что делает этот вид приобретения жилья недоступным для молодых людей.

Решающая роль государства в процессе решения социальных проблем молодежи неоспорима. Для этого необходима разработка и проведение опирающейся на серьезную нормативно-правовую базу государственной молодежной политики, под которой понимается деятельность государства по созданию правовых, экономических и социальных гарантий, необходимых для самореализации каждого молодого человека.

В России приняты определенные законодательные акты, определяющие молодежную политику государства. К ним следует отне-

сти: Указ Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи»[1], Федеральный закон от 26 июня 1995 года № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»[2], Постановление Правительства Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»[3], а также Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральном агентстве по делам молодежи»[4]. В этих документах отмечается, что государственная молодежная политика в Российской Федерации основывается на следующих принципах:

- сочетание государственных, общественных интересов и прав личности в формировании и реализации государственной молодежной политики;
- привлечение молодых граждан к непосредственному участию в формировании и реализации политики, программ, касающихся молодежи и общества в целом;
- обеспечение правовой и социальной защищенности молодых людей;
- предоставление молодому гражданину гарантированного государством минимума социальных услуг по обучению, воспитанию, духовному и физическому развитию, охране здоровья, профессиональной подготовке и трудоустройству.

Затрагиваются в приведенных документах также и другие проблемы, важные для молодежи, к примеру, такие как содействие предпринимательской деятельности молодых людей.

Однако необходимо констатировать, что нормативно-правовая база государственной молодежной политики в современной России пока находится на этапе формирования. Следует проводить целенаправленную работу по выработке и принятию федеральных (общегосударственных), региональных и местных целевых программ по решению стоящих задач.

Молодежная тематика включает в себя широкий спектр проблем. В этом свете основным и определяющим является влияние государства и проводимой им политики, направленной на формирование системы ценностей современной молодежи. Государство в первую очередь должно создать условия для морально-нравственного воспитания молодых граждан, гарантировать ограждение их среды от попадания наркотических средств, распространения алкоголя и курения. Кроме того, в обязанности государства входят задачи, связанные не только со строительством спорткомплексов, но и с привлечением и приобщением молодежи к спортивно-оздоровительным мероприятиям. Одним из важнейших факторов, способствующих становлению молодой личности, является система образования. В школах и в вузах должен существовать здоровый культ знаний, почитание всесторонне развитой личности. С учетом, что многие молодые люди сами уже стали родителями, в задачу государства входит нравственное воспитание и развитие молодого поколения.

И, безусловно, абсолютно необходимы государственные гарантии трудоустройства людей, вступающих на свой трудовой путь. Воз-

можно целесообразно возродить установленное на уровне закона правило, запрещающее увольнение молодого специалиста в течение первых трех лет его работы на данном предприятии.

Проведение адресной и эффективной молодежной политики не должно приводить к появлению у молодых граждан настроений иждивенчества. Хотелось бы в связи с этим согласиться с мнением Д.Ю.Быковой и В.В.Зотова, считающих, что в рамках молодежной политики следует «рассматривать молодого человека как конструктора собственного социального окружения, наиболее полно соответствующего его реальным потребностям и заботам»[5].

Политики и государственные деятели разных мастей с высоких трибун громогласно заявляют, что молодежь — это будущее нашей страны, будущее всего человечества. Но на деле молодежные организации, пользующиеся государственной поддержкой, создаются в преддверие очередных выборов в органы власти разного уровня, после проведения которых избранные депутаты благополучно забывают о существовании социальных проблем молодежи, оставляя молодых людей наедине с этими проблемами. На деле же общества и государство просто обязаны оказывать всемерную поддержку молодежным общественным объединениям, направляющим активность молодых людей в сторону реализации общественных интересов.

Важную роль в нравственном воспитании молодежи должны играть СМИ. Важно учитывать, что молодые люди нашего времени не мыслят своего существования без

Интернета и социальных сетей. Эти источники, а также телевидение, должны быть настроены на приобщение молодежи к достижениям отечественной культуры, науки, а также к лучшим произведениям мировой классики. В СМИ абсолютно необходимо прекратить пропаганду образа грубой силы, культа насилия. В работе со СМИ и самих СМИ с молодежью необходим творческий подход, не допускающий бессмысленной вестернизации.

Проблемы молодежи стояли остро во все времена. Но в прежние времена их каким-то образом решали и неплохо решали. А какие решения подобных проблем мы можем наблюдать в наше время? Красивые речи с трибун, лозунги о том, что молодежь — это наше будущее. На сегодняшний день общество и государство не до конца преодолели потребительское отношение к молодежи. А это в свою очередь формирует иждивенческую позицию молодого поколения.

Несмотря на повсеместное признание того очевидного факта, что молодежь — это будущее нашей страны, решение социальных проблем этой группы населения остается пока в нашей стране лишь делом самой молодежи. Реально и эффективно решать их, похоже, никто не собирается. Однако, перечисляя проблемы и возникающие трудности, не следует считать, что вся без исключения современная молодежь не думает о будущем, что она поголовно развращена отсутствием морали, нравственности, испорчена и вульгарна. На самом деле большое число молодых людей хотят быть по-

лезными своей стране, хотят заниматься любимым делом, получать достойную оплату труда, жениться и выходить замуж, заводить детей, не опасаясь, что могут быть уволены в период очередного финансово-экономического кризиса. Но молодежи трудно справиться со всеми имеющимися проблемами самостоятельно. Только целенаправленное системное участие всех ветвей власти государства, всего общества в жизни молодого поколения даст возможность эффективно решить проблемы социальной адаптации молодежи в современном обществе.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 6 апреля 2006 г. N 325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» // <http://www.base.garant.ru>.
2. Федеральный закон от 26 июня 1995 года № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 1993 г. N 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // <http://www.zaki.ru/>.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 г. N 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи» (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru>.
5. Быкова Д.Ю., Зотов В.В. Социокультурный подход к формированию молодежной политики инновационного общества // «Вопросы культурологии». 2011. № 4 (апрель

6. Крицкая О.А. Социальные проблемы современной российской молодежи и способы их решения. // www.km.ru/referats/335337-socialnye-problemy-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi-i-sposoby-ikh-resheniya

7. Социальные проблемы молодежи. // <http://5fan.ru/wievjob.php?id=90158>.

Social problems of modern Russian youth: causes and solutions

Demidova T.E.

Russian State Social University

The article deals with the problems facing modern Russian youth, sources and reasons for emerging of these problems, traces ways for possible solution of the problems. The author concludes that only the participation of all branches of government, the whole society in the life of the young generation will make it possible to solve effectively the problems of social adaptation of youth in modern society.

Key-words: youth, social group, social values, social problems, role of the State, legal basis, social security.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of April 6, 2006 N 325 "On measures of state support of talented youth" // <http://www.base.garant.ru>.
2. Federal Law of June 26, 1995 No. 98-ФЗ "On State Support of Youth and Children's Public Associations".
3. Decree of the Government of the Russian Federation of June 3, 1993 N 5090-1 "On the main directions of state youth policy in the Russian Federation" // <http://www.zaki.ru/>.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2008 N 409 "On the Federal Agency for Youth Affairs" (with amendments and additions) // <http://base.garant.ru>.
5. Bykova D.Yu., Zotov V.V. Sociocultural approach to the formation of the youth policy of an innovative society // "Questions of Cultural Studies." 2011. No 4 (April
6. Kritskaya O.A. Social problems of modern Russian youth and ways to solve them. // www.km.ru/referats/335337-socialnye-problemy-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi-i-sposoby-ikh-resheniya
7. Social problems of youth. // <http://5fan.ru/wievjob.php?id=90158>.

Социологическая диагностика ценностных аспектов цивилизационной идентичности современной российской студенческой молодежи

Максимов В.В.

В статье обосновывается авторская позиция о методологических и методических аспектах социологической диагностики процессов цивилизационной идентичности молодежи на основе ценностного подхода. С этих позиций производится обзор современных концепций цивилизации, процессов цивилизационной идентификации и идентичности, выделяются ценностные аспекты этих социальных феноменов. По результатам авторского социологического исследования характеризуются качественные и количественные показатели ценностной цивилизационной идентичности современной российской студенческой молодежи.

Ключевые слова: социологическая диагностика, ценности, цивилизация, идентичность, молодежь, студенты.

Социальная диагностика в условиях активной трансформации глобальных социальных коммуникаций, изменением ценностно-нормативных основ функционирования национальных государственных образований, появление феноменов «общества риска», «нормальности катастроф» возрастание угроз терроризма, дегуманизации человеческих отношений, закономерно обращается к базовым социальным концепциям цивилизационного развития социума, отдельных обществ, народов и локальных региональных трансграничных социальных групп, наций, культур.

Попытки использования концепции цивилизационного развития для объяснения существенных проблем бытия и перспектив развития человечества предпринимались классиками социально-гуманитарного знания в нашей стране [3; 4; 5; 9], за рубежом [7; 8]. Не ослабевает внимание к этой проблеме и у современных ученых [1; 2; 10].

На основе некоторых научно-практических подходов в 2019 году на базе Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве реализован исследовательский проект «Цивилизационная иден-

тичность – 21 век». В ходе сбора первичных данных использованы методы анкетирования, адаптированная тестовая методика ранжирования Рокича, тест «Коммуникативные и организаторские склонности», методика парных сранений. Всего было опрошено 346 респондентов из числа студентов московских вузов из 36 регионов России. Представительность данных обеспечена на уровне ошибки 5% и уровне значимости 0,05.

Основное понятие исследования – «российская цивилизация» определялась в качестве локальной цивилизации, как относительно автономного в пространственно-временном континууме социума, представляющего целостной системы экономической, политической, социальной и духовной сфер, которая развивается по законам витальных циклов – зарождение, развитие, расцвет и угасание.

Изучение нормативно-правовых источников, монографической и научно-популярной литературы, результатов социологических, культурологических исследований позволило сформировать индикативный перечень ценностно-нормативных характеристик различных цивилизаций.

Так, интерпретация и операционализация присущих российской цивилизации духовно-нравственных ценностей проведена на основе предварительного системного анализа нормативно закреплённого в документах стратегического планирования их перечня [6]. К ним отнесены: достойное отношение к истории нашей страны, свобода и независимость России, ценность гуманизма, признание ценности межнационально-

го мира и согласие, принятие ценностей единства культур многонационального народа Российской Федерации, ценность и уважение семейных традиций, уважение конфессиональных традиций, ценность патриотизма.

Базовые ценности европейской цивилизации были определены в целях социальной диагностики в ходе анализа Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. К терминальным ценностям этой цивилизации отнесены: демократия, как это понимается в соответствии с европейскими традициями; плюрализм, терпимость, понимаемая в европейском смысле; свобода, понимаемая в европейской цивилизационной традиции; справедливость, понимаемая в европейской традиции, а к инструментальным: равенство, недискриминация, равенство между женщинами и мужчинами; верховенство закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам; солидарность, понимаемая в европейской традиции; уважение человеческого достоинства.

Аналогичным образом были определены индикативные характеристики для других цивилизаций. С помощью методики парных сравнений выявлены уровни привлекательности для российской молодежи следующих цивилизаций: «российская», «китайская», «европейская», «североамериканская», «исламская».

Использование корреляционного анализа позволило выявить большую отрицательную связь нашей цивилизации с североамериканской ($C = -0,464$ при уровне значимости $\alpha = 0,01$), европейской

($C = -0,328$ при уровне значимости $\alpha = 0,01$), китайской ($C = -0,142$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$). Одновременно какой-либо корреляции результатов альтернативного выбора с исламской цивилизацией не выявлено.

Основное внимание в исследовании уделено получению углубленных характеристик российской цивилизационной идентичности российской студенческой молодежи. Весьма информативными в этой связи стали вопросы о принятии (не принятии) респондентами норм, ценностей и установлений, составляющих содержание ее ценностной модели.

Наибольшую поддержку у респондентов получили следующие утверждения, характеризующие его отношение к различным аспектам российской цивилизации: «жителю России важно знать русский язык, кириллическую письменность, как содержательных компонентов русской цивилизации» (средняя оценка по пятибалльной шкале равно 4,6384); «заслуживает одобрения норма важности поддержания «межнационального мира» в русской цивилизации, как ее коммуникативный цивилизационный компонент» (4,4169); «заслуживает одобрения признание важности «справедливости» представителями русской цивилизации, как ее ценностного цивилизационного компонента» (4,3453); «заслуживает одобрения признание важности «ненасилственности» представителями русской цивилизации, как ее ценностного цивилизационного компонента» (4,2443); «заслуживает одобрения признание важности «совести» представителями русской цивилизации, как ее ценност-

ного цивилизационного компонента» (4,2248); «жителю России важно, чтобы соблюдалась «суверенность, самостоятельность, самодостаточность», как организационный компонент русской цивилизации» (4,1824).

Отдельного осмысления заслуживают относительно низкая оценка респондентами такой характеристики российской цивилизации, как утверждение «Заслуживает одобрения признание важности «святости» представителей русской цивилизации, как ее ценностного цивилизационного компонента» (3,4150). Это может свидетельствовать в частности, об ослаблении религиозных оснований ее функционирования и развития.

Для получения отдельных характеристик соотнесения респондентами себя с российской цивилизацией были получены их оценки привлекательности, ощущения принадлежности, а также связанности своего будущего с нею.

Результаты показывают, что большинство респондентов положительно оценивают свою идентификацию с российской цивилизацией по каждому из этих оснований.

73,4% молодых людей считают для себя ее привлекательной (при этом 38,5% однозначно), а лишь 7,3% не привлекательной (0,7% определенно не привлекательной).

Ощущение принадлежности к российской цивилизации испытывают 78,4% респондентов (51,2% определенно), в противовес группе студентов в 6,6% от общей выборки, указавших на отсутствия чувства принадлежности (2,3% его не испытывают однозначно).

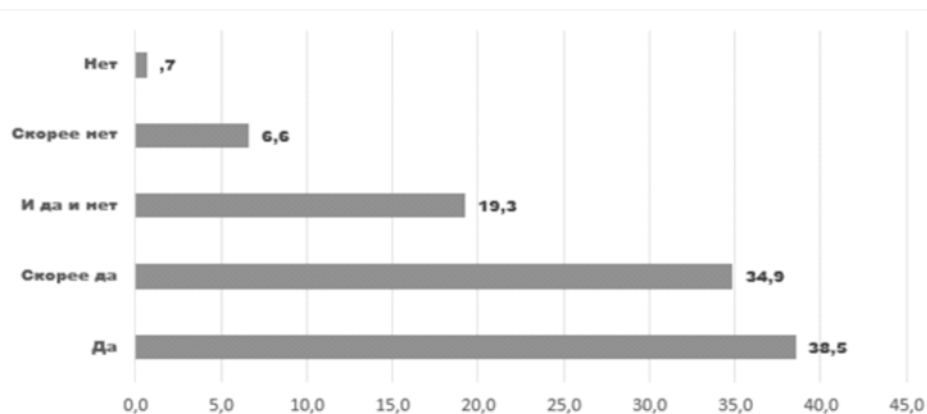

Рисунок 1 – Оценка привлекательности российской цивилизации

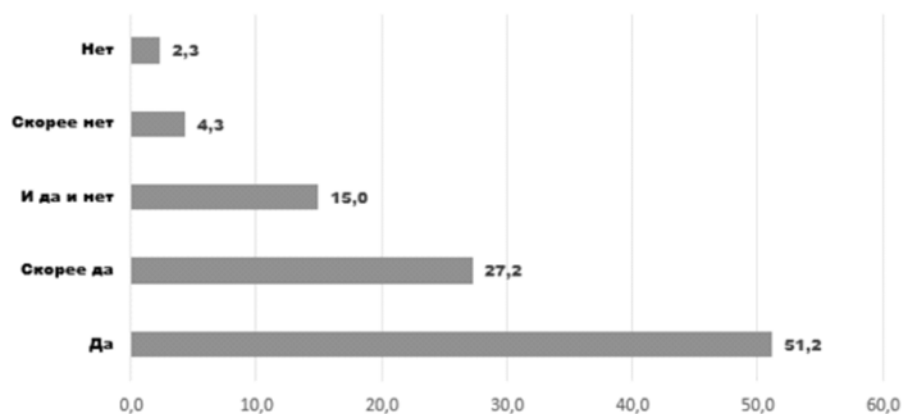

Рисунок 2 – Оценка ощущения принадлежности к российской цивилизации

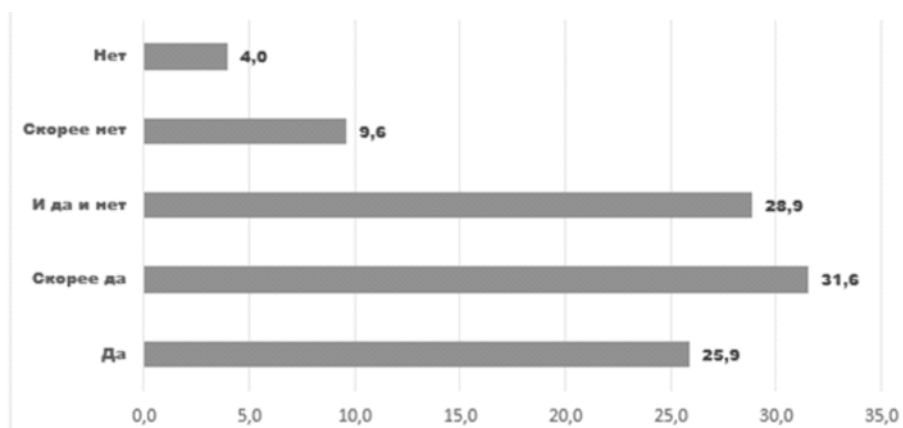

Рисунок 3 – Оценка связи своих жизненных планов с российской цивилизацией

Свои дальнейшие жизненные планы с российской цивилизацией соотносят 57,5% молодых людей (25,9% указали на это определенно), а не связывают 13,6% респондентов (4,0% высказались однозначно отрицательно).

Особую группу составляют «неопределившиеся», - те, кто предпочли ответ «и да и нет». Количественные характеристики этих групп свидетельствует о том, что среди молодых людей есть заметная доля тех, для кого процесс социального самоопределения не завершен. Так, 19,3% опрошенных не могут определить свою оценку по привлекательности российской цивилизации, 15,0% - своего ощущения принадлежности к ней, а почти каждый третий (28,9%) по определению совпадения своих жизненных планов с ее развитием.

В последующем анализ полученных первичных социологических данных предполагает выявление детерминаций цивилизационной идентичности, построение прогнозов, определения рисков этого процесса среди молодежи на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Таким образом, процессы цивилизационной идентичности населения специфичны для молодежи, которая проходит процесс самоопределения и нуждается в жизненных ориентирах. В связи с этим социальное управление трансформациями российской идентичности, определение перспектив развития российской цивилизационной модели должно включать в себя мониторинговые исследовательские технологии, позволяющие насытить органы власти научно обоснованной информацией о вовлеченности

молодежи в процессы развития нашего социума.

Литература

1. Алаев, Л.Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2.
2. Алибегиллов, Ш.А. Концептуальные понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. 2016. Т.24. №11. С.100-105.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е - М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. - 816 с.
4. Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2010. - 1232 с.
5. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / Питирим Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. - Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 2000. - 1054 с.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683).
7. Сэмюэль Хантингтон: столкновение цивилизаций? / Гуманитарные технологии. Аналитический портал. ISSN 2310-1792. 20 января 2007 г. Электронный ресурс: [\https://gtmarket.ru/laboratory/expertiz

е/2007/2498]: Дата обращения: 1 октября 2019 г.

8. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М., Рольф, 2001.- 640 с.

9. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5-24, А.Ю.Согомонова]. - М.: Политиздат, 1992. - 542 с.

10. Яковенко, И.Г. Цивилизационный анализ, проблема метода. // Проблемы исторического познания. - М.: Наука, 1999. С.84-92.

Sociological diagnostics of value aspects of civilizational identity of modern russian student youth

Maximov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article substantiates the author's position on the methodological and methodological aspects of the sociological diagnosis of the processes of civilizational identity of youth on the basis of the value approach. From these positions, the review of modern concepts of civilization, processes of civilizational identification and identity is made, the value aspects of these social phenomena are highlighted. According to the results of the author's sociological research, qualitative and quantitative indicators of the value civilizational identity of modern Russian students are characterized.

Key words: sociological diagnostics, values, civilization, identity, youth, students.

References

1. Alaev, LB Vague theory and controversial practice: on the latest civilizational approaches to the East and to Russia // Historical Psychology and Sociology of History. 2008. No. 2.

2. Alibegilov, Sh.A. Conceptual concepts of political identity in the context of the formation of civilizational identity of Russia // Power. 2016.V.24. No. 11. S.100-105.
3. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Otv. ed. O. Platonov. Ed. 2nd - M.: Institute of Russian Civilization, Blessing, 2011. - 816 p.
4. Leontyev K. N. Slavophilism and future destinies of Russia / Comp., Will enter. Art., decree. names and comments. A.V. Belova / Resp. ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, 2010. -- 1232 p.
5. Social and cultural dynamics: A study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and societies. relationship / Pitirim Sorokin; Per. from English V.V. Sapova. - St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Art Institute for Contemporary Art, 2000. -- 1054 p.
6. The National Security Strategy of the Russian Federation (Approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683).
7. Samuel Huntington: The Clash of Civilizations? / Humanitarian technology. Analytical portal. ISSN 2310-1792. January 20, 2007 Electronic resource: [https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498]: Date of access: October 1, 2019
8. Toynbee A. J. Understanding History. Collection. / Per. from English E. D. Zharkova, M., Rolf, 2001. -- 640 p.
9. The man. Civilization. Society / Pitirim Sorokin; [Common Ed., comp. and foreword, p. 5-24, A.Yu. Sogomonova]. - M.: Politizdat, 1992. -- 542 p.
10. Yakovenko, I.G. Civilization analysis, the problem of the method. // Problems of historical knowledge. - M.: Nauka, 1999. P.84-92.

Интеграция социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования

Водолазова Ж.М.

Статья посвящена изучению тематики, актуальной для современной социологической теории и социальной практики – развитию социально ориентированных некоммерческих организаций. Целью исследования явилось выявление специфики процесса интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в управление системой образования. Для сбора первичных данных применялись методы: анкетный опрос, анализ сайтов, наблюдение, полуструктурированное интервью. В результате исследования выявлена тенденция интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования.

Ключевые слова: социальная интеграция, социально ориентированные некоммерческие организации, социальное управление, система образования.

Современное общество характеризуется развитием гражданских инициатив. С одной стороны, оно нуждается в пропаганде и закреплении сложившейся системы ценностей и в экспансии вовне, а с другой – ему требуется реализация мер, ограждающих социум от деструктивного и разрушающего влияния внешних ценностных компонентов, которые могут привести к потере самобытности. Одним из социальных институтов, обеспечивающих оптимальное соотношение развития и преемственности, является образование [7]. Именно оно реализует процессы сохранения и преумножения знаний, накопленных конкретным обществом.

По оценкам исследователей, самоорганизация российских граждан является одной из основных тенденций, четко наблюдаемых в развитии гражданского общества в стране и направленных на решение имеющихся значимых социальных проблем [6]. Современные гражданские инициативы все чаще обращаются к теме образования, причем практически ко всем уровням и формам реализации образовательных программ. Граждане объединяются, создавая юридиче-

ские лица, и таким образом участвуют в процедурах общественного контроля, экспертизы, даже реализации образовательных услуг. Наиболее перспективны в данном отношении некоммерческие организации, создаваемые в различных формах. Согласно законодательству, некоммерческими организациями считаются те, которые не имеют в качестве основной цели деятельности извлечение прибыли и ее распределение между участниками. Поскольку образование в современном понимании является социальным институтом и является сферой оказания услуг, в первую очередь, речь идет о социально ориентированных некоммерческих организациях. Речь идет непосредственно о тех НКО, которые осуществляют деятельность, имеющую основной направленностью решение социальных проблем, а также развитие гражданского общества (СОНКО) [5]. Образовательные услуги в современном понимании должны в перспективе служить как разрешению трудностей, возникающих на пути общественного развития, так и реализации индивидуальных и групповых инициатив граждан.

Но только создания юридических лиц, зарегистрированных как некоммерческие организации, оказалось недостаточно. Встал вопрос о статусном и квалификационном уровне данных общественных структур [1]. В результате проведения эмпирических исследований ученые выявили недостатки, препятствующие интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в сложные процессы управления современной системой образования. Среди

трудностей были сформулированы следующие:

- не в достаточной степени сформированна единая система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций как со стороны государства, так и со стороны органов региональной власти и местного самоуправления;

- несовершенство и неотработанность механизмов такой поддержки;

- несформированность системы социального заказа;

- отсутствие единой и согласованной системы ведения реестров социально ориентированных некоммерческих организаций, которые признаны в качестве получателей поддержки, предоставляемой на разных уровнях и в различных видах;

- низкая информированность населения о сферах деятельности существующих социально ориентированных некоммерческих организаций;

- невысокая гражданская активность и юридическая грамотность населения страны;

- неналаженная система эффективного взаимодействия представителей исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления с социально ориентированными некоммерческими организациями, функционирующих на подведомственных территориях [4].

На сегодняшний день данные недостатки постепенно устраняются [2]. Но вместе с этим обнаруживаются новые сложности, связанные с развитием деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в конкрет-

ных регионах и сферах проявления их активности.

Обратимся к характеристике материалов и методов, использованных в исследовании. В статье представлены результаты двух полевых исследований, в реализации которых принимала участие автор статьи. Оба исследования носили пилотный характер. Исследования реализованы совместно сотрудниками Лаборатории социальных проектов Белгородского государственного университета и Белгородской региональной общественной организации «Центр социальных инициатив "Вера"».

Проект «Потенциал интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в систему управления решением социальных проблем региона» реализован в 2018 г. в Белгородской области.

Сбор первичных данных осуществлялся при помощи метода анкетного опроса ($n = 16$). В качестве респондентов выступили учредители, руководители, сотрудники, участники и волонтеры социально ориентированных некоммерческих организаций.

Исследовательский пилотный проект «Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в привлечении детей к решению вопросов, затрагивающих их интересы» реализован в 2019 г. на выборке Белгородской области. Методы сбора первичных данных:

- анализ сайтов социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории области ($n = 16$);

- наблюдение за деятельностью сотрудников и участников социаль-

но ориентированных некоммерческих организаций ($n = 16$);

- полуструктурированное интервью с сотрудниками и участниками социально ориентированных некоммерческих организаций ($n = 36$);

- полуструктурированное интервью с детьми, получающими социальные услуги в социально ориентированных некоммерческих организациях ($n = 38$).

В обоих вышеназванных исследованиях использована целевая выборка. Метод обработки и анализа данных: компьютерный анализ первичных материалов при помощи использования пакета программ SPSS.

Кроме того, использован метод вторичного анализа данных, при помощи которого были рассмотрены результаты исследований, осуществленных ранее другими учеными и осуществлен компаративный анализ («Развитие региональных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемы и перспективы, 2013 г., автор А.В. Исаев; Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России, 2015 г., автор А.В. Соколов).

Обратимся к результатам исследования и их обсуждению. Исследование, проведенное нами в Белгородской области, позволило выявить ограничения при интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в региональные социальные процессы. Рассматривая взаимодействие СОНКО с внешней средой, можно отметить, что большинство (61 %) организаций контактирует с пред-

ставителями своей целевой группы (то есть, людей, относящихся к той категории, которая по уставу является приоритетной при получении помощи от организации) практически каждую неделю. Однако 39 % делают это гораздо реже, вплоть до нескольких раз в год. О трудностях интеграции СОНКО в систему управления решением социальных проблем региона говорят результаты исследования, показывающие, что организации взаимодействуют с частотой от 1-го до 2-х раз в месяц с разными социальными субъектами (таблица 1).

Таблица 1

Взаимодействие социально ориентированных некоммерческих организаций с разными социальными субъектами (с частотой контактов – от 1-го до 2-х раз в месяц)

№ п/п	Социальные субъекты, с которым осуществляется взаимодействие	Процентный показатель
1	представители местного сообщества, то есть, население, проживающее на территории региона	38 %
2	другие социально ориентированные некоммерческие организации	35 %
3	сотрудники администраций местного самоуправления	30 %
4	разработчики и модераторы различных интернет ресурсов	23 %
5	сотрудники газет, освещающих события, происходящие в регионе	22 %

Помимо того, социально ориентированные некоммерческие организации от 3-х до 4-х раз в год взаимодействуют со следующими людьми:

– работниками местного телевидения (32 %);

– представителями региональной администрации (27 %);

– местными политиками (27%).

Интересным является тот факт, что участниками СОНКО не было отмечено, что их взаимодействие со спонсорами вообще осуществляется с какой-либо периодичностью, то есть, можно заключить, что оно вообще отсутствует.

Респонденты из числа участников социально ориентированных некоммерческих организаций называют, на их взгляд, наиболее эффективные меры по повышению эффективности их работы (табл.2).

Таблица 2

Наиболее эффективные меры возможного повышения эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (мнения участников СОНКО)

№ п/п	Меры возможного повышения эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций	Процентный показатель
1	увеличение внешнего целевого финансирования их организации	63 %
2	разработка дополнительных специальных программ организационной и финансовой поддержки СОНКО	44 %
3	разносторонняя поддержка администрации региональных органов власти и представителей местного самоуправления	44 %
4	знакомство с «историями успеха» других СОНКО в регионе, стране	24 %
5	своевременное получение информации, касающейся деятельности организации и возможностей участия в конкурсах и грантах	24%

Как видно из ответов респондентов, представленных в таблице 2, у них до сих пор преобладают

патерналистские установки во взгляде на развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в стране. Полученные результаты согласуются с итогами, полученными другими исследователями: инициатива развития СОНКО рассматривается как прерогатива органов власти [3].

Респондентам был задан вопрос о том, каковы основные условия, позволяющие социально ориентированным некоммерческим организациям эффективнее решать стоящие перед ними задачи. Результаты ответов представлены в таблице 3.

Таблица 3
Основные условия, позволяющие социально ориентированным некоммерческим организациям эффективнее решать стоящие перед ними задачи (мнения участников СОНКО)

№ п/п	Условия, которые позволяют организации лучше решать стоящие перед ней задачи	Процентный показатель
1	руководитель является авторитетным лидером в СОНКО	70 %
2	наличие многолетнего опыта руководящей работы или деятельности в сфере, являющейся приоритетной для конкретной СОНКО	68 %
3	сложившаяся положительная репутация СОНКО, ее учредителей, руководителя, работников, участников и волонтеров	62 %
4	наличие специалистов в штате	59 %
5	налаженные контакты с местной администрацией	54 %
6	тесное взаимодействие с региональными органами власти	45 %
7	сложившиеся хорошие отношения с журналистами и редакторами из СМИ	36 %

Итак, из данных, приведенных в таблице 3, становится понятным,

что для развития социально ориентированных некоммерческих организаций очень важно иметь развитую сеть внешних контактов и авторитетных людей в собственной организации.

Если мы обратимся непосредственно к тем социально ориентированным некоммерческим организациям, деятельность которых связана с оказанием социально-образовательной помощи, то мы увидим яркую специфику. К примеру, приведем некоторые данные нашего исследования «Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в привлечении детей к решению вопросов, затрагивающих их интересы» (табл. 4).

Таблица 4
Результаты полуструктурированного интервью с сотрудниками и участниками социально ориентированных некоммерческих организаций

№ п/п	Тематика, поднятая интервьюируемыми сотрудниками и участниками СОНКО	Процентный показатель
1	роль СОНКО в решении проблем детей растет благодаря государственной поддержке	75 %
2	услуги, оказываемые детям в СОНКО, более качественные, чем в других структурах	85 %
3	причиной внимательного отношения и учета мнения детей в СОНКО является интернальная мотивация	87 %

То есть, развитие гражданского общества идет не только в соответствии с тенденцией активизации взрослых граждан страны, но и несовершеннолетних ее представителей. Это совершенно новый вектор общественного развития.

Таблица 5
Результаты полуструктурированного интервью с детьми, получающими помощь в социально ориентированных некоммерческих организациях

№ п/п	Тематика, поднятая интервьюируемыми детьми	Процентный показатель
1	в СОНКО отношение к детям более внимательное, «душевное», чем в государственных и коммерческих структурах	55 %
2	услуги, оказываемые детям в СОНКО, основаны на индивидуальном подходе	75 %
3	сотрудники и участники в СОНКО спрашивают мнение детей об их желаниях и о проводимых мероприятиях	82 %

Таким образом, непредвзятое мнение детей показывает специфику деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и качество их работы с несовершеннолетними. Но здесь следует учитывать, что, во-первых, в СОНКО обращаются семьи зачастую с невысоким уровнем достатка, не имеющие возможность получить дорогостоящие услуги в развитых коммерческих центрах, а, во-вторых, речь идет об услугах, которые являются специфическими, зачастую нацеленными на узкую категорию несовершеннолетних и поэтому предоставляются только в специализированных СОНКО. Но в любом случае данные услуги связаны со сферой образования и анализ как процесса их оказания, так и результатов представляет интерес для разработки стратегических направлений интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования.

Литература

1. Волкова, О.А. Некоммерческие организации как ресурс развития социальной сферы региона / О.А. Волкова, Ю.А. Гребеникова // Управление городом. 2017. № 2 (25). С. 52–56.
2. Волкова, О.А. Развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в современной системе социальной защиты населения / О.А. Волкова // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов: материалы Всеросс. конф., 12-13 сентября 2019 г. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2019. – С. 79–83.
3. Волкова, О.А. Современная общественная миссия российских некоммерческих организаций в регионах / О.А. Волкова // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф., 30 ноября – 1 декабря 2016 г. / под ред. О.А. Волковой, Е.И. Мозговой, Д.А. Кулабухова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 29–43.
4. Исаев, А.В. Развитие региональных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемы и перспективы // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 352–363.
5. О некоммерческих организациях: федеральный закон. От 12.01.1996; в ред. от 01.01.2019 // КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru>.
6. Соколов, А.В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России // Власть. 2015. № 6. С. 52–57.

7. Шереги, Ф.Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 12-36.

Integration of socially oriented non-profit organizations in the processes of management of the education system

Vodolazova Zh.M.

Sports and leisure center "Schukinets"

The article is devoted to the study of topics relevant to modern sociological theory and social practice - the development of socially oriented non-profit organizations. The aim of the study was to identify the specifics of the process of integration of socially oriented non-profit organizations in the management of the education system. Methods were used to collect primary data: questionnaire survey, site analysis, observation, semi-structured interview. As a result of the study, the tendency of integration of socially oriented non-profit organizations into the educational system management processes was revealed.

Keywords: social integration, socially oriented non-profit organizations, social management, education system, questionnaire survey, semi-structured interview.

References

1. Volkova, O.A. Non-profit organizations as a resource for the development of the social sphere of the region / O.A. Volkova, Yu.A. Grebenikova // Management of the city. 2017. No. 2 (25). S. 52-56.
2. Volkova, O.A. The development of socially oriented non-profit organizations in the modern system of social protection of the population / O.A. Volkova // New trends in the activities of social protection institutions: materials of the All-Russian. Conf., September 12-13, 2019 Irkutsk: Baikal Publishing House. state University, 2019. -- S. 79-83.
3. Volkova, O.A. The modern public mission of Russian non-profit organizations in the regions / O.A. Volkova // Social work in the modern world: the interaction of science, education and practice: materials of the VIII International. scientific-practical Conf., November 30 - December 1, 2016 / ed. O.A. Volkova, E.I. Brain, D.A. Kulabukhova. - Belgorod: Publishing House "Belgorod" NRU "BelSU", 2016. - S. 29-43.
4. Isaev, A.V. Development of regional resource centers for support of socially oriented non-profit organizations: problems and prospects // Bulletin of NSUU. 2013. No. 4. P. 352-363.
5. On non-profit organizations: federal law. From 12/01/1996; as amended from 01.01.2019 // ConsultantPlus. <http://www.consultant.ru>.
6. Sokolov, A.V. Features of the functioning of resource centers of non-profit organizations in Russia // Power. 2015. No. 6. S. 52-57.
7. Sheregi, F.E. Education as a social institution: functions and dysfunctions // Russia is reforming. 2015. No. 13. P. 12-36.

Результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации

Ерохин Е.Г.

В статье раскрывается актуальность изучения управленческой культуры офицера. Уточнен и разграничен смысл понятий культура управления и управленческая культура. В качестве основного теоретико-методологического основания исследования обосновывается использование структурно-функционального подхода. Содержательно раскрыты основные этапы социологического исследования. Также представлены некоторые результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: функции управления, воинское подразделение, культура управления, управленческая культура, компоненты управленческой культуры.

На недавнем селекторном совещании с руководством Вооруженных Сил Министр обороны России С.К. Шойгу обратил внимание присутствующих, на серьезнейший вопрос соблюдения регламента служебного времени. Он предупредил, что будет: «рассматривать систематические нарушения регламента, как *неспособность командиров планировать и организовывать работу своих подчиненных*. И учитывать это при аттестации командного состава» [1]. Министр обороны потребовал от командиров и начальников грамотно ставить служебные задачи, проявлять заботу о подчиненных, а так же отметил, что невыполнение этих требований приведет к снижению эффективности управления, и отразится на качестве выполнения задач. Контроль за соблюдением распорядка дня, он возложил на Национальный центр управления обороной и Главное военно-политическое управление.

Планирование и организация служебной деятельности представляет собой неотъемлемые функции управления присущие аб-

солютно всем командирам (начальникам) в структуре Вооруженных Сил Российской Федерации. Выполнение перечисленных выше функций в совокупности с согласованием управленческих действий, мотивацией подчиненных и контролем выполнения поставленных задач, является непосредственным содержанием процесса управления в Вооруженных Силах Российской Федерации. Функции управления так же характеризуют одноименные этапы управленческого процесса и более того являются видами управленческой деятельности (планирование, организация, координация, мотивация, контроль). Эффективность управления (как процесса) и качество выполнения поставленных задач напрямую зависит от типа управленческой культуры офицера в том или ином воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации.

Почему автором в качестве наиболее релевантного уровня репрезентации выбрано воинское подразделение? Потому что, воинское подразделение представляет собой воинское формирование, имеющее постоянную организацию и однородный состав. Подразделения входят в более крупные подразделения или воинские части, «к подразделениям относятся: батальон, дивизион, эскадрилья, рота, батарея, звено, боевая часть корабля, взвод, отделение, расчёт, экипаж и др.» [2]. Таким образом, воинское подразделение представляет собой основную, относительно самостоятельную, организационную единицу в структуре Вооруженных Сил. Результативность управления Вооруженными

Силами Российской Федерации непосредственно складывается из результативности процессов управления в различных структурных элементах Вооруженных Сил – воинских подразделениях.

В рамках научной статьи, автор считает необходимым уточнить и разграничить смысл понятий культура управления и управленческая культура. Тщательное теоретическое изучение объекта исследования, позволило нам прийти к выводу, что *культура управления* – это обобщенное наименование совокупности теоретических знаний об управлении, накопленных в процессе эволюции этого социального феномена и сосредоточенных на различных физических носителях информации. А *управленческая культура* – это непосредственное, практическое выражение культуры управления, преломляемое через индивидуальность личности руководителя, в процессе осуществления им управленческой деятельности. В дополнение следует отметить, что управленческая культура не тождественна стилю управления. Автор выражает согласие с мнением И.П. Литвинова о том, что «стиль управления – это совокупность приемов, средств деятельности, свойственных их носителю (личности руководителя), используемых для решения управленческих задач» [3, с. 414]. Управленческая культура же, тот внутренний потенциал и источник ресурсов, который способствует реализации стиля управления, придавая ему определенную индивидуальность.

В целях исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Рос-

сийской Федерации в марте-апреле 2019 года автором статьи при поддержке Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации проведено конкретное военно-социологическое исследование [4]. Проведению исследования предшествовал теоретический анализ управленческой культуры, как сложного социокультурного феномена, разработка методики его изучения, а также написание программы исследования. Исследование проведено по всеармейской случайной квотной выборке, рассчитанной экспертами Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации.

Изучение управленческой культуры офицера в воинском подразделении выполнялось в рамках двух классических этапов социологического исследования. Первый, теоретико-методологический, имел целью теоретического обоснования проведения исследования, а также подбор и конкретизацию научных методов исследования. Содержательно он включает в себя следующие подэтапы: аргументация проблемы исследования, установление объектно-предметной области научного поиска, постановка цели и формулирование задач, комплексный системный анализ объекта исследования, теоретическая интерпретация основных понятий, эмпирическая интерпретация и последующая операционализация основных понятий исследования, выдвижение предварительных гипотез.

Второй, организационно-процедурный подразумевал описание стратегии сбора, а также обработки эмпирических данных, полу-

ченных в ходе опроса, устанавливал структуру и объем выборочной совокупности, характеризовал логику количественного анализа результатов исследования и их типологизацию. Содержательно он включает в себя следующие подэтапы: описание методов сбора данных, формирование генеральной и выборочной совокупности, описание математико-статистических методов обработки, анализа первичных социологических данных, их последующую интерпретацию, планирование стратегических (принципиальных) этапов проведения исследования.

Из числа теоретико-методологических оснований исследования следует отметить структурно-функциональный подход, который позволил выделить в структуре управленческой культуры офицера три компонента: когнитивный, ценностно-нормативный и компетентностный (поведенческий), а так же оценить функциональную нагрузку каждого компонента в управленческой культуре офицера. В последующем при применении комплекса математико-статистических методов обработки и анализа данных производилось сравнение индивидуальных индексов функциональности компонентов управленческой культуры офицера со средними групповыми индексами функциональности компонентов управленческой культуры офицеров. Результаты сравнения позволили выделить восемь типов офицеров в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации с точки зрения их управленческой культуры.

В процессе анализа и интерпретации данных, полученных при изучении управленческой культуры офицера в воинском подразделе-

нии Вооруженных Сил Российской Федерации было установлено, что каждый социальный тип офицеров на прямую характеризуется определенными преимущественными видами управленческой деятельности. Всякий тип управленческой культуры, регулируя поведение офицера в воинском подразделении, и его управленческую деятельность, обуславливает прева-лирование того или иного этапа управления в общем процессе управления воинским подразделением (отдельными военнослужащими), а так же социальными процессами и явлениями, протекающими в подразделении. Это обстоятельство было положено автором в принцип разработки наименований социальных типов офицеров – командиров воинских подразделений (см. таблицу 1).

Практическое значение имеет тот факт, что «Уравновешенный» тип командиров – полностью дисфункциональный по востребованности компонентов управленческой культуры офицера, не имеет явно выраженных преимущественных видов управленческой деятельности. В рамках проведенного исследования, неким идеальным соотношением видов управленческой деятельности видится тип офицеров «Организатор-Планер», этот тип функционален по всем компонентам, разработанной автором социологической модели управленческой культуры. Рассмотренный тип офицеров затрачивает на организацию служебной деятельности около 30% служебного времени, на планирование своей работы – 20%, на согласование управленческих действий, для достижения цели (координацию) –

18%, на мотивацию подчиненных – 17%, и на контроль выполнения поставленных задач – 15% служебного времени. Убедительное подтверждение сказанному выше мы находим при анализе открытых вопросов анкеты для офицеров – командиров воинских подразделений.

Таблица 1

Типология офицеров в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации с точки зрения их управленческой культуры

Социальный тип	Компоненты управленческой культуры			Количество офицеров	
	Когнитивный компонент	Ценностно-нормативный компонент	Компетентностный компонент	N	%
Организатор-Планер	+	+	+	184	27
Контролер-Организатор	+	+	–	44	6
Организатор-Контролер	+	–	+	56	8
Координатор-Планер	+	–	–	68	10
Организатор-Мотиватор	–	+	+	100	15
Координатор-Организатор	–	+	–	72	11
Организатор-Координатор	–	–	+	76	11
Уравновешенный	–	–	–	80	12
ИТОГО:				680	100

«+» Функциональный (востребованный) компонент управленческой культуры офицера, «–» Дисфункциональный (не востребованный) компонент управленческой культуры офицера.

Так офицер, относящийся к типу «Организатор-Планер», отмечает, что: «Распределение собственных задач по направлениям деятельности значительно увеличит эффективность выполняемой работы и снизит напряженность в работе офицеров» (орфография и пунктуация автора сохранены. – Прим. Авт.). Следовательно, мы приходим к выводу о том, что качество управленческой деятельности и управленческого воздействия на объект управления непосредственно связано с процентом времени затрачиваемого субъектом на тот или иной вид (этап) управленческой деятельности. Наиболее релевантным данное соотношение будет при увеличении времени на планирование и организацию своей служебной деятельности при уменьшении времени затрачиваемого на контроль выполнения поставленных задач.

Результаты социологического исследования показали, что на период проведения военно-социологического исследования в Вооруженных Силах Российской Федерации доминировал тип офицеров, имеющих полностью функционально востребованную структуру управленческой культуры, однако к числу этих офицеров относится лишь 27%, опрошенных командиров воинских подразделений. Данные офицеры должны составить основу кадрового резерва для их выдвижения на высшие воинские должности и направления на учебу. С ними необходимо осуществлять работу по формированию инновационной управленческой культуры.

Тревожным фактом можно считать наличие офицеров – команди-

ров воинских подразделений, имеющих в той или иной степени дисфункциональный тип управленческой культуры. К частично дисфункциональным типам офицеров (дисфункциональны два компонента из трех) относятся типы: «Координатор-Планер» – 10% опрошенных офицеров, «Координатор-Организатор» – 11%, «Организатор-Координатор» – 11%, к полностью дисфункциональному типу «Уравновешенный» относится 12% опрошенных офицеров, доля этих типов составляет практически половину опрошенных командиров воинских подразделений (44%).

Однако необходимо отметить, что каждая социальная система ценна своим разнообразием. Военно-социологическое исследование проводилось в мирное время, без отрыва воинских подразделений от пунктов их постоянной дислокации. Изменение внешних условий (например: учения, нештатная ситуация, боевые действия и др.) может породить социальные ситуации, в которых дисфункциональные типы офицеров с точки зрения их управленческой культуры продемонстрируют наиболее результативную управленческую деятельность и эффективное управленческое воздействие на объект управления.

Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации остается мало изученным социокультурным феноменом. На сегодняшний день отсутствует однозначное понимание этого феномена среди социологов, в том числе и среди теоретиков и практиков военной социологии. Социологическое исследование, проведенное

автором, отражает лишь его понимание структуры и функций управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации и открывает дальнейшие перспективы ее обсуждения и социологического изучения.

Литература

1. Баранец В. Шойгу устроил разнос «прозедавшимися»: Самодурства и чванства не потерплю! / Комсомольская правда [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kp.ru/daily/27039/4104091/> (дата обращения 15.10.2019).
2. Подразделение / Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9043@morfDictionary> (Дата обращения 21.10.2019).
3. Литвинов И.П. Стиль исполнения управленческой должности / И.П. Литвинов, И.И. Литвинов, А.В. Меньчуков. – СПб. ; М. : ЛИНЭЛ-Н, 2003. – 520 с.
4. Научно-исследовательский центр (социологический) Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://ens.mil.ru/science/sociological_center/more.htm?id=10370968@cmsArticle (дата обращения 17.06.2019).

Results of sociological researches of the modern state of officer's management culture in the military unit of the Armed Forces of the Russian Federation

Erokhin E.G.

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article reveals the relevance of studying the officer's management culture. The meaning of the concepts of culture of management and management culture has been clarified and distinguished. As the main theoretical and methodological basis of the researches, the use of a structural and functional approach is justified. The main stages of sociological research are thoroughly disclosed. Some results of sociological research of the modern state of officer's management culture in the military unit of the Armed Forces of the Russian Federation are also presented.

Keywords: functions of management, military unit, culture of management, management culture, components of management culture.

References

1. Baranets V. Shoigu smashed the "arrogant": tyranny and swagger I will not tolerate! / Komsomolskaya Pravda [Electronic resource] // URL: <https://www.kp.ru/daily/27039/4104091/> (accessed October 15, 2019).
2. Department / Military Encyclopedic Dictionary [Electronic resource] // URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9043@morfDictionary> (Accessed 10.21.2019).
3. Litvinov I.P. The style of execution of a managerial position / I.P. Litvinov, I.I. Litvinov, A.V. Menchukov. - SPb. ; M.: LINEL-N, 2003. -- 520 p.
4. Research Center (Sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: https://ens.mil.ru/science/sociological_center/more.htm?id=10370968@cmsArticle (accessed June 17, 2019).

Тенденции изменения информационных запросов в сфере культуры и образования в СМИ Санкт-Петербурга

Смирнов К.И.

Вмешательство средств массовой коммуникации в традиционную картину мира происходило в течение всего XX века и острее всего ощущалось в сфере культуры и образования. Рост процессов, связанных с урбанизацией, привел к тому, что перестали существовать действующие прежде границы между будничной и праздничной жизнью. Городская индустриальная культура стала одновременно формироваться в зависимости от элитарной культуры образованного сословия и народной культуры сельского населения, активно мигрирующего в крупные города. Возникшие практически одновременно с ней более современные средства массовой информации идеально подходили для информирования о новой индустриальной культуре.

Современное общество уже не может обходиться без медиа, а все действующие в XXI веке медиа-платформы без труда участвуют в формировании глобальной коммуникации. Культура и образование – наиболее коммуникативные сферы, и из-за этого большинство реформ, происходящих в этих сферах, наиболее значимо отражаются на жизни общества.

Сегодня во всем мире, и в России, в частности, СМИ вправе считаться институтом, вовлеченным в разнообразные события в сфере культуры и образования. В связи с этим крайне важно отслеживать, насколько общество заинтересовано в медиа-освещении соответствующих тем.

Ключевые слова: Медиа, СМИ, культура, образование, информационные запросы, Санкт-Петербург

Интеграция средств массовой информации в традиционную картину мира происходило в течение всего XX века и острее всего ощущалось в сфере культуры и образования. Ведь именно культура и образование – справедливо называются наиболее коммуникативными сферами, а большинство реформ, происходящих в них, максимально ярко отражаются на жизни всего общества.

Не вызывает сомнений, что современное общество уже не может обходиться без медиа, а все действующие в XXI веке медиа-платформы без труда участвуют в формировании глобальной коммуникации. Более того, городская индустриальная культура стала одновременно формироваться в зависимости от элитарной культуры образованного сословия и народной культуры сельского населения, активно мигрирующего в крупные города. А возникшие практически одновременно с ней более современные СМИ идеально подходили для информирования о новой индустриальной культуре.

Сегодня во всем мире, и в России, в частности, СМИ вправе считаться институтом, вовлеченным в разнообразные события в сфере культуры и образования. В связи с этим крайне важно отслеживать, насколько общество заинтересовано в медиа-освещении соответствующих тем.

Кроме того, по мнению профессора А.С. Запесоцкого, современное научное знание рассматривает средства массовой информации как многофункциональные социальные институты, обладающие развлекательной, просветительской, воспитательной, социализирующей, управляющей и другими функциями. При этом, согласно его точке зрения, влияние СМИ на умы людей и общее состояние культуры нации по сравнению с другими социальными институтами неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов [1, с. 250-259]. «В ряде отношений это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых. В первую очередь это относится к федеральным каналам центрального телевидения, превратившимся с 1990-х годов в ключевой, системообразующий элемент не просто информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны», - отмечает Запесоцкий.

Действительно, в последние годы средства массовой информации быстро развиваются: особенно Интернет как способ трансляции медиа-материалов сильно изменяет повседневную жизнь. Вместе с тем, благодаря распространению средств массовой информации, появляется и новая образовательная среда. В свою очередь, образование не только тесно связано с государством и обществом, но и с каждым человеком, ведь коммуникация индивидуума с образовательным процессом никогда не прерывается. И в этой связи человек уделяет большое внимание публикациям и информационным сюжетам в СМИ, рассказывающим

о сфере образования по различным позициям: виды обучения, деятельность учебных заведений, воспитание молодых специалистов, изменение политики государства в данном вопросе, научно-исследовательская работа и новые открытия. Очевидно, что материалы, посвященные темам образования, имеют свои специфические черты, характерные для массовой прессы: далеко не всегда это заложенная воспитательная или политическая функции. Значительно чаще – это сезонность темы и новостей, а также реакция общественного мнения на те или иные реформы. Исключая возможность чрезвычайных событий в учебных заведениях, журналистика в сфере образования весьма предсказуема: она ежегодно с разными подтекстами описывает начало учебного года, вступительные экзамены в средние школы и в высшие учебные заведения, особенности единого государственного экзамена и т.д.

При этом нельзя преуменьшать роль и значение темы культуры в отечественных медиа. [2]. Одна из особенностей журналистских материалов о культуре включает в себя преобразование текстов художественных явлений в его вербальное описание – зачастую это происходит в результате интерпретаций, а тот факт, что журналистика сегодня является основным рычагом формирования культурной информированности общества, возлагает на нее определенную ответственность [3, с. 166].

Для определения наиболее популярных информационных запросов жителей Санкт-Петербурга (как телезрителей, так и радиослушателей, читателей газет, пользова-

телей интернета), а также для изучения влияния восприятия горожанами новостей в сфере культуры и образования на формирование общественного мнения, автором были проанализированы результаты социологических исследований, которые проводились в Санкт-Петербурге с 2014 по 2017 годы.

С самого начала этой работы было очевидным, что в Санкт-Петербурге, считающимся по широкому признанию экспертов, и культурной, и научной столицей России, будет крайне высок процент информационных запросов по теме культуры и образования. Действительно, если говорить о пожеланиях респондентов касательно того, что необходимо освещать городским СМИ, то, по мнению петербуржцев, в первую очередь, это должна быть информация о культурной жизни города. Именно этот ответ становился наиболее популярным в течение нескольких лет: с конца 2014 года по начало 2017 года. При этом культурная повестка опережает такие проблемные сферы жизни Санкт-Петербурга как социальная политика, развитие экономики города, работа жилищно-коммунального хозяйства, доступная и качественная медицина. Так, доля респондентов, фиксирующих культурную повестку на первом месте в мае 2015 года составляла 30,4%, в августе 2015 года – 31,1%, в декабре 2015 года – 27,8%. Незначительное сокращение интересующихся информацией о культурном потенциале города был отмечен в марте и мае 2016 года, когда показатели снизились до 23-24%. Но, несмотря на снижение цифр, сфера культура продолжала оставаться на лидирующих позициях. Во-многом, этому способствова-

ли и профильные тематики, характерные для Санкт-Петербурга: в частности, ситуация вокруг Исаакиевского собора, инициирование и дальнейшее проведение Международного Культурного форума и т.д. Уже в августе 2016 года число респондентов, выделяющих культурную сферу как приоритетную, вновь превысило 30%. Такими же показатели остались и в начале 2017 года.

Из года в год также в топ-10 основных вопросов жизнедеятельности города, вызывающих наибольший интерес у петербуржцев, попадала и сфера доступного и качественного образования. При этом, если в конце 2014 года эта проблема занимала 10,5% респондентов, то в мае 2016 года доля интересующихся этой темой сократилась до 4,3%. Однако уже к началу 2017 года – сфера вновь стала интересной для 9,2% опрошенных, опередив такие вопросы как благоустройство, спорт, перспективы развития города, работу общественного транспорта, сохранение исторического центра и другие.

В то же время, еще одним показателем, раскрывающим сложившийся уровень удовлетворенности петербуржцев объемом и объективностью новостей о различных событиях в разных сферах (в том числе, в сфере образования и культуры), является степень достаточности информации, которая публикуется в СМИ. Так, примерно четверть опрошенных – около 25% считали, что им определено достаточно той информации, которая транслируется городскими медиа, чтобы сформировать свое мнение; еще 38,4% опрошенных скорее достаточно такой информации. Важно, что на недостаток информации о событиях в

Санкт-Петербурге (в том числе, в сфере культуры и образования) для формирования собственной точки зрения чаще других указывали мужчины в возрасте от 30 до 59 лет с незаконченным высшим образованием. При этом только половина всех опрошенных оказалась в целом удовлетворена объективностью и правдивостью информации о жизни города. В то же время, именно при освещении культурной жизни Санкт-Петербурга из года в год наблюдается наиболее высокий уровень удовлетворенности горожан объемом и объективностью таких новостей. Объективность освещения темы образования получила средние показатели, а меньше всего респонденты оказались удовлетворены объемом и объективностью новостей в сфере городского управления и политики.

Интересно также, что среди основных источников информации о событиях в общественной жизни Санкт-Петербурга (включая тематику культуры и образования) горожане называли телевидение (от 64,7% в мае 2015 года до 65,8% в ноябре 2016 года) и интернет (от 63% в конце 2014 года до 60% в ноябре 2016 года). Характерно, что исследование показало, что телевидением в качестве источника информации о событиях в жизни Санкт-Петербурга в большей степени пользуются женщины и респонденты старшего возраста, а интернет чаще всего привлекает мужчин и респондентов не старше 49 лет. В свою очередь, еще одной приметой времени можно считать тот факт, что больше половины жителей Санкт-Петербурга не узнают новости в сфере культуры или образования через печатную прессу, так как вовсе не читают каких-либо газет, в том числе и общедоступных.

Литература

1. Запесоцкий А.С. Образование и средства массовой информации как фактор социализации современной молодежи. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУП, 2009. 464 с.

2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры // Вестник новгородского государственного университета // 2000.

3. Журналистика сферы досуга : учеб. пособие / сост. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова, Санкт-Петербург, 2012. 304 с.

Trends in information requests of cultural & educational questions in local Saint Petersburg media

Smirnov K.I.

North-West institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The media intervention in the traditional world took place during the XX century and was mostly significant in culture and education spheres. The growth of urbanization processes led to the fact that the existing borders between everyday life and festive life ceased existing. The urban industrial culture relied on the elite culture and the folk culture of the rural population, who began to migrate to cities.

Modern society can't live without the media, and all media platforms operating in the 21st century are easily involved in shaping global communication. Culture and education are the most communicative spheres, and because of that, reforms in these spheres are most effective in social life.

Today all over the world and also in Russia the media has the right to be an institution involved in various events in the field of culture and education. In this regard, it is very important to monitor how far society is interested in highlighting the topics by the media.

Keywords: Media, culture, education, information requests, Saint Petersburg

References

1. Zapesotsky A.S. Education and the media as a factor in the socialization of modern youth. St. Petersburg: Publishing House SPbGUP, 2009. 446 p.

2. Vyzhletsov G.P. The axiology of culture // Bulletin of Novgorod State University // 2000.

3. Journalism in the field of leisure: textbook. allowance / comp. L.R. Duskayeva, N.S. Tsvetova, St. Petersburg, 2012. 304 p.

Социальная реклама в интернете как проявление конвергентной журналистики

Тимчак К.Н.

Современная социальная интернет - реклама набирает популярность в качестве канала трансляции общественных проблем, опережая наружную и телевизионную рекламу, постепенно завоевывая доверие пользователей благодаря доступности, быстрому распространению и широким спектром возможностей для создания яркого социального сообщения. Однако, социальная реклама, размещаемая в интернете, нуждается в кардинальном изменении подхода к созданию и распространению информации, поскольку не до конца отвечает запросам общественности. Положительные изменения в работе данного канала коммуникации можно достичь путем заимствования принципов работы конвергентной журналистики и внедрения их в процесс, связанный, непосредственно, с конструированием сообщений. Необходимо также расширять диапазон охвата социальной рекламы и способы представления социального контента, поскольку особенностью этого вида рекламы является широкий круг вопросов и тем, отображающих реальное состояние действительности.

Ключевые слова: социальная реклама, конвергентная журналистика, Интернет, онлайн-аудитория, социальный контент, новости, социальное сообщение.

Введение

Деятельность социальной рекламы в традиционных СМИ переживает период кризиса. Высоко-технологичное развитие социума, перемещение аудитории из реального в виртуальное пространство сигнализируют о необходимости перехода социальной рекламы в новое информационное пространство и максимально быстрой адаптации в нем. Привычные методы воздействия социальных сообщений, распространяемых наружной рекламой, телевидением и другими каналами коммуникации, не приносят должного результата. Процесс интеграции информационных и коммуникативных технологий в глобальный ресурс, именуемый конвергентной журналистикой, позволит ускорить освоение социальной рекламой виртуального пространства, посредством заимствования принципов работы данного вида журналистики. Распространение социальных сообщений в Интернете позволит воздействовать на целевую аудиторию более эффективно и побуждать пользователей к активным общественным действиям. Конвергентная журналистика стирает границы реальности и времени и является плодородной почвой для процесса глобализации, в основе которого ле-

жит изменение социального порядка, менталитета, привычек и поведенческих паттернов, образа жизни людей. Интернет является интерактивной средой, для которой характерен свой стиль, свой язык и специфический контент. Для социальной рекламы, призванной оказывать воздействие на эмоциональную природу человека, такая среда представляется наиболее привлекательной из-за возможности многостороннего влияния на потребительское сознание.

Основная часть

Важным условием «внедрения» социальной рекламы в качестве элемента системы конвергентной журналистики является непосредственное участие интернета в создании, продвижении и анализе социальной рекламной коммуникации. Социальное сообщение произведет гораздо больший эффект, если задействует аудиовизуальные каналы трансляции информации одновременно. Интернет дает возможность «загрузить» целый ролик или «разместить» текстовый пост, сопровождающийся анимацией, музыкой или графическим спецэффектами. Современной аудитории важно, чтобы контент был «цепляющим», и, далее побуждал к действию, или, как минимум, к обсуждению. Чем проще и доходчивее донесена социальная проблема, тем больше откликов будет [5]. Если ролик станет «вирусным», то Интернет-сфера гарантирует ему популярность и широкий охват. Поэтому необходимо активно продвигать социальную рекламу в онлайн-пространстве. Следует обратиться к понятию «конвергентная журналистика» и использовать его прин-

ципы как вспомогательный инструмент для продвижения социальных сообщений. На сегодняшний день имеет место тенденция «конвергенции» - объединения, слияния в одно целое коммуникационных технологий, рынков и самих технических средств информации. Конвергенция – это «схождение», «сближение», обеспечивающее различным типам СМИ новое концептуальное взаимодействие с учетом их организационно-структурного соединения, включая конструирование новых управленческих методик для оперативного создания уникального информационного продукта с целью его размещения в разнообразных медиасредах и привлечения внимания целевой аудитории [2. С.356].

Конвергентная журналистика как объединение различных каналов коммуникации в условиях совершенствования мультимедийных технологий [4. С. 83] дает возможность расширить диапазон влияния и воздействия социальной рекламы, предоставляя ей Интернет как активную платформу для деятельности.

В кроссмедийной отрасли можно условно выделить три направления: медиа, гипермедиа и трансмедиа. Для внедрения социальной рекламы в новую коммуникационную парадигму уместно рассмотреть третий вид: трансмедиа. Центральным объектом трансмедийного жанра являются социальные сети, которые частично обладают чертами и функциями средств массовой информации. Поскольку информационный контент создается и распространяется не профессиональными журналистами, а обычными пользователями сети, любими-

телями, то качество публикуемых данных остается под большим вопросом. И, также, данное медиапространство, функционально выходящее за пределы одного журналистского направления, эксперты просят не принимать как нечто инновационное. В основном, трансмедийный канал предлагает аудитории не столько глубоко философские, осмысленные труды, сколько развлекательную информацию и рекламу. Именно это является для социальной рекламы отличным подспорьем[7]. Социальные сети обладают хорошим инструментарием и возможностями для размещения социального сообщения и дальнейшего мониторинга его «активности». Благодаря «лайкам», «репостам» и комментариям можно отследить реакцию пользователей на размещенный файл и увидеть плюсы/минусы контента.

Онлайн пространство обеспечивает мгновенное получение человеком актуального контента, задействуя при этом аудио - и визуальные каналы. Вопрос остается только с качеством получаемой информации. Я. Н. Засурский отметил, что «развитие индустриальной стороны производства и доступа к контенту, приводит к существенным изменениям в психологии человека, включенного в массовую коммуникацию, в поведении целевой аудитории и принципах журнализм» [3. С. 85]. Изменение поведенческой модели пользователей лежит в основе функционирования социальной рекламы, поэтому контент, оказывающий необходимое влияние, должен не только «существовать в Интернете», следуя тенденциям развития высоких тех-

нологий, но и отвечать требованиями и правилам конструирования полезного социального сообщения, поскольку речь идет о формировании определенного образа насущной общественной проблемы в сознании аудитории.

Интернет – сфера информационная, которой присуще интерактивное направление. Различные СМИ могут подключаться к этому каналу и делиться своей информацией, перенося ее из своего доминирующего источника. Такое взаимодействие как раз и проявляется в мультимедийности современного развития коммуникационных каналов.

С.Л. Уразова обозначает ряд черт, благодаря которым происходит изменение рынка медиа. Эти черты являются индикаторами причинной связи зарождения процесса конвергенции:

1. Замена мономедийной среды на мультимедийную.
2. Трансформация из СМИ в СМК.
3. Возникновение новой формы коммуникации - интерактивности.
4. Процессы глобализации наряду с использованием современных цифровых технологий меняет вектор распространения информационного продукта [6. С. 129].

Г.П. Бакулев отметил, что «происходит передача функций одних масс медиа другим, «перемена ролей» у различных коммуникационных каналов, возникает возможность получать идентичную информацию, но по разным каналам. Таким образом, кардинально изменяются более ранние представления об информационно-коммуникационных направлениях.

Сближение разных медиа, появление общего для многочисленных каналов содержательного контента ведет к появлению новых интегрированных жанров [1].

Феномен новых СМИ увеличивает возможность установления коммуникации, предлагая большой спектр интерактивного взаимодействия тандема «пользователь-производитель». В свете этого наметилась тенденция персональной модернизации, характеризующихся резким ростом инфопотоков, появлением новых независимых СМИ, различных организаций и непосредственных участников информационного взаимодействия. Говоря о самой целевой аудитории, стоит отметить, что пассивный характер ее взаимодействия с сектором производителя претерпел революционными изменения. Теперь пользователи, будто очнувшись от глубоко сна, начали принимать активное участие на просторах Интернета. Они получили в распоряжение широкий набор инструментов для выражения собственного мнения, для выбора конкретного формата информативного контента и площадки его распространения. Ориентированность современных медиа ресурсов обусловлена экраном. Это дает возможность лучше воспринимать информацию в цвете и звуке, а главное – скорости получения. Не последним фактором улучшенного действия новых медиа в Интернете, а также для социальной рекламы, является возможность знакомства с общественным мнением по освещенному вопросу. Получая некоторый базис, человек с большей охотой отреагирует на ролик или сообщение и оставит свое

мнение для других людей, показав тем самым, что тема его «зацепила». Можно сказать, что медиапространство, в какой-то мере, задает вектор движения сознания. Но для достижения такого эффекта – эффекта воздействия на потребительский разум, необходимо грамотно подходить ко всему процессу: от создания до сбора данных об опубликованном материале.

Для конструирования качественного контента требуется, как от журналистов, так и от любителей, владение разноплановым перечнем функций. Например, уметь производить видеозапись материала, заниматься монтажом роликов, иметь базовые навыки работы в блогосфере, обладать мультимедийным типом мышления и креативностью, ориентироваться в новинках социальных сообщений и специфике работы в социальных сетях, уметь осуществлять качественную фотосъемку, владеть умением работы в различных мультимедийных программах, организовывать площадки для трансляции готового материала и многое другое.

В конечном итоге, при наличии перечисленных выше навыков и умений, а также творческого подхода и желания, область социальной рекламы займет в Интернете свое место и обретет соответствующую нишу. Из бесполезного и скучного информационного канала социальная реклама превратится в активный пользовательский ресурс для обмена опытом и социально-полезной информацией с другими пользователями. Не менее важно, что социальная реклама сможет, наконец, стать «образовательным» источником, формирующим пове-

денческую модель в зависимости от актуальности транслируемой общественной проблемы, тем самым выполнив одну из своих главных функций – побуждение к социальному действию.

Нынешнее состояние реализации социально значимых рекламных кампаний в России не отвечает запросам общества и целям социальной политики, что позволяет сделать вывод об отсутствии у разработчиков рекламы четкого понимания механизмов ее работы, прогнозирования результатов и их влияния на потребителя. Поэтому социальной рекламе необходимо полноценно закрепиться в онлайн-пространстве.

Социальная реклама пока не может считаться активным каналом - участником эффективной коммуникации, поскольку до сих пор не является значимым объектом управления в глазах государственной власти и общества.

Литература

1. Бакулев Г.П. Конвергенция медиа и журналистика. - М.: ИПК, 2002. -108 с.
2. Вартанова Е.Л. Основы медиабизнеса: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Е.Л. Вартановой. - М.: Аспект Пресс, 2009. – 360 с.
3. Засурский Я. Н. Все начинается с контента // Человек как субъект и объект медиапсихологии / отв. ред. проф. Е. Л. Вартанова, Ю. П. Зинченко, В. В. Миронов. М.: Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С.76- 88.
4. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации. Англо- русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.-416 с.

5. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама. Москва. Аспект-Пресс. 2008.-191 с.

6. Уразова С. Л. Конвергентная журналистика в цифровой медиасреде: методическое пособие. - М.: ИПК, 2010. – 129 С.

7. Якубенко Е.Н. Конвергенция как фактор формирования современного медиа-рынка // Вестник БГУ. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konvergentsiya-kak-faktor-formirovaniya-sovremennogo-media-rynka> (дата обращения: 09.09.2019).

Social advertising on the internet as a display of convergent journalism

Timchak K.N.

Lomonosov Moscow State University

Modern social Internet advertising is gaining popularity as a channel for broadcasting public problems, ahead of outdoor and television advertising, gradually gaining the trust of users due to accessibility, rapid dissemination and a wide range of opportunities to create a vivid social message. However, social advertising posted on the Internet needs to radically change the approach to the creation and dissemination of information, because it does not fully meet the needs of the public. Positive changes in the work of this communication channel can be achieved by borrowing the principles of convergent journalism and introducing them into the process that is directly related to message design. It is also necessary to expand the range of coverage of social advertising and ways of presenting social content, since the peculiarity of this type of advertising is a wide range of issues and topics that reflect the real state of reality.

Keywords: social advertising, convergent journalism, the Internet, online audience, social content, news, social communication.

References

1. Bakulev G.P. Media convergence and journalism. - M.: IPK, 2002. -108 p.
2. Vartanova E.L. Fundamentals of the media business: a textbook for university students / ed. E.L. Vartanova. - M.: Aspect Press, 2009. – 360 p.

3. Zasursky, Y. N. Everything starts with content // Man as a subject and object of mediapsychology / ed. ed. prof. E. L. Vartanova, IO. P. Zinchenko, V.V. Mironov. M.: Institute of man; Publishing House Mosk. University, 2011. P.76- 88.
4. Zemlyanova L. M. Communication and media. English-Russian explanatory dictionary of concepts and terms. M.: Moscow Publishing House. University, 2004. -- 416 p.
5. Nikolayshvili G.G. Social advertisement. Moscow. Aspect Press. 2008.-191 p.
6. Urazova S. L. Convergent journalism in the digital media: methodological manual. - M.: IPK, 2010. -- 129 S.
7. Yakubenko E.N. Convergence as a factor in the formation of the modern media market // Bulletin of BSU. 2015. No1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konvergeniya-kak-faktor-formirovaniya-sovremennogo-media-rynka> (accessed 09.09.2019).

Гражданское общество в России: социально-философский анализ

Балакирева С.Ю.

В статье рассматривается проблема становления гражданского общества в России как сложного и противоречивого социального процесса. В работе показано, что российское гражданское общество, особенности его развития необходимо исследовать не с позиции общепринятых в развитых странах стандартов, а на основании системного и исторического анализа контекста его развития. Автор предлагает собственный анализ современного состояния гражданского общества в России, определяющего характером и динамикой его взаимоотношений с государством.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, взаимодействие, общественные организации, социальный проект.

Формирование гражданского общества представляет собой ключевым элементом процесса демократизации, отсюда актуальность изучения вопросов, связанных с особенностями формирования гражданского общества в России. Особую значимость эта тема приобретает по причине сложности и противоречивости протекания данного социального процесса в настоящий исторический период.

Термин "гражданское общество", сформулированный в современном понимании гораздо позднее, находит свои истоки еще в работах античных философов. В наиболее ранних исследованиях категория «гражданское общество» определялось как общество, систематизировано в рамках государства, которое противопоставлялось стихийному, где не было системы институтов посредством системы органы государственной власти [2]. Позднее Джон Локк разделил гражданское общество и государство, видя в основе первого собственность, а во втором – орудие защиты этой собственности [6]. Различие между категориями государства и гражданского общества, по мнению Г. Гегеля, крайне тонка и условна. В то же время гражданское общество, с данной точки зрения, всегда обладает государство в качестве базиса развития и в ситуации отделения от функций государства может быть определено

его структурной частью. Гражданское общество у Гегеля соотносится с государством как рассудок с разумом [3].

В российской науке категория «гражданское общество» продолжительный период использовалось в контексте критического анализа философских, политических учений Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, К. Маркса и т. д. Только около 40 лет назад гражданское общество выделилось как предмет самостоятельного изучения. Существенные социальные трансформации, поиск новых инструментов социального устройства являются причиной увеличивающегося интереса к вопросу гражданского общества и значительного количества работ, посвященных данной тематике.

Современные работы в данной области можно классифицировать работы, связанные с онтологическим осмыслением категории «гражданское общество», поиском его эпистемологических критериев. Исследование данных вопросов были реализовано в работах таких ученых как А. Н. Аринина, А. И. Бобылева, К. Гаджиева, М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева, И. Кравченко, С. П. Перегудова, Д. Резника, М. Ю. Резника и др.

Ко второй группе работ необходимо отнести исследования, ориентированные на решение проблем российского гражданского общества в работах Г. И. Авциновой, Э.И. Забневой, А. Х. Курганова, А. Г. Володина, З. Т. Голенковой, Л. Карпова, В. В. Петухова, В. Т. Пуляева, В. Хороса. Работы данных авторов рассматривают исторические, политические, экономические, социальные и философские аспек-

ты формирования и развития гражданского общества в России.

Анализируя современное состояние развития гражданского общества в России, исследователи оценивают его по-разному: многие – в большей степени критически [5;7;8], другие считают, что российское гражданское общество имеет уникальный характер [9], ряд ученых подчеркивают, что гражданское общество в России существует настолько, насколько ему позволяют сложившиеся традиции [1]. Многомерность позиций в отношении современного состояния гражданского общества в нашей стране свидетельствует о сложности вопроса, а также о деструктивности подхода к его оценке. Чаще всего в научном дискурсе осуществляется попытка сравнительного анализа сложившегося в России и западного состояния гражданского общества.

На наш взгляд, российское гражданское общество невозможно оценивать по западным стандартам, поскольку формирование гражданского общества есть не только процесс, но и результат многовекового развития социума в его тесном диалектическом взаимодействии с государством [4].

Прежде всего, Россия имеет отличный от западных государств базис, затруднявший формирование предпосылок становления гражданского общества. Во-первых, многовековую идею сакрализации самодержавной власти, содержание которой заключалось в настоятельной необходимости централизованного государства, способного не только максимально результативно реализовать потребности своих граждан, но и про-

тивостоять внешним врагам. Укоренение патерналистской политики в управлении привело к неразвитости политической культуры, приводящей к отсутствию гражданских инициатив. Во-вторых, долгое время отсутствующий, а впоследствии достаточно малочисленный, средний класс, является основой для политических процессов в развивающихся странах. Существовавший правящий класс, имеющий неограниченный доступ ко всем ресурсам национальной экономики, осуществлял управление находящимся за чертой бедности населением. В-третьих, почти вековой период искоренения социальной и политической свободы монополией Коммунистической партии, жесткая идеологическая цензура реализовывала ограничения все возможности формирования институциональных условий развития полноценного гражданского общества.

Также следует отметить, что в российском обществе категория гражданского общества была расширена за счет принципиально нового наполнения, определяющееся характером и динамикой политической власти. Традиционный патернализм государства с его нормативной подчиненностью интересов индивида интересам политического целого определяет понимание гражданского общества, как социальной и политической сферы, нераздельно связанной с государством. Одновременно, применение данного подхода указывает на то, что совокупность политических процессов определяется совокупностью не относящихся к политическим объединениям и процессами. Следовательно, ключевым элементом анализа является ана-

лиз структуры всей совокупности взаимосвязей между индивидами принадлежащими к различным политическим группам, обеспечивающих закрепление их интересов или обеспечивающих защиту социально-политических интересов в современном российском обществе [1].

Выявление эпистемологических критериев взаимозависимости гражданского общества и государства, позволяет определять их как «нерасчлененная», целостная личность, позволяет в большей степени конструктивно анализировать современное состояние российского гражданского общества.

На наш взгляд, состояние российского гражданского общества определяется двумя разнонаправленными процессами. Так, последние две десятилетия осуществлялся процесс политической координации и формирования социальной инфраструктуры общества посредством нормативного закрепления, инструментов коммуникаций, ориентированных на западные демократические ценности. В то же время, осуществляется процесс самостоятельного развития независимых, национально ориентированных социально-политических процессов. В настоящее время формируются независимые общественные движения, не опирающиеся на заимствования, такие как «Бессмертный полк», «Лиза Алерт» и др.

В то же время, системных ограничений развития гражданского общества существенно больше.

Так, сложившиеся институты целенаправленного государственного управления политическими организациями посредством сово-

купности региональных и национальных общественных организаций, ведет к недостаточно активному развитию недоверия у населения к политическому диалогу. При этом, по мнению автора, нормативно закреплённые ограничения вмешательства государства в политические процессы не позволяют полноценному развитию гражданского общества.

Во-вторых, в современной России интересы и мнения населения, пропагандирующие в обществе, практически не учитываются при выработке и реализации тех или иных государственных решений, что приводит к блокировке легальных механизмов участия во власти гражданского общества.

В-третьих, большинство общественных структур и организаций, при помощи которых государство имеет возможность взаимодействовать с наиболее развитыми сегментами гражданского общества, формируется сверху, появление данных институтов в большей степени связано с проведением политики укрепления вертикали власти, нежели с реальными демократическими свободами.

И наконец, слабая институционализация организаций гражданского общества оказывает слабое влияние на текущие социально-политические процессы, что усиливает пассивность населения, неверие в собственные силы, роль и возможности.

Таким образом, можно утверждать, что государство по-прежнему является монополистом в реализации социальной политики, позволяющей только косвенно задействовать гражданское общество. Особенности осуществления

взаимодействия между гражданским обществом и государством реализуется таким образом, что институциональная инфраструктура его не определяется структурой и динамикой политических процессов, а определяется органами государственной власти, и, соответственно, носит управляемый характер.

Литература

1. Ананьева М. Современное состояние гражданского общества в России // Власть, 2008, №5, С. 15-18.
2. Аристотель. Афинская политика: монография. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. 198 с.
3. Гегель. Философия права: монография. М.: Мир книги, 2007. 464 с.
4. Забнева Э.И. Современная Россия и гражданское общество: философский аспект // Евразийский юридический журнал. – 2019. - №1. – с. 486-488.
5. Левашов В.К. Мера гражданской ответственности в социализации // Социологические исследования. 2007. - № 5. - С. 62-66.
6. Локк Дж. Сочинения: монография: М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
7. Митрошенков О.А. Смена идентичности как социокультурный проект: управленческие контексты (социально-философский анализ) // Вопросы социальной теории. – 2011. Том V. – С. 242-261.
8. Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). – Полис. Политические исследования. 2017. - № 1. - С. 70-84.
9. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России. // Pro et contra. 2006. - № 1. - С. 9-14.

Civil society in Russia: social and philosophical analysis

Balakireva S.Yu.

LLC "lingua Pro»

The article deals with the problem of formation of civil society in Russia as a complex and contradictory social process. It is proved that the Russian civil society cannot be evaluated by Western standards, since its formation is the result of centuries-old specific socio-cultural and historical context. The author offers his own analysis of the current state of civil society in Russia, determined by the nature and dynamics of its relations with the state.

Keywords: civil society, state, interaction, public organizations, social project.

References

1. Ananyeva M. The current state of civil society in Russia // Power, 2008, No. 5, P. 15-18.
2. Aristotle. Athenian polity: a monograph. M.-L. : Sotsekgiz, 1936.198 p.
3. Hegel. Philosophy of Law: Monograph. M. : World of books, 2007.446 s.
4. Zabneva E.I. Modern Russia and civil society: philosophical aspect // Eurasian Law Journal. - 2019.-№1. - from. 486-488.
5. Levashov V.K. A measure of citizenship in social measurement // Sociological studies. 2007.- No. 5.- S. 62-66.
6. Locke J. Compositions: monograph: M. : Thought, 1988. V. 3. 668 p.
7. Mitroshenkov O.A. Change of identity as a sociocultural project: managerial contexts (socio-philosophical analysis) // Issues of social theory. - 2011. Volume V. - C. 242-261.
8. Toshchenko Zh. T. Society trauma: between evolution and revolution (invitation to discussion). - The policy. Political research. 2017.- No. 1.- S. 70-84.
9. Schmidt D. What civil society exists in Russia. // Pro et contra. 2006.- No. 1. - S. 9-14.

Историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе

Лагутин Ю.В.

Развитие современной цивилизации, стремящейся к глобализму не только в экономике, но и других сферах, требует от субъекта, который ее представляет, критического отношения ко многим ее проявлениям, включая фундаментальные основания. Одним из таких оснований может считаться мегаполис – пространство, в которое помещено огромное количество людей.

Обобщенная характеристика сегодняшней жизни в мегаполисе – среде, где возникает и обрывается огромное количество экономических, политических, социальных и духовных связей, – позволяет предположить, что действительность мегаполиса определяется не хаотичностью, а системностью. Системность же, как атрибут, является одним из критериев научного знания. В этой связи изучение мегаполиса как онтологического, эпистемологического и аксиологического пространства, в котором современный человек живет и развивается как личность, невозможна без научного подхода. Сам научный подход, то есть «сциентизация» действительности, как таковой позволяет не только обосновать важнейшие законы развития общества мегаполиса, но и объяснить эти законы с точки зрения различных социальных практик, которые нашли отражение в истории философии за авторством различных классических и современных мыслителей. Вопросу уточнения роли сциентизации подобных социальных практик с точки зрения развития философского знания и будет посвящена эта работа.

Ключевые слова: сциентизация, мегаполис, глобализм, урбанизация, социальные практики, информация, общество

Мегаполис – комплексное понятие. В нем сочетается существенное количество категориальных понятий, выражающих современную жизнь субъекта. Среди них особое место занимают такие понятия, как технология, культура, духовные ценности, экономика и различные интеграции, которые как правило трактуются в рамках глобалистских тенденций, стремящихся создать единое, унифицированное пространство для того, чтобы облегчить жизнь и уровень комфорта людей.

Подобный тренд на унификацию во всевозможных смыслах абсолютно очевиден, ведь фактическая жизнь субъекта в мегаполисе отличается сложностью. Ни одно действие субъекта сегодня не воспринимается как некий единичный акт. Это всегда последовательность действий, которая прямым или косвенным образом влияет на жизнь окружающих людей. Это может выражаться в действиях субъекта в реальности или же, что происходит чаще, в цифровом пространстве.

Соответственно, возникает вопрос – каким образом следует характеризовать действия современного нам субъекта в мегаполисе, каким образом не только дать оценку его мотивациям, но и помочь ему осознать свое место в

мегаполисе для осознания себя в качестве сложившейся личности. Одним из возможных способов решения этой задачи является использование разнообразных социальных практик. Применимость же социальных практик для заявленной цели невозможно без рассмотрения их составляющих. Если же пытаться отличать социальные практики друг от друга, то формируется вынужденная необходимость создавать критерии эффективности применимости этих практик, что невозможно без систематизации и иных атрибутов научного знания. Собственно, приведение социальных практик к некоторому категориальному аппарату и способствует появлению мысли о том, что полноценная социальная практика – это научная социальная практика, то есть сциентизируемая. Однако недостаточно всего лишь сказать, что социальные практики должны быть сциентизированы. Во-первых, все они должны так или иначе касаться вопроса существования субъекта в мегаполисе, а, во-вторых, выстроены в некоторую ретроспективную последовательность. Иными словами, изучение темы сциентизации социальных практик в историко-философском аспекте является весьма актуальным для понимания того, какие именно из социальных практик могут быть качественным образом использованы для уточнения положения современного человека в мегаполисе и его личностных возможностей, связанных с этим положением.

Вопрос изучения феномена социальных практик возможен через призму социологии и иных гуманитарных дисциплин, которые пыта-

ются дать характеристику обществу как явлению.

В отношении социальных практик в европейской истории философии существует давняя традиция. Ее условной точкой отсчета можно назвать труд Платона «Государство», где социальные практики представлены через деление общества на три страты, каждая из которых выполняет утвержденные для нее функции. Следует обратить внимание, что в этом механизме уже есть строгая система, логика и закономерность, что в текущем понимании вполне соответствует научному знанию, а значит даже эта древняя концепция условно сциентизирована [22].

Серьезной попыткой продвинуться в изучении ключевых основ общества и сопутствующих ему социальных практик является концепция средневекового христианского философа Блаженного Августина. Социальные практики он напрямую связывает с термином «мегаполис». В средневековой интерпретации мегаполисы представлены как два града – земной и божественный. Божественный является идеалом для земного и задает образец социальных практик, следуя которым человек становится лучше, обретая не только личность, но и спасение [20].

В новое время социальные практики часто связывали с таким философским понятием как здравый смысл. Философы Нового времени и эпохи просвещения исходили из того, что полноценная социальная практика – это разумная практика, ставящая в основу такие ценности как гуманизм, долг и стремление человека быть полезным другому. Именно так развива-

ется протестантизм и складываются полноценные европейские государства, где основная жизнь также определяется развитием городов.

Начиная с XIX века, когда социология оформилась в полноценную науку, социальным практикам и их месту в реальности стали уделять еще больше внимания. В этом смысле уместно привести немецкого социолога М. Вебера, который одним из первых выявил закономерность социальных действий. По его мнению, действие становится «социальным» только в том случае, если по своей природе оно не эгоистично, а направлено на других людей [8]. Это не отрицает практической значимости подобного действия, однако именно нацеленность на других людей с возможностью получения обратной связи делает его социальным.

С точки зрения истории философии, существенный импульс развитию социальных практик как понятия дал К. Маркс. Социальные практики как феномен использовались им едва ли не для объяснения большинства событий вокруг, которые объединял тот факт, что все они имели экономическую детерминанту.

Подход К. Маркса вдохновил многих исследователей на дальнейшее изучение этих понятий. Так, Л. Витгенштейн рассматривал социальные практики в сопряжении с языком, речью, со всем тем, что сопутствует повседневности индивида. Ряд ученых (Ч. Пирс, Д. Джеймс) и вовсе видели в социальных практиках не более, чем прагматичный способ для человека адаптироваться к действительности [11].

Из современных философов и социологов теорию социальных

практик как форм воспроизводства социальной реальности активно разрабатывал П. Бурдьё [21]. Синтез различных философских подходов XX века – таких как структуриализм и конструктивизм – позволили ему показать специфику социальных изменений сегодняшнего дня. Таким образом концепт социальных практик получает постмодернистскую окраску и вписывается в философский дискурс сегодняшнего дня.

Выше была приведена лишь малая часть философских теорий и связанных с этими теориями имен философов, которые касались вопроса социальных практик. Невольно напрашивается вывод о том, что важно даже не столько количественное упоминание социальных практик в прямом или косвенном виде представителями философской мысли, сколько невозможность описать ни один общественный процесс, не касаясь попытки понять мотивацию действий человека. Именно поэтому даже у самых погруженных в метафизику философов в их наследии практически всегда присутствует то или иное описание социальных практик. Это хорошо видно на примере обращения к вопросу социальных практик огромной плеяды философов в каждой эпохе – с древности и по настоящее время. Платон, Аристотель, Блаженный Августин, Декарт, Гоббс, Лейбниц, а также М. Вебер, К. Поппер, М. Фуко из современных философов – все эти мыслители так или иначе пытались объяснить социальные практики, в том числе применительно и к городской среде [19].

Подобное внимание к данной концепции означает:

А) Вопрос социальных практик неотъемлемо связан с человеческой природой;

Б) Социальные практики сциентизируются с глубокой древности, сначала через такую дисциплину, как философия, а позже социология;

В) Сущность социальных практик наиболее эффективно может быть воспринята через историю философии и социологии, так как именно эти дисциплины дают возможность проследить преемственность знаний;

Г) Ряд мыслителей, таких как Платон, Августин, И. Фихте, К. Поппер – здесь приведены мыслители с древности по современность – так или иначе не просто касаются социальных практик, но связывают их с концепцией города, как места существования людей, где они наиболее эффективно взаимодействуют друг с другом.

На основании выявленных тезисов можно сделать вывод о том, что тема данной публикации имеет давнюю философскую и социологическую традицию.

Таким образом, социальные практики отражают некоторые фундаментальные особенности человеческого общества. Они являются своеобразным законодательным фундаментом, на котором строится это общество, а также способом человеческих действий. Именно это подчёркивает онтологический статус социальных практик в осознании человека своей социальной природы – в современных реалиях - в формате мегаполиса.

Яркий пример важности онтологического статуса социальных практик – учение Блаженного Авгу-

стина, который по сути именно через социальное действие побуждал людей – жителей земного града – становиться христианами. В контексте Средних Веков это означало социализацию. Его призыв к социализации подразумевал под собой разработку определенного категориального аппарата, то есть создание системы действий. Это - признаки научности, то есть сциентизации социальных практик [2].

Социология ученого XX века М. Вебера рассматривает социальную практику, совершаемую человеком, базисом его естества. Этот тезис уже носит онтологический характер. Далее он конкретизирует эту практику в своем труде «Протестантская этика», в котором говорит, что подлинная социальная практика – это труд, подкрепленный христианской моралью. Все это помогает экономике развиваться, строить капитализм, в том числе создавая для этого экономические центры в виде городов [4]. Даже краткое описание теории М. Вебера убеждает, что социальные практики – одна из основ человеческого поведения.

И Августина, и Вебера, и многих других философов объединяет тот факт, что они не просто описывают социальные практики, а дают им терминологическое обоснование, системность. Все это – атрибуты научного знания, а значит речь идет о фактической сциентизации предмета их исследований, что и требовалось доказать в этом параграфе.

Эпистемологическим основанием исследования является тот факт, что важно понять логику необходимости обращения корпуса гуманитарного знания к социаль-

ным практикам. Разбирая онтологические основания этого понятия, стало ясно, что оно является краеугольным для описания практически любого процесса, связанного с развитием общества. Прямое тому подтверждение, тот факт, что тема социальных практик появилась в философии в глубокой древности и сохраняет актуальность по сей день. Это означает, что социальные практики – мыслимые категории, которые с учетом меняющихся культурных и духовных ценностей сквозь века, постоянно требуют новых интерпретаций. К слову, заметим, что часть этих интерпретаций связана с социальными практиками, применительно к действиям людей при жизни в городе / мегаполисе. Таким образом, эпистемологическое основание, касающееся сути исследования, сохраняет повседневную актуальность. Что касается формы этой актуальности, то она, разумеется, научна, так как каждая новая интерпретация социальной практики дается посредством имеющегося научно-категориального аппарата. Отсюда можно сделать вывод о том, что эпистемологические основания социальных практик синтезированы, а формирование интерпретаций контента через историю философии лишь придает этой сциентизации еще большую научность [6].

Аксиологические основания исследования проявляются в том, что проблема социальных практик неотрывно связана с культурными, духовными и историческими особенностями, которые нельзя не принимать во внимание. Так как понятие социальных практик изучается в том или ином виде абсолютным большинством философов

и социологов, живущих в разные эпохи, отношение к этому понятию уникально в зависимости от того времени, когда жил тот или иной автор. Его интерпретация социальной практики всегда погружена в контекст той реальности, современником которой он является. Именно поэтому, к примеру, Платон ассоциировал подлинные социальные практики с полисом – как образцом города; Блаженный Августин – с небесным Иерусалимом, где все люди совершают добродетельные поступки, то есть праведные социальные практики; М. Вебер – с самоотверженным коллективным действием в духе протестантской парадигмы, которая позволяет создать эффективную общественную / городскую модель, где возможен капитализм как форма устройства. Приведенные мыслители, равно как и любые другие, чьи теории возможно обобщить через историко-философский анализ, всегда ценностно подходят к исследуемому предмету. Характер же этих ценностей диктует та эпоха, в которую они живут. Для обобщения систем ценностей и уточнения параллелей между ними опять-таки необходима компаративистика и иные научные инструменты. Все это говорит в пользу того, что даже в аксиологическом приближении тема социальных практик связана с наукой, то есть сциентизирована.

Теоретические основания исследования подразумевают обращение к теме социальных практик через призму историко-философского анализа. Рассматриваются концепции философов, для которых вопрос социальных практик представлял отдельную

значимость. Также предпринята попытка обращаться к наследию таких философов, которые связывали социальные практики с действиями людей, помещенными в городскую среду. На протяжении всей европейской традиции подобным требованиям отвечает достаточно большое число авторов. В качестве примера были приведены концепции Платона (античность), Блаженного Августина (Средние Века), М. Вебера (начало XX века). Подобная подборка позволяет продемонстрировать не только актуальность вопроса социальных практик, их взаимосвязи с существованием субъекта в городской среде, но и обратить внимание на то, что сам вопрос социальный практики существенным образом сциентизирован. Во-первых, потому, что ему посвящена целая научная философская традиция, которая берет свое начало с глубокой древности и тянется до наших дней. Во-вторых, потому, что совмещение социальной практики, человеческих отношений и среды этих действий в виде города / мегаполиса, требует таких качеств исследователя, как логичность, объективность, последовательность и практичность. Все это атрибуты научного знания – а значит поставленный вопрос сциентизирован сам по себе [9].

Методологическую основу исследования составляет деятельностный подход, подкрепленный и дополненный для решения частных задач методологическими положениями онтологического, эпистемологического, аксиологического и иных разделов философии как дисциплины. В значительной степени также используются методы

индукции, когда из частных предпосылок выводятся общие умозаключения, а также дедуктивный метод, когда некий обобщенный тезис дает возможность инициировать процедуру анализа. Бесспорно, также используется метод ретроспективного анализа, который посредством обращения к истории философии определяет социальные практики сквозь века в трудах определенных философов.

В настоящей работе был осуществлен историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе.

На примере обращения к истории европейской философии и социологии были выявлены следующие закономерности, раскрывающие тему исследования:

- понятие социальной практики неразрывно связано с природой человека. Это была замечено еще древними философами. Со времен античности, в трудах Платона, философия находит один из возможных способов описать человеческое бытие через действия, который он осуществляет. Так как человек социален, суть многих действий раскрывается именно в общественных отношениях. С этим и связано внимание практически любого философа с VI в до н.э. по наши дни с прямыми или косвенными интересами к социальным практикам.

- Социальные практики, независимо от того в каком виде они рассматриваются философами или социологами, подразумевают определенный категориальный аппарат при рассмотрении тем или иным автором. Если предпринимать попытку охарактеризовать этот категориаль-

ный аппарат, то как в трудах античных философов, так и в монографиях современных мыслителей при определении социальных практик пытаются найти объективные, проверяемые и практические основания этого понятия. Все это говорит о том, что по факту социальные практики, как феномен, немислимы без определения через категории научного знания. Это означает, что само понятие социальных практик в высшей степени сциентизировано. Каждый философ или социолог пытается разложить социальную практику на некоторое количество параметров и характеристик. Подобные действия красноречиво свидетельствуют о рационально-критическом подходе, что, опять-таки, свойственны научному знанию.

- Понятие социальной практики связано с местами объединения людей. Одним из таких пространств является современный мегаполис. Чтобы подчеркнуть важность этой мысли, в работе специально сделан акцент на концепциях социальных практик Платона в античности, Блаженного Августина в Средних Веках, М. Вебера в начале XX века. Всех этих мыслителей объединяет тот факт, что они рассматривают город – как сосредоточие большинства социальных практик, а значит именно эта среда наиболее благоприятна для научного анализа этого термина. Некоторые их подходы, к примеру, дискурсивный и аналитический метод, будут уместны для оценки современного значения социальных практик в нынешних мегаполисах, которые развиваются в условиях унификации большинства жизненных, смысловых и символических стандартов.

- Логика настоящего исследования раскрывает таким образом, что понимание закономерностей социальных практик в современном мегаполисе сегодня невозможна без обращения к философским концептам прошлого, которые составляют давнюю традицию изучения этой темы. Более того, это не просто традиция, а традиция, построенная по определенным канонам, включающим в себя большинство ценностей научного знания. Это означает, что проблема социальных практик была синтезирована с самого начала, а историко-философский анализ – идеальный способ доказать этот тезис.

Литература

1. Бабосова Е.С., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Город как коммуникативное пространство: социокультурный анализ; Российско-Белорусский научный журнал Союзного государства "Белая Вежа" // № 4(19), 2015, с. 108-115
2. Бычков, В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984. С.23-29.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия // Общая социология. Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин; Пер. В.Г. Кузьминов; Под общ. ред. Н.И. Лапина -- М.: Высш. гик., 2006. -- 783 с.
6. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность (Социо-

логия Макса Вебера и веберовский ренессанс). М.: Политиздат, 1991.

7. Гайнутдинов, Р. Макс Вебер о роли политической партии в теории бюрократии / Р. Гайнутдинов, О. Маврин // Тонус № 9. Социализация личности и проблемы развития общественных отношений. - Казань, 2004. - С. 197-202.

8. Глушко И. В. Социальные практики как социально-философская проблема // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2018. — № 2 (февраль). — 0,3 п. л. — URL: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>.

9. Давыдов Ю.Н. История теоретической социологии. В 4-х т. - М.: Канон, 1997.- т. 3.-448 с.

10. Зборовский Г.Е. История социологии: Учебник.- М.: Гардарики, 2004.- 608 с.

11. Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 199 с. — ISBN 978-5-94380-069-6.

12. Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Городское коммуникативное пространство (феноменология и тренды) // Международный Академический Вестник. 2014. №3. С. 30-38.

13. Лебедев С. А., Ильин В. В., Лазарев Ф. В., Лесков Л. В. Введение в историю и философию науки. — 2-е издание. М.: Академический проект, 2007.

14. Литвинова Л. В. Макс Вебер и современная бюрократия // Моск. гос. акад. приборостроения и информатики. 2001.

15. Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия : критика социологии М. Вебера. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1988.

16. Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и со-

временная политическая социология : монография. Н.-Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997.

17. Осипов Г. В. История социологии в Западной Европе и США. М.: Издательство НОРМА, 2001.

18. Патрушев А. И. Расколдованный мир М. Вебера. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992.

19. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. В 3 кн. / Науч. ред. В. В. Целищев. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001.

20. Столяров А. А. О граде Божьем // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — 2816 с.

21. Цыганков Д. Б. Введение в социологию Пьера Бурдьё // Журн. социол. и социал. антропологии = J. of sociology a. social anthropology. — СПб., 1998. — Т. 1, № 3. — С. 148—155.

22. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 276.

23. Шкредов А. Теория М. Вебера и тенденции оформления современной бюрократии // Гос. служба. 2009. №4. - С. 96-98.

Historical and philosophical analysis of the scientization of social practices in the modern metropolis

Lagutin Yu.V.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The development of modern civilization, striving for globalism not only in the economy, but also in other areas, requires the subject who represents it to be critical of many of its manifestations, including the fundamental foundations. One of these grounds can be considered a metropolis - a space in which a huge number of people are placed.

It is necessary to understand the driving forces of this space and understand why precisely the big cities today are the present and future of the post-industrial society, at the stage of which our reality is.

The generalized characteristic of today's life in a megalopolis - the environment where a huge number of economic, political, social and spiritual ties arise and breaks out - suggests that the reality of a megalopolis is determined not by randomness, but by systematic nature. Systemicity, as an attribute, is one of the criteria of scientific knowledge. In this regard, the study of the metropolis as an ontological, epistemological and axiological space in which modern man lives and develops as a person is impossible without a scientific approach. The scientific approach itself, that is, the "scientization" of reality, as such allows not only to substantiate the most important laws of the development of a megalopolis society, but also to explain these laws from the point of view of various social practices, which are reflected in the history of philosophy by the authorship of various classical and modern thinkers. This work will be devoted to clarifying the role of scientization of such social practices in terms of the development of philosophical knowledge.

A metropolis as a concept is closely related to the process of urbanization. It is this concept that forms today's society. The city as a space attracts not just economic and social processes, but builds entire systems out of them, which become possible in scale because they require a huge amount of resources that can only be created by large associations of people. These people, in fact, form a megalopolis as a philosophical concept.

Keywords: scientization, megalopolis, globalism, urbanization, social practices, information, society

References

1. Babosova E.S., Korkiya E.D., Mamedov A.K. City as a communicative space: sociocultural analysis; Russian-Belarusian scientific journal of the Union State "White Vezha" // No. 4 (19), 2015, p. 108-115
2. Bychkov, VV Aesthetics of Aurelius Augustine. M., 1984. S. 23-29.
3. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990.
4. Weber M. About some categories of understanding sociology // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990.
5. Weber M. The concept of sociology and the "meaning" of social action // General Sociology. Reader / Comp. A.G. Zdravomyslov, N.I. Lapin; Per. V.G. Kuzminov; Under the total. ed. N.I. Lapina - M.: Higher. Geek., 2006. -- 783 p.
6. Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. History and Rationality (Sociology of Max Weber and the Weber Renaissance). M.: Politizdat, 1991.
7. Gainutdinov, R. Max Weber on the role of a political party in the theory of bureaucracy / R. Gainutdinov, O. Mavrin // Tonus N 9. Socialization of personality and problems of development of public relations. - Kazan, 2004. -- S. 197-202.
8. Glushko I. V. Social practices as a socio-philosophical problem // Scientific and methodical electronic journal "Concept". - 2018. - No. 2 (February). - 0.3 p.p. - URL: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>.
9. Davydov Yu.N. History of theoretical sociology. In 4 volumes - M.: Canon, 1997. - vol. 3.-448 p.
10. Zborovsky G.E. History of Sociology: Textbook.- M.: Gardariki, 2004.- 608 p.
11. Kiryushchenko VV. Language and sign in pragmatism. SPb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2008. - 199 p. - ISBN 978-5-94380-069-6.
12. Corkia E.D., Mamedov A.K. Urban communicative space (phenomenology and trends) // International Academic Bulletin. 2014. No3. S. 30-38.
13. Lebedev S. A., Ilyin V. V., Lazarev F. V., Leskov L. V. Introduction to the history and philosophy of science. - 2nd edition. M.: Academic project, 2007.
14. Litvinova L. V. Max Weber and modern bureaucracy // Mosk. state Acad. instrument making and computer science. 2001.
15. Makarenko V. P. Faith, power and bureaucracy: criticism of the sociology of M. Weber. Rostov-n / D: Publishing house of the Rostov University, 1988.
16. Maslovsky MV The theory of bureaucracy of Max Weber and modern political sociology: a monograph. N.-Novgorod: Publishing House Nizhegor. state University, 1997.
17. Osipov GV History of sociology in Western Europe and the USA. M.: NORMA Publishing House, 2001.
18. Patrushev A. I. The bewitched world of M. Weber. M.: Publishing house of Moscow University, 1992.
19. Russell B. The history of Western philosophy and its connection with political

- and social conditions from antiquity to the present day. In 3 book / Scientific. ed. V.V. Tselishchev. - Novosibirsk: Publishing House Novosib. University, 2001.
20. Stolyarov A. A. About the City of God // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / before. scientific ed. Council V.S. Styopin. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Thought, 2010. -- 2816 p.
21. Tsygankov D. B. Introduction to the sociology of Pierre Bourdieu // Journal. sociology and social. anthropology = J. of sociology and social anthropology. - SPb., 1998. - T. 1, No. 3. - C. 148-155.
22. Chanyshchev AN N. The course of lectures on ancient philosophy. M., 1981. S. 276.
23. Shkredov A. Theory of M. Weber and trends in the design of modern bureaucracy // State. service. 2009. No4. - S. 96-98.

Понятие эстетической ценности в литературоведении и философии

Мавлянова Т.Б.

Статья посвящена теоретическому изучению философского и литературоведческого восприятия эстетического идеала, эстетической ценности. В результате анализа автор обращается к философским и литературоведческим словарям, выявляет как разносторонность толкования ценностей, так и общность при обрисовке состояния человеческой души, образца красоты, добра, истины, воплощенные в философском и литературном образе.

Ключевые слова: эстетический идеал, эстетическая ценность, восприятие художественного произведения.

Эмоции и бесстрастность, переживания и безмятежность, разочарования и воодушевленность внутреннего мира человека изначально проявляется в эстетическом идеале литературы. Эта категория отражается через поэтический вымысел создателя литературы и продолжает иметь ценность восприятия среди других произведений искусства, и это, безусловно, дает нетленность поэтическому слову. Не что иное, как бессмертность идеала в философии и литературоведении вызывала интерес передовых ученых Востока и Запада, считавших важнейшей задачей проникновение в душу человека, поиск эффективных средств в науке.

С.П.Белокуров в Словаре литературоведческих терминов отмечает, что эстетический идеал – это «художественное представление о совершенстве, отраженное в произведении искусства: изображение прекрасного как должного» (1, с.15). Из этого явствует, что именно через эстетический идеал обрисовываются особые состояния человеческой души, как первообраз совершенства, благодетяния, правды, переплетающиеся в само очертание образа. В любой сфере гуманитарных наук укрепилось понятие эстетического идеала посредством изучения эстетических ценностей.

Для начала обратимся к истории возникновения категории «эстетическая ценность», которая обширно развивается в современной литературе, однако свою открытость получила недавно. Как наука о прекрасном, эстетика фиксируется с XVIII в. благодаря Александру Баумгартену. В своей научной работе «Философские размышления о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения» автор использует понятие «эстетика». А.Баумгартен утверждает, что эстетика — это наука о чувственном постижении. Полное, развернутое определение новой науки было дано в сочинении 1750 года «Эстетика»: «Эстетика — теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасно мыслить, искусство аналога разума, есть наука о чувственном познании. (*scientia cognitionis sensitivae*). Цель эстетики — совершенство чувственного познания как такового, и это есть красота. При том следует остерегаться его несовершенства как такового, которое есть безобразность» (2). Из приведенной формулировки можно сделать вывод, что Баумгартен определяет эстетику как науку и как искусство. Наука опирается на принципы, из которых выводятся правила. Искусство же есть действие по этим правилам. **Кроме того, А. Баумгартеном вводится не только понятие «эстетика», но и «эстетическое». Автор рассматривает «эстетическое» как самостоятельную категорию, охватывающую эстетический субъективизм личности к миру в целом (3, с. 452).**

Так, термин «эстетический» приобрел научное восприятие, создались каноны художественного и умение распознавать общеэстетический

вкус. В своих трудах Баумгартен, определяя специфику ценностей в искусстве, уяснил трансценденцию чувствительного над разумным. В дальнейшем данное суждение перешло в каноны Канта об эстетических началах (1790 г.), изображающих проявление мировоззренческих чувств: эмоции и бесстрастности, переживания и безмятежности, разочарования и воодушевленности внутреннего мира человека. Эта оценка нам представляется точной. Кант характеризует восприятие эстетической ценности как безмездное явление, бескорыстную деятельность, то есть безотносительно от интереса к ценности эстетики, так как осмысление обусловлено гедонистическим опытом. Данная концепция представляет почву для разъяснения актуальных проблем восприятия эстетических ценностей.

Несмотря на то, что эстетика имеет нормативный характер, восприятие эстетического идеала не ориентируется на те или иные современные или устаревшие нормы прекрасного. В частности, эстетический идеал не может представлять собой какой-либо временной пробел, потому что не перестает восприниматься цельным. В своем известном труде «Проблемы и «болевы́е точки» современной эстетики» В.В. Бычков ставит перед наукой определенные задачи. Одной из них является освобождение от внеэстетической тяжести смежных наук, не имеющие отношения к предмету, а также констатирование эстетики в форме молодой науки, находящейся на стадии становления. Считается важным учесть, что для полнейшего формирования и способа исследования молодой науки необходимо опираться как на

классическую эстетику, так и на современную художественную деятельность. Безусловно, в современности, исследуя новейшее художественное творчество, актуальные нравственно-эстетические изыскания, можно создать небывалый пласт науки (4, с.34).

Исследуя каноны эстетической ценности, включающие в себя бесстрастность и эмоциональность, разочарования и воодушевленность, но ни в коем случае не сухую действительность, Г.Лотце «охотно пользовался для выражения своих убеждений формулой: мир ценностей есть ключ к пониманию мира форм. Истина познания заключается в том, что оно раскрывает смысл и назначение мира. То, что должно быть, является причиной всего существующего, а существующее служит для того, чтобы в нем реализовались ценности» (5, с.14). В философии Г.Лотце ставится определенная задача выявления значимого места и роли человека как субъекта в системе других созданий, в том числе и эстетических, и, исходя из позиции философа, человек является своеобразностью той или иной обстановки, имеющий выгодное или невыгодное представление в эстетической взаимосвязи.

Теория Г.Лотце, выдвигающая на первый план назначение мира, роль ценностей в жизни человека, нам представляется справедливой. Однако следует отметить, что отражение эстетической ценности проявлялось в общности фундаментальных свойств категории: идеал, его соцерзание и общественная роль. Эстетическая ценность единства и многообразия, последовательности и контраста, напряжения и расслабления, ожи-

дания и неожиданности, тождества и противоположности не заключается сама в себе. И если сложность, напряженность и расслабление, если неожиданность и контраст обладают эстетической ценностью, то эта ценность основывается на том, что все эти формы отношений и явлений обуславливают необходимый элемент в порядке мира, который в своей взаимосвязи должен создать неизбежные формальные условия для всестороннего осуществления добра и ценностей как в бытие человека, так и в его художественном мире.

Современный читатель располагает разнообразным эстетическим опытом восприятия художественного произведения. Данный опыт разрабатывался множеством летосчислением. Принято считать, что эстетические ценности исторически возникли из практического оценивания не только художественных деталей в произведении, но и при рассмотрении характера, нрава самого героя. Первоначально имела место некая слитность того и другого, свидетельство чему — исторически ранняя словесность, например изображение деталей и нравов у Гомера, которые отвечают своему практическому назначению и одновременно радуют своим совершенством. «Человек, — писал Г.В. Плеханов, — сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения».

Литература

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. — М., 2005.

2. Aesthetica. Scripsit. Alexand. Gottlieb bavmgarten Professor philosophiae MDCCCL URL: <https://archive.org/details/aestheticascrip00baumgoog> (дата обращения 30.05.2015).

3. Баумгартен А. Г. Эстетика. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964.

4. Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2005.

5. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск, 1998.

6. Хализев В.Е.: философ, культуролог и литературовед // Лит. обозрение. 1994. N 1-2. Записки русской академической группы в США. Т. 12. Посвящается памяти Н.С. Арсеньева. Нью-Йорк, 1979 (библ.); L'emigration Russe. Revues et rec., 1920-80. Index general des art. P., 1988 (библ. на рус. яз.);

7. Хализев В.Е. Теория литературы. Место и роль эстетического в жизни человека и общества. М., 2004.

8. <https://www.litdic.ru/>

9. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. — СПб.: Наука, 2004.

The concept of aesthetic value in literary criticism and philosophy

Mavlyanova T.B.

Samarkand State University

The article is devoted to the theoretical study of the philosophical and literary perception of the aesthetic value. As a result of the analysis, the author turns to philosophical and literary dictionaries, where versatility of interpretation and commonality are revealed when describing the state of the human soul, a model of beauty, kindness, truth, embodied in a philosophical and literary image.

Key words: aesthetic ideal, aesthetic value, perception of a work of art.

References

1. Belokurova S.P. Dictionary of literary terms. - M., 2005.
2. Aesthetica. Scripsit. Alexand. Gottlieb bavmgarten Professor philosophiae MDCCCL URL: <https://archive.org/details/aestheticascrip00baumgoog> (accessed 05.30.2015).
3. Baumgarten A. G. Aesthetics. History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought: in 5 vols. T. 2. M.: Art, 1964.
4. Aesthetics: Yesterday. Today. Always. Vol. 1. M.: IF RAS, 2005.
5. Gritsanov A.A. The latest philosophical dictionary. Minsk, 1998.
6. Halizev V.E.: philosopher, culturologist and literary critic // Lit. review. 1994. N 1-2. Notes of the Russian academic group in the USA. T. 12. Dedicated to the memory of N.S. Arsenyev. New York, 1979 (bibl.); L'emigration Russe. Revues et rec., 1920-80. Index general des art. P., 1988 (bibl. In Russian);
7. Halizev V.E. Theory of literature. The place and role of the aesthetic in the life of man and society. M., 2004.
8. <https://www.litdic.ru/>
9. Windelband V. Preludes. Philosophical articles and speeches. - St. Petersburg: Science, 2004.

Ценности рок-культуры запада

Нурисламов Р.Р.

В статье рассмотрены ценности рок-культуры запада. В настоящее время рок-культура распространилась по всей планете, приобретая интернациональный характер. Рок-движение, вне зависимости от географических рамок, переживает апогей развития накануне значимых социально-политических изменений в государстве (на Западе – 1968 год, Австрия – 70-е годы, во время модернизации государственного устройства, в России – накануне перестройки). Рок-культура в такие периоды становится носителем социокультурных ценностей и идеалов эпохи и поколений.

Ключевые слова: трансформация ценностей, культура, массовая культура, молодёжная культура, субкультура, контркультура, андеграунд, рок, протест, рок-культура, рок-движение, рок-музыка, рок-поэзия, молодёжные движения, русский рок, эстетика рок-музыки.

Массовое молодёжное контркультурное явление, получившее название «рок-культура», в советской России возникло в конце 50-х годов XX века после проведения Всемирного фестиваля молодёжи и студентов (1957г.) и сыграло основополагающую роль в формировании мировоззрения и духовных ориентиров творческой молодёжи. В США и Великобритании к этому времени рок-движение как составляющая часть «всемирного восстания»[11], предпосылками которого были общественно-исторические и социально-политические события (военные действия США во Вьетнаме, изобретение и применение атомного оружия, расовая политика, эмансипация), уже имело вполне сформировавшиеся каноны и традиции (Элвис Пресли, The Beatles, The Rolling Stones). Рок возник как попытка создания нового мировоззрения и мировосприятия, основанного на протесте милитаризму и технократии.

Во второй половине XX молодёжный бунт в Европе и США достигает высшей точки накала вследствие духовного и нравственного кризиса общественного самосознания, именно в это время рок-культура переживает период расцвета и утверждения. «Музыка и идеи политического и индивидуального освобождения и самовыражения были тесно связаны», – подчёркивал С. Митчелл [17, с.7-

18]. Песни протеста звучали на антивоенных митингах, нередко сопровождались открытой пропагандой употребления наркотиков как способа наиболее полного познания реальности. Напряжённая социально-политическая обстановка, расовая ненависть, страх перед атомной войной, военные действия США во Вьетнаме спровоцировали массовые беспорядки, что привело к противостоянию власти и молодого поколения. В погоне за стабильностью и успехом нравственные идеалы равенства и братства утратили ценностный приоритет, уступив пальму первенства стремлению к материальному изобилию и психологическому комфорту, что привело к обесцениванию человеческой личности, игнорированию её духовных потребностей, поскольку ценностные характеристики потребительского общества не включали в себя идеалы нравственного совершенствования.

Рок-культура в США позиционировалась как явление, манифестирующее отрицание примитивных ценностей массовой культуры, утверждающее идеи гендерного переустройства и сексуальной революции, пропагандирующее изучение древневосточных духовных практик на основе психоделического мироощущения.

Внешняя политика США стала главным условием доминирования пацифистских настроений в молодёжной среде при практически тотальной её аполитичности, а рок-андеграунд был выразителем антивоенных настроений. Пацифизм выступает в качестве главного ценностного ориентира в творчестве The Doors («The End», «Unknown Soldier»), «The Jimmy

Hendrix Experience» («Purple Haze»), которые стали антивоенными гимнами.

Сексуальная революция с принципом сексуальной свободы выбора основывалась на отрицании консервативных канонов, регламентирующих отношения полов в буржуазном обществе, и заключалась в переосмыслении и преобразовании сексуальных ориентаций и поведенческих моделей.

Задача гендерного преобразования общества состояла в достижении равноправного положения вне зависимости от половой принадлежности. В контексте рок-культуры определялась одинаковая социальная значимость и мужских, и женских интересов. Женская эмансипация утвердилась как антипод пуританской идеологии протестантов, в которой женщина позиционировалась только как мать, жена и хозяйка.

Особенно значимым в социокультурном отношении стал кризис семейных ценностей как результат сексуальной революции и женской эмансипации в противовес традиционным ценностям буржуазного общества (семья, моногамия, постоянное сексуальное партнёрство)[7, с. 161].

Изменение сознания – одна из доминантных ценностей рок-культуры США второй половины XX века. Осознание бесперспективности протеста в политической, экономической и идеологической сферах повлекло за собой переключение внимания мыслящей молодёжи к стремлению изменить мир при помощи внутренней трансформации сознания личности. Психоделическая революция породила «религию ЛСД», массовое изменение молодёжного сознания вслед-

ствии употребления галлюциногенных наркотиков для достижения полной свободы личности.

Квинтэссенция социокультурных процессов того времени выразилась в музыке фолк-рока, композиции Боба Дилана об угрозе ядерного конфликта, о расовом угнетении стали гимнами эпохи, которые звучали на студенческих митингах, массовых демонстрациях с требованием мира в Юго-Восточной Азии, маршах свободы в защиту прав меньшинств. В 1963г. в составе альбома «Freewheelin Bob Dylan» выходит гимн политического протеста «Blowin' In The Wind» («Витающее в воздухе»), основное содержание которой сводится к поиску ответа на вопрос: «Как долго ещё это будет продолжаться?» и призывает не оставаться в стороне. Появление вопроса связано с мировыми социально-политическими событиями, (возведение Берлинской стены, вооружённое столкновение в заливе Кочинос, убийство Медгара Эверса, арест Мартина Лютера Кинга, возобновление испытаний ядерного оружия США, война во Вьетнаме, расовое неравноправие (арест чернокожих молодых людей, вошедших в кафе для белых, лозунг Уоллеса: «Расовая сегрегация – навсегда!»)).

В композиции «Masters Of War» («Мэтры войны», «Freewheelin Bob Dylan», 1963) даётся развёрнутая критика правительства в связи с развитием военного конфликта на Юго-востоке и одновременным наращиванием вооружения. Дилан утверждает, что в войне «всех против всех» победа невозможна, правительства, воюющие друг против друга, играют миром и народами.

История Америки с позиций вооружённых конфликтов раскрыва-

ется перед слушателем в альбоме The Times Are A-Changin' («Времена меняются», 1964), который показывает современную реальность как тёмное, смутное время, в которое только Бог может остановить нарастающую агрессию и предотвратить новую войну, способную уничтожить человечество. Главные темы – социальные потрясения, нищета, расизм, социальное неравенство. В альбоме творчески переосмысливаются нравственные категории независимости и свободы выбора («Ballad of Hollis Brown»), поднимаются проблемы несправедливого положения афроамериканского населения («North Country Blues», «The Lonesome Death of Hattie Carroll»), а композиция «Only a Pawn in Their Game» посвящена убийству лидера движения за гражданские права чернокожих Медгара Эверса.

В текстах альбома The Times Are A-Changin' Дилан объявляет современное общество соучастником преступлений на расовой почве, утверждая, что убийства и разбои – плод господствующей идеологии превосходства белой расы.

В середине 1960гг. Дилан отходит от традиций фолк-рока, политический протест уступает место самосозерцанию и самоуглублению, осмыслению собственного внутреннего мира и настроения, чему способствовало недолгое увлечение музыканта психоделическими препаратами. Композиция «Mr. Tambourine Man» (1965) передаёт стремление автора зафиксировать момент ощущения (ощущение усталости после бессонной карнавальной ночи в Новом Орлеане, стирающее границы между иллюзией и реальностью).

Родиной рок-музыки, местом её стилистического и смыслового становления является Великобритания, где во второй половине XX века вследствие негативной социально-политической обстановки произошёл всплеск протестного движения рабочей молодёжи.[4, с.30] Распад Британской колониальной системы после Второй мировой войны, вступление Великобритании в НАТО, экономическая нестабильность, безработица, снижение жизненного уровня трудящегося населения – всё это способствовало подъёму забастовочного движения неконформистского протеста. Биг-бит как музыкальное направление, ставшее прародителем рок-музыки, сформировался не в профессиональной музыкальной среде, а в эпицентре бунтующей молодёжи. Весь состав The Beatles – выходцы из бедных кварталов Ливерпуля, соответственно, британская молодёжь считала их представителями рабочего класса. Массовое признание сингла The Beatles «I Want to Hold Your Hand» (1963) положило начало «британскому вторжению» («British Invasion») в мировое культурное пространство. Социокультурные и ценностные ориентиры молодого поколения определялись с позиций принадлежности к рабочему классу и во многом были ориентированы на американскую рок-культуру как образец нового в противовес консервативному английскому.

Бит-рок завоевал для британской музыки мировую известность. Наряду с The Beatles широкую популярность набирают группы The Rolling Stones, The Kinks. Творческие лидеры и идейные вдохновители The Kinks братья Рей Дэвис и

Дейв Дэвис не имели высшего образования, поскольку происходили из многодетной бедной семьи, проживавшей в пригороде Лондона. Социальное происхождение определило творческую позицию музыкантов, направленную на актуализацию рабочей культуры в среде отечественной аудитории.

Новаторство The Kinks заключалось в творческом переосмыслении ценностей современного английского общества, что, по мнению социолога Ника Бэкстера-Мурра «представляло собой уникальный вклад в развитие популярной культуры Великобритании, поскольку другие британские группы подражали своим коллегам из США». [15, с.145-146]

Творчество музыкантов призывало к сохранению культуры рабочего класса, подчёркивая классовое неравенство и социальную нестабильность. Тематической основой многих произведений были сюжеты из повседневного быта трудящегося населения. Композиция «Where Have All The Good Times Gone» (1965) посвящена размышлениям об идентификационной трансформации рабочей молодёжи 60-х и их родителей, представителей довоенного поколения. В песне с сожалением говорится, что ценности старой Англии остаются в прошлом, по мнению авторов, «лучшем времени»: «Ma and Pa look back at all the things they used to do / Didn't have no money and they always told the truth / [...] / Won't you tell me / Where have all the good times gone?» («Мать и отец вспоминают прошлое, всё то, к чему они привыкли / Не было такого, чтобы не было денег, а они всегда говорили правду / [...] / Ска-

жите мне, / Куда ушли эти благословенные времена?»).

Проблема сохранения британских традиций и базовых национальных ценностей, языка, архитектуры в сочетании с новым, прогрессивным опытом в культурном пространстве Англии – значимые категории творчества The Kinks.

Безработица и нищета современности, убогое существование населения городских бедных кварталов – подобным образом Великобритания раскрывается перед слушателем в композиции «Dead End Street» (1965). Дэвис старался привлечь внимание прогрессивной общественности к низкому социальному обеспечению промышленных регионов страны, к жилищным проблемам трудящегося класса на фоне викторианской индустриальной культуры и традиций, которые, по его мнению, во многом устарели к 60-м годам. Актуализации проблемы способствовала волна недовольства политикой городской застройки и планирования, результатом которой был снос старых зданий викторианской эпохи.

Ценность воспоминаний – ключевая для творчества группы, поскольку нравственная основа современности базируется на опыте прошлых эпох («Do You Remember Walter?»). Воспоминания о собственном детстве, позиционирование семьи как главной социальной и духовно-нравственной ценности – лейтмотив композиций «Picture Book» и «People Take Pictures of Each Other», при исполнении которых Дэвис призывал аудиторию не забывать об истории собственных семей для сохранения настоящего. Прошлое осмысливалось как нечто ушедшее навсегда, что уже не вер-

нуть, но без сохранения традиций минувших эпох невозможно будущее.

Британская рок-культура стала катализатором общественных процессов в стране, которые спровоцировала социально-экономическая политика Маргарет Тэтчер. Рубеж 60-70 гг. XX столетия ознаменовался зарождением английского панк-рока, объединившего агрессивно настроенную часть молодёжи. Лозунг британских панков «Blank Generation» (с англ. – «пустое поколение») кратко и лаконично передавал нравственное состояние молодого поколения того времени: отрицание идеалов, нигилизм, отсутствие сформированных ценностных установок.

Эпатажная манера исполнения культовой группы Sex Pistols в полной мере реализовала эстетическую позицию индивидуализма панк-рока, абстрагированность его от социальных и политических проблем. Sex Pistols – революционный вызов консервативной британской культуре и обществу, эстетическим выражением которого стала внешняя атрибутика – яркий макияж, причёски, символика, провокационные жесты, демонстративное поведение. Панк-движение позиционировало себя как анархическое, лозунг «No Future», звучавший в рефрене композиции «God Save the Queen» группы Sex Pistols стал девизом мирового панк-рока.

Группа The Clash, лидер британского панка, актуализировала проблемы современной Англии, открыто критикуя действующее правительство (альбом «The Clash»). В текстах композиций переосмысливались проблемы безработицы («Career Opportunities»),

монотонного труда («48-Hours»), насилия, классового расслоения и социальной нестабильности («1977», «Remote Control», «Hate and War»). Основное отличие группы состояло в том, что её репертуар актуализировал проблемы не только рабочей молодёжи, но и мигрантов, политических активистов, маргиналов, творчество Sex Pistols, например, было направлено на репрезентацию ценностей рабочей молодёжи, её идеологии и социальных противоречий.

Высокая политизированность, военная национальная тематика, угнетение и расовая дискриминация (геноцид аборигенов в Австралии, диктатура Пол Пота в Камбодже, столкновения в Северной Ирландии) воплотились в содержании альбома «Em Enough Rope» (1978), смысловым стержнем которого стала тема растущего авторитаризма.

Группа The Clash придала панк-движению социально-политическую направленность, призывала аудиторию к активному участию в общественной жизни, акцентировала внимание на проблемах мировой нестабильности в свете революционных волнений и освободительного движения.

Одним из главных достижений западной рок-культуры считается появление **хард-рока** (Hard rock – дословно: жестокий или тяжёлый рок). Хард-рок зародился в конце 60-х годов прошлого столетия (Джим Хендрикс), полностью сформировался в середине 70-х годов. Первыми знаковыми хард-коллективами были Cream, Experience, и The Who (Британия); Iron Butterfly, MC5, Blue Cheer (США).

Окончательное формирование хард-рока происходит в период расцвета творчества Deep Purple, Black Sabbath, Led Zeppelin (тяжёлый блюз-рок).

На основе традиций хард-рока в середине 70-х годов возникает новое направление в рок-музыке – хэви-металл (англ. heavy metal). Отличительная черта данного направления в Великобритании состоит в том, что наиболее заметные металл-группы сформировались в крупных промышленных регионах и городах страны (Judas Priest – Бирмингем, Iron Maiden – Лондон, Def Leppard – Шеффилд, Raven – Ньюкасл). Становление хэви-металл хронологически совпало с усилением политических позиции Маргарет Тэтчер, застоем в экономике страны, нарастанием безработицы в промышленных регионах. Значимая социокультурная основа направления – рабочее происхождение и

Русский рок – уникальное явление в мировой рок-культуре, поскольку, являясь одновременно и андеграундом, и массовой культурой, усвоил лучшие традиции западного рока, адаптировав их к русской ментальности в контексте советского мировоззрения под влиянием политики цензурных ограничений. Главной отличительной чертой русского рока является доминирующее значение содержательно-смыслового компонента, без которого невозможно формирование социальной самоидентификации личности.

В традиции европейского рока значение вербального воздействия на слушателя изначально тоже имело большое значение, большую часть «золотого фонда» мировой

рок-музыки составляют западные композиции (Джон Леннон, Мик Джаггер, Джим Моррисон). Снижение роли смысловой нагрузки текста произошло вследствие коммерциализации, вовлечения рок-культуры в сферу социально-экономических отношений, результатом чего первостепенное значение приобрело не содержание текста, а способ его выражения, показа.

Литература

1. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 5-25.
2. Кнабе Г. С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры
3. Бокарев В. В. Социальные взгляды, общественно-политическая и творческая деятельность Дж. Леннона в период «молодежной революции» на Западе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 28с.
4. Борисова Е. Б. Музыка как фактор формирования молодежных субкультур: социологический анализ: автореф.дис. канд. соц. наук. – СПб., 2005. – 30 с.
5. Давлетшина Д. М. Музыкальная культура как фактор формирования духовных ценностей студенческой молодежи в современных условиях: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Казань, 1998. – 24 с.
6. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Элита и интересы: монография. М., 2004. 166 с.
7. Корж Н.В. Трудовые ценности современной студенческой молодежи: дис...канд.социол.наук. Пенза, 2011. 161 с.
8. Лебедев А.А. Ценностные основания человеческой деятельности: философский анализ: дис.... канд.филос.наук. М., 2006. 147 с.
9. Наташа Ройтберг. Рок-поэтика // Н. Ройтберг, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litres.ru/natasha-roytberg/rok-poetika/chitat-onlayn/> / Дата последнего обращения – 17.09.2019
10. Мякотин Е. В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического анализа: автореф. дис. ... канд. искусств. – Саратов, 2006. – 24 с.
11. Суминова Т.Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы). М.: Академический проект, 2006. 480 с.: илл.
12. Хайдеггер М. Бытие и время /Пер. с нем. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
13. Чечева А. В. Панк-движение как феномен современной неформальной молодежной субкультуры: автореф.дис. ... канд. культурологии. – Улан-Удэ, 2011. – 24 с.
14. Шостак Г.В. Многообразие тематики рок-жанра //Личность-слово-социум: междунар.науч.-практич.конф., 2008. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/263-esteticheskoe-obrazovanie/6673-mnogoobrazie-tematiki-rok.html> (дата обращения: 05.10.2019.)
15. Baxter-Moore N. «This Is Where I Belong» - Identity, Social Class, and the Nostalgic Englishness of Ray Davies and the Kinks // Popular Music and Society. 2006. Vol. 29. No.2. P. 145-146.
16. Hinman D. The Kinks: All Day and All of the Night. Day by Day Concerts, Recordings, and Broadcasts, 1961-1996. San Francisco, 2004. P. 75
17. Mitchell, S.P. You Say You Want a Revolution?: Popular Music

and Revolt in France, the United States and Britain During the Late 1960s // Actual History. – 2005 – №8 – p.7-18

Values of Western rock culture

Nurislamov R.R.

Moscow State Institute of Culture

The article considers the values of rock culture of the west. Nowadays, rock culture has spread all over the planet, having acquired an international character. The rock movement, regardless of the geographical scope, is at its apogee on the eve of significant socio-political changes in the state (in the West - 1968, Austria - 70s, during the modernization of the state system, in Russia - on the eve of perestroika). Rock culture in such periods becomes a carrier of socio-cultural values and ideals of the era and generations.

Keywords: transformation of values, culture, mass culture, youth culture, subculture, counterculture, underground, rock, protest, rock culture, rock movement, rock music, rock poetry, youth movements, Russian rock, rock music aesthetics.

References

1. Arnoldov A. I. Theory of culture: historicism and questions of methodology // Culture, man and the picture of the world. M.: Nauka, 1987. S. 5-25.
2. Knabe G. S. Rock music and rock medium as forms of counterculture
3. Bokarev VV Social views, socio-political and creative activities of J. Lennon during the "youth revolution" in the West: author. dis. ... cand. East. sciences. - M., 2008. -- 28 p.
4. Borisova Ye. B. Music as a factor in the formation of youth subcultures: a sociological analysis: author. dis. Cand. social sciences. - SPb., 2005. -- 30 s.
5. Davletshina D. M. Musical culture as a factor in the formation of spiritual values of students in modern conditions: author. dis. ... cand. social sciences. - Kazan, 1998. -- 24 p.
6. Kitov Yu.V., Gertner S.L. Elite and interests: monograph. M., 2004. 166 s.
7. Korzh N.V. Labor values of modern student youth: dis. ... Cand. Sociol. Penza, 2011. 161 s.
8. Lebedev A.A. Value foundations of human activity: philosophical analysis: dis. Candidate of Philosophy M., 2006. 147 s.
9. Natasha Roytberg. Rock poetics // N. Roitberg, 2019 [Electronic resource] Access mode: <https://www.litres.ru/natasha-roytberg/rok-poetika/chitat-onlayn/> / Last accessed date - 09/17/2019
10. Myakotin E.V. Rock music. The experience of structural and anthropological analysis: abstract. dis. ... cand. art history. - Saratov, 2006. -- 24 p.
11. Suminova T.N. Information resources of art culture (artosphere). M.: Academic project, 2006. 480 p. : ill.
12. Heidegger M. Being and Time / Transl. with him. M.: Ad Marginem, 1997. 451 c.
13. Checheva A. V. Punk movement as a phenomenon of the modern informal youth subculture: author. ... cand. culturology. - Ulan-Ude, 2011. -- 24 p.
14. Shostak G.V. The diversity of the themes of the rock genre // Personality-word-society: international scientific-practical conference, 2008. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/263-esteticheskoe-obrazovanie/6673-mnogoobrazie-tematiki-rok.html> (Accessed: 10/05/2019.)
15. Baxter-Moore N. "This Is Where I Belong" - Identity, Social Class, and the Nostalgic Englishness of Ray Davies and the Kinks // Popular Music and Society. 2006. Vol. 29. No.2. P. 145-146.
16. Hinman D. The Kinks: All Day and All of the Night. Day by Day Concerts, Recordings, and Broadcasts, 1961-1996. San Francisco, 2004. P. 75
17. Mitchell, S.P. You Say You Want a Revolution?: Popular Music and Revolt in France, the United States and Britain During the Late 1960s // Actual History. - 2005 - No. 8 - p. 7-18

Влияние региональной культуры на личность в философских концепциях и литературных описаниях

Тертешникова Н.Д.

Статья посвящена анализу философской дискуссии, посвященной факторам становления личности в культуре, где ряд концепций отражал представления о приоритетном влиянии универсальных, трансцендентных либо культурных факторов, в то же время имелись концепции, в контексте которых закономерности формирования личности выводились только их специфических локальных особенностей региональных культур. Однако, как доказывает автор, обе программы по отдельности оказывались нежизнеспособны, что потребовало переосмысления механизма влияния факторов культуры на становление личности, в результате чего пришло понимание семантически двойственного: универсального и регионального характера влияния реальности культуры на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности. Современные западные исследователи предлагают интегративное рассмотрение процесса становления личности, с точки зрения которого, личность человека представляет срез показателей культуры, как регионального историко-культурного образования, но подчиненного в своем развитии объективным универсальным закономерностям, реализуемым в субъективном восприятии индивидов.

Ключевые слова: Факторы становления личности, региональная культура, пространство культуры, культурная среда, индустриализация, мультикультурализм, окультуренный человек.

Введение.

Современные трансформации, связанные с распространением глобализационных тенденций развития культуры влияют на интенсивное изменение ценностей человека. Однако многие исследователи признают, что на становление личности оказывает влияние не только мировая культура, но и культура, имеющая региональные особенности. Степень взаимообусловленности культуры и личности сегодня настолько высока, что это стало основанием для того, чтобы утверждать о том, что не только сама региональная культура является фактором становления личности, проживающей на территории региона, больше того, региональное пространства культуры также содержит ряд факторов, влияющих на становление личности. Поэтому представляется значимым провести анализ влияния региональной культуры на становлении личности и выделить наиболее существенные факторы становления личности в региональной культуре.

Обзор литературы. Ведущую роль в формировании методологии исследования взаимодействия культуры и личности играют произведения Аристотель, П. Мирандоллы, Н. Макиавелли, М. Монтеня, Л. Баллы Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж.

Локка, Дж. Вико, А. Токвиля, Гердера, О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, А. Бергсона, В. Дильтея, Виндельбана, Г. Риккерта, Э. Кассирера, М. Вебера, Э. Дюркгейм, П. А. Сорокина, Р. Арона, Д. Белла, А. Кребера, Л. А. Уайта, Н. Элиаса, М. Блока, Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Боаса, Б. К. Малиновского, М. Хайдеггера, М. Шелера, Г. Торо, У. Фолкнера, М. Маклюэна, А. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассеа, А. Тоффлера, Ю. Хабермаса, М. Фуко, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Дж. Александера, Р. Инглхарта, Ф. Фукуямы, Л. Харрисона, С. Хантингтона и др.

Методология исследования основана на принципах анализа характеристик региональной культуры, среди которых используется сравнительный и семиотический методы которые в большей степени позволяют выявить процессы идентификации.

Результаты. Современное убеждение о том, что человеческая личность и культура являются единым целым, сформировалось только в XX в., однако обсуждение вопроса о факторах становления личности человека уходит корнями в мифологию, так как уже в древних мифах описывались перемены, происходящие с людьми в связи с влиянием культурных феноменов, связанных с творчеством богов.

Обсуждение результатов. В рамках античного мировоззрения появлением концепции нравственности были сформированы первые авторские трактовки сущности человека. Одной из трактовок является Платоновская концепция человека, сущностью которого считалась душа, понимаемая как дан-

ность, не зависящая от земных, социальных, культурных обстоятельств. С другой стороны, Протагор, Гиппий, Демокрит, Аристотель формировали представление о том, что человек формируется в условиях человечески обжитого мира, созданного самим человеком [11, с. 34].

Значительный вклад осмысления становления человека был внесен Цицероном, Вергилием, Сенекой, Тацитом, выразившими мнение о том, что человек формируется культурой, которая посредством воспитания и философии открывает перспективу развития телесного и духовного начал. Важно, что римские авторы считали, что на данный процесс оказывают влияние такие факторы, как уровень материального обеспечения, государственность, письменность, земледелие, обработка металлов, искусство, управление, правосудие, религия, нравственность. Эти факторы формируют «civilis», культурную среду, в рамках которой существует «окультуренный человек».

Понимание сущности человека, а также факторов его становления изменилось в средневековой концепции личности, понимаемой как возможность жизни с Богом. Становление личности представлялось как подготовка к жизни после смерти, на которую влияли универсальные факторы, пребывающие вне времени и пространства. Однако в период Возрождения понимание процесса становления личности начинает меняться. Важным качеством личности человека в трудах П. Мирандоллы, Н. Кузанского, Дж. Бруно, Л. Да Винчи, Н. Макиавелли, М. Монтеня, Э. Роттердамского, Т. Мора, Дж. Манетти, Л. Баллы стали

выступать усилия человека, проживающего в условиях человеческой культуры. В творчестве мыслителей Нового времени, было положено начало обсуждению влияния на личность таких, факторов культуры, как наука, техника, искусства и традиции. Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Вико выдвинули на первый план критерий прогресса, подразумевающий, что развитие личности должно соответствовать уровню развития человечества. В этих исследованиях, культура выступала как универсальное понятие, однако, имела в виду европейская культура, связываемая с такими факторами, как достижения европейской цивилизации, научный прогресс, культ разума [1, с. 72].

Становление личности в трудах просветителей А. Токвиля, Монтескье, Руссо, Мирабо, Гердера понимается как взаимодействие человека с миром культуры и ее ценностями. Однако этот период ознаменовался не только развитием идей, отражающих влияние культуры на становление личности, но и появлением концепции национального характера Гельвеция, который одним из первых сформулировал идею о способности каждого народа самостоятельно «видеть и чувствовать», а также И. Г. Гердера, который указывал на то, что различные культуры способствуют становлению полноценной человеческой личности [3]. Эти идеи были поддержаны Дж. Донном и Ф. Шеллингом, которые считали, что национальные культуры обеспечивают основания для полноценного становления личности.

Заслугой И. Канта является провозглашение единства человека и культуры. Г. Гегель понимал

личность как результат диалектического развития, вытекающего из противоречий между природной и культурной субстанциями, которую представлял в качестве «второй природы» и эманации объективного Мирового Духа. Эта мысль не находила поддержки у представителей постклассических направлений, которые были уверены в том, что личность человека не может быть сформирована вне социальной культуры, потому социум является тем культурным пространством, которое влияет на его становление и развитие. В трудах О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, А. Бергсона постулировалась концепция, согласно которой, влияние на личность оказывала культура и цивилизация, формирующие такие сферы, как общественная жизнь, религия, духовность, экономика и политика. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Кассирер понимали культуру как комплекс сведений о природе и закономерностях развития мира ценностей и символических форм, влияющих на сознание. В. Дильтей в качестве фактора становления личности определял память и духовный опыт. Для Х. Г. Гадамера этим фактором стала субъективность и традиция передачи социальной информации [2].

В XX в. в осмыслении становления личности произошли перемены, обусловленные тем, что значительное количество исследователей приступили к созданию теории культуры, которая позволяла им целостно и непротиворечиво осмысливать значительно возросший объем культурологических данных и концептуализировать проблематику взаимодействия

культуры и личности на новом уровне осмысления. Широкое распространение получили универсалистские представления о становлении личности, которые разрабатывали М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. А. Сорокин, доказывающие, что личность является неотъемлемой частью культуры, представляемой в качестве коллективных представлений, обеспечивающих уровень и устойчивость общественной жизни. Ведущими факторами становления личности признавались общество и природа, то есть два жизненных пространства, в которых реально существует человек [11].

Аналогичные идеи развивали Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрэнзер, А. Бастиян, Л. Г. Морган, которые рассматривали формирование личности в связи с анализом влияния на человека традиций и современности. Личность человека согласно их представлениям, формируется в зависимости от степени развития культуры, а не от этнических особенностей или воспитания [15]. Культуроцентристский подход, делающий акцент на анализе влияния на становление личности культуры и культурных элит Р. Арона, Д. Белла, А. Кребера, Д. Рисмена, У. Росту, Л. А. Уайта, доказывал, что культуры представляет символический инструмент, при помощи которого люди достигают высокого уровня личностного развития. Развитие личности в их трудах представлено как поступательное движение от уровня дикости и варварства к уровню развития цивилизации, через последовательные стадии традиционного, индустриального и постиндустриального общества. Дж. К. Гэлбрэйт, Т. Веблен, Д. Нэсбитт, П. Эбурдин,

Н. Элиас М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф процесс прогрессивного совершенствования личности оценивали как влияние цивилизации, воспитания, познания, труда и власти [16].

Однако были и другие точки зрения, так в XIX-XX вв. стали появляться теории, в контексте которых закономерности становления личности оказывалось возможным выводить из принципов, которые объясняли неравномерность культурного развития различных регионов. В частности, основания, имевшие влияние на становления личности человека в рамках локальных культурных пространств, рассматривались представителями теории «диффузии культур». В трудах Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, И.Я. Бахофена, О. Вейнингера обоснована точка зрения о том, что на становление личности имеет влияние географическая среда, адаптация к которой формирует различные культуры. Выделение отдельных типов культур они проводили по региональному и территориальному признаку, что привело к концептуализации понятия хозяйственно-культурного типа и цивилизации [12].

В концепции множественных локальных культур О. Шпенглера, утверждалось, что культура представляет организм, обеспечивающий неповторимые параметры личности. А. Тойнби в теории «циклов локальных цивилизаций» указал на то, что личность формируется в борьбе за высоконравственные и социально-духовные ценности [13].

Сходную оценку процессам становления личности в культуре дают труды антропологов Ф. Боаса, Б. К.

Малиновского, Р. Редфилда, А. Р. Рэдклифф-Брауна, согласно положениям которых на становление личности влияет совокупность таких процессов, как индустриализация, бюрократизация, секуляризация, урбанизация. Фактором, определяющим становление личности, согласно Ф. Боасу, Р. Бенедикту, М. Салинсу, Дж. Стюарту является «этос», или система взглядов, идеалов, ценностей, которые доминируют в отдельных культурах и контролируют поведение их членов. На основании этих идей М. Херсковиц и Ф. Бэбби разработали концепцию неравенства культур, в рамках которой каждый народ объявляется творцом региональной культуры, обеспечивающей ему целостность [18].

Концепции авторов экзистенциального направления, в частности, М. Хайдеггера, М. Шелера, Г. Торо, У. Фолкнера, Е. Финка, Г. Гессе и И. Хейзинги предлагали проведение исследований становления личности, обращаясь не только к теоретическим, но и к обыденным факторам. Уровень развития личности в их трудах является показателем подлинности бытия изначальной естественности. Произведения М. Медоуз, М. Маклюэна, А. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассеа, А. Тоффлера содержали описания личности, формирующейся в условиях постиндустриальной культуры [14].

Принципиальное значение для этих концепций имеет переключение внимания с анализа влияния общих закономерностей развития культуры, на отдельного человека, который сам является творцом своей личности. Например, о специфике формирования сознания человека в жизненных структурах и

институтах окружающего человека общества и культуры, пишут Ю. Хабермас, Ж. Делез и Ф. Гваттари. Этот метод представлен исследованием М. Фуко, с точки зрения которого в условиях каждой культуры на каждого индивида воздействуют присущие данной культуре бытийные и языковые особенности. Личность человека в современном обществе Фуко оценивает в категориях социального отчуждения, утверждая, что она зависит только от того, насколько человек в процессе самопознания способен раскрыть и развить себя исторически, критически и эстетически, насколько он способен преодолеть влияние воздействующих на него структур. По мнению И. Ж. Лакана, становление личности является целью каждого человека, но достижение ее оказывается невозможным, так как каждый человек на протяжении жизни стремится к воссозданию некой идейной модели, которая всегда ускользает. Взгляд постмодернистов на становление личности отражает семиотическая концепция У. Эко, в которой этот процесс предстает как итог воздействия на человека текстов, воспринимаемых сознанием. Исследования Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, которые ввели в употребление термин «изобретенные традиции», под которым понимаются технологии управления поведением личности. В их состав входят наборы символических и ритуальных практик, имеющих целью установление определенных норм и ценностей [19].

В конце XX в. идеи о влиянии пространства региональной культуры на становление личности стали предметом пристального вни-

мания мировой науки, исследовавшей процессы, связанные с взаимоотношениями различных культурных, этнических, религиозных сообществ [22]. Исследователи, такие как У. Кимлика, стали предлагать видение перспектив развития мира в контексте идеи мультикультурализма, в соответствии с которой приоритетное значение получали только локальные особенности региональных культур, признававшихся ведущими факторами формирования личности [21]. Становление человека здесь увязывалось с гражданством, этничностью, религиозностью человека, и не принимались во внимание универсалистские факторы, оказывавшие влияние на формирование общегуманитарных качеств личности [4]. Однако, когда в ряде европейских стран реализация программы мультикультурализма привела к ряду неразрешимых противоречий между представителями разных региональных культур, стала очевидна ее нежизнеспособность. Кризис мультикультурализма потребовал от науки о культуре переосмысления влияния факторов культуры на становление личности, в результате чего такие авторы, как П. Рикер, Д. М. Уэйнсток, А. Гутман, Д. Томпсон, М. Игнатъев, Д. Миллер стали обращать внимание на семантически двойственный характер этого влияния. В трудах этих авторов указывается на то, что многообразная реальность культуры по-разному оказывает воздействие на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности. Большое внимание ими уделяется характеристике разнонаправленных факторов, одни из которых ведут к

«омассовлению» и универсализации личности, другие – направляют личность к необходимости определения и конкретизации «жизненной реальности». Важно, что эти идеи подтверждают концептуальные выводы, сделанные в классических трудах М. Вебера, Б. Малиновского, П. Сорокина, Э. Фромма, Дж. Фейблмана, где культура выступает как отражение базовых потребностей, культурных ценностей и детерминант индивидуального и группового поведения.

Основываясь на веберовском наследии, такие исследователи, как Дж. Александер, М. Грондона, Р. Инглхарт, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, Л. Харрисон, С. Хантингтон, доказывают, что современные общества представляют собой культурные пространства, обладающие специфическими особенностями, которые сохраняются длительное время и оказывают существенное влияние на становление личности. Они предлагают интегративное рассмотрение процесса становления личности, с точки зрения которого, личность представляет показатель развития культуры, как регионального историко-культурного образования, подчиненного в своем развитии объективным универсальным закономерностям, реализуемым в субъективном восприятии индивидов [20].

Становление личности представлено в этих исследованиях в качестве процесса синтеза личностной и групповой форм культуры, составляющих в своем единстве культурное пространство этой личности [5]. Ключевым моментом этих исследований является представление о личности, как продукте и неотъемлемом элементе развития культу-

ры, имеющей конкретные региональные параметры. В исследованиях, представляющих этот подход, ведущее место занимает анализ роли региональных условий, таких как географическое положение региона, политика, отношение к труду, власти, доверию и иным факторов, каждый из которых влияет на развитие личности на территории региона[23].

Анализируя различные системы ценностей, они анализируют влияние региональных факторов, воздействующих на личность, таких как, географический, влияющий на развитие культуры посредством ряда преимуществ, рождающихся из обеспечения доступа к естественным ресурсам, торговыми путями, экономическим взаимодействием с более развитыми регионами, развитием базовых направлений экономики, таких как сельское хозяйство и т.д. [6]. Вторым фактором является состояние общественной системы, которая может поддерживать экономический и личностный рост, а может стать препятствовать ему. Наиболее значимым фактором, считается «позитивная обратная связь», под которой понимается реакция общества на появление технологических новаций. Направленность этой реакции во многом зависит от религиозных предпочтений населения региона, но при этом является «топливом» для дальнейшего развития личности в условиях разных региональных культур. Этот фактор является ключевым и это признает также С. Хантингтон, утверждение которого о том, что различия региональных культур являются куда более мощным двигателем, становления личности, чем политика и

экономика, приобрело методологическое значение для современных исследований личности и культуры [20].

Исследователи доказывают, что существующие в рамках региональных культур системы ценностей, определяющих развитие личности, являются смешанными, меняющимися и специфичными для каждого региона. Если они меняются в том направлении, которое признается прогрессивным, то полагается, что это приведет к увеличению шансов на то, что личность в данной культуре будет развиваться. Напротив, если они движутся в том направлении, которое признается противоположным прогрессу, то влияние их на личность будет деструктивным. При этом в качестве ведущего фактора они называют стремление к развитию, обусловленное влиянием культуры, а не культурные традиции как таковые [20].

Таким инструментом по мнению исследователей, являются ментальные модели, распространенные среди населения и обуславливающие поступки индивидов. Как они доказывают, становление личности должно проходить под влиянием поощряющих экономический рост и социальный прогресс ментальных моделей, которые формируют представления о таких категориях, как риск, доверие, конкуренция, власть и другие важнейшие переменные [7].

Более подробно механизм формирования и распространения ментальных моделей, благодаря которым формируются относительно устойчивые смыслы культуры и личности, был разобран в культуральной социологии Дж. Алексан-

дера. В контексте рассуждений этого автора, становление личности может быть представлено как существующий за счет влияния внешних, объективных, и внутренних, субъективных механизмов деятельности, процесс производства и распространения идей, ценностей, норм, образцов поведения и социальных типов, формирующих относительно устойчивые личностные смыслы, структурирующие процесс развития личности человека. Согласно Дж. Александеру культурные смыслы, воспроизводимые масс-медиа, кодируют массовое сознание, где распространяют стереотипы, способствующие формированию устойчивых коллективных представлений, связанных с оценкой личностных установок [17]. Это исследование подтверждает, что современная культура характеризуется диффузностью, нелинейностью развития, разрывам социума, культурными травмами и парадоксами, в результате которых разывается нормативность, что создает предпосылки культурной неопределенности [8]. Однако этому можно противостоять, распространяя целенаправленно создаваемые культуральные структуры, способствующие упорядочению социума, и формирующие относительно устойчивое общественное мнение и личностное сознание. Целенаправленно созданными культуральными структурами Дж. Александер признает нарративы, мифы, бренды, имиджи. Как считает американский социолог, важнейшим механизмом искусственного создания культуральных структур является перформативность, которая посредством спектализации социальной жизни про-

изводит более сильное воздействие на личность, нежели влияние реальных политических, экономических и иных условий [17].

Становление личности представлено в данных концепциях как процесс, в течение которого проходит совершенствование человека, в основе которого находится дух культуры, который закладывает фундамент формирования человеческой духовности. При этом важно, что теоретическим основанием этого утверждения является то, что современная культурологическая наука рассматривает личность как органичный элемент культуры, складывающийся под влиянием исторических, социальных, этнических, социо-психологических, экономических, политических и иных факторов. В западной философии культуры принято уделять внимание не только этим объективным факторам, но и говорить о влиянии на сознание человека субъективного внутреннего мира, проявляющегося через его речь, индивидуальную и коллективную память, символика пространства и времени, идеология и т.д. Более того, в условиях современности становление личности начинает пониматься не только как результат, но и как процесс социокультурного взаимодействия, которые могут решаться как с рационалистических, объективистских, так и с иррационалистических субъективистских позиций.

Выводы. Таким образом, в истории философии культуры долгое время ведется дискуссия, посвященная факторам влияния культуры на личность, в рамках которой с одной стороны, значительное влияние имеют идеи, отражающие представления о приоритетном

влиянии универсальных, трансцендентных либо культурных факторов. Им противостояли модели развития культуры, в контексте которых закономерности формирования личности выводились только их специфических локальных особенностей региональных культур. Однако обе программы по отдельности оказывались нежизнеспособны, что потребовало переосмысления механизма влияния факторов культуры на становление личности, в результате чего пришло понимание семантически двойственного: универсального и регионального характера влияния реальности культуры на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности. Современные западные исследователи предлагают интегративное рассмотрение процесса становления личности, с точки зрения которого, личность человека представляет собой срез показателей культуры, как регионального историко-культурного образования, но подчиненного в своем развитии объективным универсальным закономерностям, реализуемым в субъективном восприятии индивидов.

Литература

1. Васильев А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С.72-91.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Под ред. В.С. Малахова. М.: Искусство, 1991. С. 65. С. 124-144.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
4. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.
5. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.
6. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10-15.
7. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дисс. докт. Филос. Н: 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.
8. Жуков А. В. Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014 № 1(104). С. 120-128.
9. Кричевский А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. М.: ИФ РАН, 2009. 199 с.
10. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: Мысль, 1989. 204 с.
11. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
12. Ратцель Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение. Т. 1-2. СПб. : Брокгауз и Эфрон, 1903-1906. 730 с.
13. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М.: Рольф, 2001. 640 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
15. Цапф В. Теория модернизации и различие путей обществен-

ного развития // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 14-26.

16.Элиас Н. Общество индивидов. М. Алетейя, 2001. 639 с.

17.Alexander J. C. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford University Press, 2006.p.48.

18.Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations, N. Y.; L., 1958.

19.Hobsbawm E., & Ranger T. (eds) The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge 1992, 320 p.

20.Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. NewYork: Simon&Schuster, 1996. P. 45-49.

21.Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995. 280 p.

22.Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. No. 42. Page 104239.

23.Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. С. 1321-1330.

Influence of regional culture on personality in philosophical concepts and literary descriptions

Terteshnikova N.D.

Transbaikalian State University

The article is devoted to philosophical discussions on factors of personality in a culture where a number of concepts that reflect ideas about the priority the impact of universal, transcendental or cultural factors, at the same time there was a concept in the context of which patterns of identity formation visible only to their specific local characteristics of the regional

cultures. However, as the author argues, both programs individually were unsustainable, requiring a rethinking of the mechanism of the influence of cultural factors on the personality, in the result, it is understood semantically ambiguous: universal and regional nature of the impact of the reality of the culture on the axiological, ethical, and psychological aspects of the human personality. Modern Western researchers propose an integrative consideration of process of formation of the person, from the point of view of which, the identity of the person is cut indicators of culture as a regional historical-cultural formation, but subordinate in its development of objective universal laws implemented in the subjective perceptions of individuals.

Key words: Factors of personality, regional culture, cultural space, cultural environment, industrialization, multiculturalism, cultivated people.

References

1. Vasiliev A. G. Tradition and cultural memory in the context of social innovation // Man and culture. 2015. No. 1. S. 72-91.
2. Gadamer G.-G. The relevance of the beautiful / Ed. V.S. Malakhov. M.: Art, 1991.S. 65.P. 124-144.
3. Herder I. G. Ideas for the philosophy of the history of mankind. M.: Nauka, 1977.703 s.
4. Zhukov A. V. The formation of a religious-mythological worldview and myths of religiosity // Bulletin of Chita State University. 2010. No. 3 (60). S. 27-33.
5. Zhukov A. V. Religiosity, subjectivity and the construction of concepts of a religious person // Bulletin of Chita State University. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
6. Zhukov A. V. Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" // Bulletin of Chita State University. 2011. No 2 (69). S. 10-15.
7. Zhukov A. V. Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: diss. Doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 2011.372 s.
8. Zhukov A. V. Factors of reception of mythological images of China in the mentality of the population of Transbaikalia // Bulletin of the Transbaikalian State University. 2014 No. 1 (104). S. 120-128.
9. Krichevsky A. V. The image of the absolute in the philosophy of Hegel and late Schelling. M.: IF RAS, 2009.199 p.
10. Losev A.F. History of ancient philosophy in a synopsis. M.: Thought, 1989.204 s.
11. Parygin B. D. Fundamentals of socio-psychological theory. M.: Thought, 1971.

12. Ratzel F. Earth and life: comparative geography. T. 1-2. SPb. : Brockhaus and Efron, 1903-1906. 730 s
13. Toynbee A. J. Understanding History: A Collection. M. : Rolf, 2001. 640 s.
14. Toffler E. The third wave. M. : AST, 2010. 784 s.
15. Zapf V. Theory of modernization and the difference in the ways of social development // Sociological studies. 1998. No. 8. S. 14-26.
16. Elias N. Society of individuals. M. Aletheya, 2001. 639 s.
17. Alexander J. C. The Civil Sphere. N.Y. : Oxford University Press, 2006. p. 48.
18. Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations, N. Y. : L., 1958.
19. Hobsbawm E., & Ranger T. (eds) The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge 1992, 320 p.
20. Huntington S. P., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 45-49.
21. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995. 280 p.
22. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. No. 42. Page 104239.
23. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. Vol. 11. No. 5. P. 1321-1330.

Современный спорт в ракурсе философской антропологии

Чернышев В.П., Чернышева Л.Г.,
Бородин П.В., Клименко В.А.

В статье предпринята попытка мыслительного эксперимента в отношении топологического расположения одного из аспектов социальной ткани — современного спорта. С позиции философской антропологии рассматривается статус и место данного феномена в современном состоянии социума. Показано, что спорт явление многогранное и может выступать в официальном дискурсе не только с привычных позиций, а транслировать глубинные человеческие смыслы и желания помимо их формальной воли.

Ключевые слова. Современный спорт. Философская антропология. Социальность формальная и содержательная. «Оглушенное сознание».

Одним из наиболее значимых антропологических событий прошедшего столетия, последствия которого продолжают сказываться и сегодня, стал выход на авансцену бытия нового феномена — масс. После выхода в свет в первой половине XX века книги испанского философа Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс» и «Одномерного человека» Г. Маркузе, перед интеллектуальным взором европейского истеблишмента, встал вопрос «Что с этим делать?». О различных аспектах этого феномена с тех пор писалось множество раз. Нас интересует его специфическое, квази-бесконечное существование, лишенное будущего, пребывающее в постоянном «здесь и сейчас». Осевое время, предопределяющее собой европейскую динамику, застыло. В застывшем времени и оказался «одномерный человек», редуцированный до какой-то одной ипостаси, но «помнящий» и «тоскующий» по утраченной цельности и целостности.

Описанное явление было настолько шокирующим, что многие предпочли отмахнуться от его вида, спрятать голову в песок. Через несколько лет явление разросло до глобального уровня, втянув как воронка в свою, бешено вращающуюся орбиту, практически все области человеческого бытия. Одним из наиболее востребованных сегментов социальной ткани обще-

ства, который попал, более того, можно сказать родился в современном облиции, стал спорт во всех своих модусах.

Спорт, как явление оформившийся только в конце XIX века в аристократической среде, после Первой мировой войны стал глобальным явлением. Массы людей ринулись в разнообразные виды физической активности, буквально поглощая спортивный инвентарь и заполняя все приемлемые для этой деятельности пространства. На волне возрожденной бароном Пьером де Кубертенем и соратниками Олимпиады, стали как грибы возникать всевозможные турниры, чемпионаты, спартакиады и т.п. Немаловажным фактором того периода развития отрасли «Физическая культура и спорт» во всем мире, был фактор брутализации общества, на фоне витавшей в воздухе опасности повторения мировой военной бойни. Правительства всех стран всемерно поощряли стремление граждан к физическому развитию, добавляя в традиционные виды немалую толику военно-прикладных средств и оттенков физической культуры. Все это заставляет специалистов задуматься над произошедшим всплеском активности, попробовав при этом разобраться, а что же происходит с самим человеком, вовлеченным массовым потоком в общее русло бурной реки? Кем он себя ощущает, кем видит? Насколькоотрефлексировано его желание «быть в потоке» или наоборот – выскочить из него?

Такая метафора описана в «Дневниках» Л.Н. Толстого [6], рассказывающего свой кошмарный сон, когда он в ряду сотен таких же

бедолаг, плывет по реке, держась за какую-то доску, и слышит впереди шум водопада, понимая, что это – конец. Толстой лихорадочно пытается выбраться на берег, преодолевая отчаянное сопротивление реки и плывущих рядом, ему это наконец удается и он с трудом отдышавшись, видит ужасную картину человеческого бедствия, совершающуюся при «оглушенном сознании» (Вл.Соловьев) [5]. Чем «оглушено» сознание плывущих по течению людей? Не зовом ли смерти, который властно и требовательно и, главное, неотступно зовет в свои пенаты очередных адептов.

«Оглушенное сознание» это понятие, которое мы будем использовать для описания состояния сознания отдельного индивида, нашего современника, живущего во «Времени после» [3], характерного наличием общего посттравматического синдрома, связанного с антропологической катастрофой XX века и мечущегося в лихорадочных поисках средств, способных помочь ему сформировать точку идентичности, от которой он может оттолкнуться и вновь обрести утраченную целостность. Но на пути такого обретения стоит Смерть. То единственное, что, утратив трансцендентальное измерение своего бытия, «одномерный человек не в силах преодолеть, что разрушает его застывший мир. Вносит в него так старательно изгоняемую динамику. Оглушенное предстоящей картиной смерти сознание, не только не сопротивляется, оно не делает попыток хоть как-то замедлить, отсрочить неизбежный конец. Смерть в таком ракурсе не пугает и не удивляет индивида, смирившегося с

подобной участью. Тем не менее, в самых недрах рожденных к жизни масс, зреет и оформляется робкое стремление сопротивления неизбежному.

На роль тормозящего течение времени механизма пробуются практически любые человеческие практики, какие-то более успешно, другие менее успешно. Одним из таких механизмов, призванных отсрочить не только старение организма, что естественно для природного тела, но «заговорить», «заклясть», замаскировать старость и саму смерть становится спорт в самых неистовых его проявлениях. Спорт становится явлением тотальным и почти общеобязательным в среде обывателей. При этом даже если физическое развитие не позволяет быть активным потребителем спортивных практик, оказывается достаточным ощущать причастность к всеобщей моде и демонстрировать это ощущение окружающим, как зритель или болельщик. К теме спорта как механизма, редуцирующего целостность человека к естественно-животному полюсу, мы в статье еще вернемся.

С древнейших времен человек рассматривался в философской антропологической мысли как существо предельно антиномичное [4]. В современном мире человек предмет изучения огромного числа дисциплин, но ключевой антропологический вопрос: «Что это за существо, для которого его собственное бытие является проблемой?», остается без ответа. Где современному человеку предстоит обрести себя или утратить? Многие явления современности настолько глобальны, что соучастие в них не-

заметно для самого человека – культура, политика, труд, искусство, спорт, современный человек везде и нигде.

Область спорта причислена к основополагающим видам деятельности не случайно, современный спорт, рожденный в недрах окончания второй мировой войны, был призван адсорбировать в себя, в свое содержательное тело остатки избыточной агрессии, отчаяния и ужаса, испытанного человечеством в период коллективного сумасшествия. Способен ли феномен спорта вырвать современного человека из его неукорененности в бытии и придать видимость устойчивого существования? Или это всего лишь очередная попытка спрятаться от проблемы экзистенциального выбора в область конечного наслаждения и удовольствия, редуцировать себя на уровень животного начала в человеке, запечатав физической активностью и физическим напряжением одновременно и память о прошлом и возможные проекты колонизации будущего? Называя XX век веком антропологической катастрофы, М.Мамардашвили [2] имел в виду трещину человеческого бытия, возникшую после столкновения человека с абсолютным злом, известная фраза Т.Адорно «Может ли быть поэзия после Освенцима» [1] до сих пор будоражит неравнодушные умы. В.Подорога, одним из первых отечественных мыслителей ставит вопрос о «Времени после», означая таким понятием посткатастрофическое время, т.е. «... время, которое останавливает все другие времена; и появляется то, что зовут иногда безвременьем» [3, с.5]. Для отечественной культуры, в ши-

роком смысле слова, любая попытка осмыслить посткастрофическое время легитимна, касается ли это всего человека в целостности его бытия, или отдельных проявлений человеческого в человеке. Естественной реакцией на травму является попытка вычеркнуть воспоминания о перенесённой боли, забыть ее, если угодно – заболтать.

Современный спорт во всех своих проявлениях от детско-юношеского до профессионального, включая сюда и самостоятельные занятия граждан для укрепления здоровья, с определенного ракурса может рассматриваться как раз как такая волшебная таблетка, купирующая страх и отчаяние индивида перед собственной открытостью бесконечному космосу. Еще какую-то сотню лет назад функцию умиротворения и укоренения человека в бытии с разной степенью успешности или не успешности выполняла религия и, шире, трансцендентальное измерение бытия. Воинственная секуляризация сознания огромных людских масс, привела к практически полной утрате способности религии выступать краеугольным камнем, скрепляющем основание бытийной ипостаси человека. По нашему мнению именно современный спорт, превратившийся из средства обеспечивающего физическое существование человека, стал выполнять в современном обществе функцию собирания человека в нечто цельное и самодостаточное. Функция собирания человека, совершенно не свойственная спорту, превратила сам спорт в некий фетиш сознания, апологетами которого становятся все большие массы людей. То есть сам «человек спорта» ре-

дуцировал себя до своего тела, стремясь именно его продлить в бесконечное настоящее, преодолеть или отодвинуть телесную смерть.

В рамках антропологической традиции идущей от Платона, человек «срединное», разорванное существо, что собственно и делает его человеком. Вспомним утверждение Р.Декарта из «Четвертого размышления»: «... я являюсь чем-то средним между Богом и небытием, то есть между высшим бытием и не-бытием». Именно это положение мыслитель выдвигает в качестве причины возможного заблуждения и, соответственно, возникновения знаменитого декартовского «радикального сомнения».

Если Декарт считал «радикальное сомнение» методом, с помощью которого человек пытается сохранить связь с высшим началом, не утрачивая своей физической ипостаси, то современный человек оказывается под непроницаемым, свинцовым небом без будущего и вынужденно начинает все больше и больше усилий и внимания тратить на обеспечение своей природной сущности. Физкультурно-спортивная активность современного человека порождает в его «оглушенном сознании» иллюзию возможного продления вечной молодости, смерть, которая столетие назад была естественным итогом жизни и не вызывала избыточных переживаний: «Бог дал - Бог взял», для современного человека означает полную утрату бытия, которую необходимо отсрочить как можно на более долгий период. Возможно, что современному человеку стоит прислушаться к пророчествам Блаженного Августина, считавшего

грехом, порожденным гордыней, любые попытки построить Град Божий на земле. А что как не подобную попытку, можно трактовать в отношении придания конечного в человеке, его физической природе черт бесконечности, совершенно ей не свойственных.

Очевидно, что в описанной крайности главным противником смещения акцентов жизни к полюсу физической, природной ипостаси становится разум. Но «оглушенному сознанию» голос разума не слышен, от него банально отмахиваются как от назойливой мухи. Тем не менее, проблема соразмерности человеческого существа, распятого между конечным и бесконечным, не только не снимается. Она становится все более насущной даже в глазах пресыщенного конечными удовольствиями человека.

Следует подчеркнуть еще одну особенность современного спорта как механизма втискивающего индивида в окружающую социальность. Современный спорт насквозь социален и явлен, именно его социальность закрывает человеку путь к своей истинной, антропологической изначальности, не дает ему не просто ответить на вопрос о самости, а не дает возможности подобный вопрос даже поставить. «Быстрее, выше, сильнее»! Олимпийский девиз в своем исполнении не оставляет даже толки времени, куда мог бы проникнуть разум с рефлексивной процедурой сомнения. Ни о каком трансцендировании себя в область духа, в область не подвластную тлену современный спортивный человек не мечтает. Пафос активности не оставляет места пафосу созерца-

тельной жизни, если раньше об этом можно было говорить лишь как о тенденции, то сегодня такая практика тотальная реальность. В этом, кстати, принципиальное отличие древних Олимпийских игр, от современных Олимпиад.

Древние рассматривали спортивные состязания через призму творения гармонии из природного, несовершенного, но податливого в руках мастера, материала. Сегодняшние адепты спорта гармонию не творят, они только воспроизводят в промышленных масштабах фиктивные «шедевры на час». Вечность утратила свою привлекательность и императивность, на ее место встала вечная юность, рвущаяся не в бесконечность, а в ответственность. Как во времена библейского Ноя, люди стремятся выжать максимум из того срока, который им отпущен судьбой и природой, нагружая свою лодку удовольствиями сверх достаточно низких бортов.

«Оглушенное сознание» порождает сознание архаичное, примитивное в прямом смысле слова. Т. е. первое, натуральное, естественное. Современный спорт, рассмотренный с такой перспективы весьма удобный инструмент архаизации человеческого сознания, вызывающий к жизни древние, могучие инстинкты выживания и упаковывая их в блестящую словесную и смысловую оболочку. Становясь «одномерным» человек не просто утрачивает напряженную целостность, он утрачивает перспективу, что выражается словами современников того же Ноя весьма тривиально: «После нас хоть потоп». Калейдоскоп спортивных достижений делает человеческое тело

непогрешимым механизмом, своего рода «перпетуум мобиле», износ или порча которого тут же заменяется подобным. Такова одна из граней реальности современного человеческого общежития, намертво впаянного в поток социальности, без возможности обращения к своей антропологической сущности, задаче удержания хрупкого равновесия между телесной, природной ипостасью и духовными устремлениями в бесконечность.

Литература

1. Адорно, Теодор Негативная диалектика / Теодор В. Адорно; перевод с немецкого Е. Л. Петренко. - Москва: АСТ, 2014. - 511 с.
2. Мамардашвили, Мераб Очерк современной европейской философии / Мераб Мамардашвили. - Спб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2012. - 608 с.
3. Подорога, Валерий / В. Подорога. - М.: РИПОЛ-классик, 2017. - 268 с. : ил. - (KAIROS).
4. Рикёр, Поль Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Поль Рикёр. / Пер с франц. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2017. - 312 с.
5. Соловьев, Владимир Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. - 251 с.
6. Толстой, Лев Собрание сочинений в 22-томах. / Л. Толстой М.: «Художественная литература». 1979.

Modern Sport in the Perspective of Philosophical Anthropology

Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Borodin P.V., Klimenko V.A.

Pacific State University, Armavir State Pedagogical University, Far Eastern State Medical University, Far Eastern State University of Railway Transport

The article deals with the experiment in regard of the topological location of modern sports. The status and place of this phenomenon in today's society is considered from the philosophical point of view. It is shown that sport is a multifaceted phenomenon and can appear in the official discourse not only from its usual positions, but also transmit deep human meanings and desires in addition to their formal will.

Keywords. Modern sport, Philosophical anthropology, sociality is formal and substantial, stunned consciousness.

References

1. Adorno, Theodore Negative dialectics / Theodore V. Adorno; translation from German by E. L. Petrenko. - Moscow: AST, 2014. -- 511 p.
2. Mamardashvili, Merab Essay on modern European philosophy / Merab Mamardashvili. - St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2012. -- 608 p.
3. Sublima, Valery / V. Sublima. - M.: RIPOL-classic, 2017. -- 268 p. : ill. - (KAIROS).
4. Ricoeur, Paul Philosophical Anthropology. Manuscripts and speeches 3 / Paul Ricoeur. / Translated from French. - M.: Publishing house of humanitarian literature, 2017. - 312 p.
5. Soloviev, Vladimir Readings on Godmanhood / V. S. Soloviev. - M.: AST Publishing House LLC, 2004. - 251 p.
6. Tolstoy, Leo Collected Works in 22 volumes. / L. Tolstoy M.: "Fiction". 1979.

Мир ртути: будущее середины XXI века в преломлении постмарксистских концептов

Шелест Д.А.

В статье рассматривается сценарий будущего середины XXI века, исходя из посылов ряда авторов-постмарксистов. Основной тезис заключается в том, что картина мира будущего формируется альтернативно существующим тенденциям и прогнозам. Основываясь на текущей трансформации мироустройства, автор выделяет наиболее значимые для будущего тенденции, которые к 2050 году сформируют новое состояние цивилизации – Мир ртути.

Ключевые слова: Будущее, 2050 год, Мир ртути, будущее цивилизации, роевые сообщества.

Возможность предвидения на срок 20 лет и более вызывает множество вопросов и к автору прогноза, и к методам прогнозирования. Точнее, столь удалённый временной горизонт, предполагает включение методов несколько иррациональных, которые роднят предиктора более с ветхозаветными пророками, нежели чем с учёными в обычном понимании. Однако и библейские откровения, и предсказания дельфийского оракула и прогнозиста сегодняшних дней объединяет одно – они естественно опираются на сегодняшнее состояние общества, материально-технической базы и возможные движущие силы исторического процесса. При этом возможности предвидеть будущее в начале XXI века сталкиваются с небывалыми переменами в общественных отношениях, развитии науки и техники и скорости изменений в самой структуре цивилизации. В этом контексте изучение мега- или микро-тенденций не дают будущей картины мира без холистичного осмысления движения человеческого сообщества и конкретных объектов прогнозирования.

Когда представители советского марксизма около полувека назад говорили: «Неспособность буржуазных футурологов дать научную картину будущего общества во многом объясняется неправильным

толкованием потребностей, их роли в общественном развитии» [1, с. 98], в определённой степени они предвидели клишированный мир Френсиса Фукоямы или повторяющиеся сериалы-антиутопии типа «Корпорации», «Свободного углевода» и «Чёрного зеркала»*. Причём в упомянутых, как и множестве других работ фиксируется состояние, описанное Арендт во второй половине XX века: «Кучка капиталистов снует по земному шару в хищническом поиске новых инвестиционных возможностей, играя при этом на стремлении к прибыли сверхбогатых и на азартных инстинктах сверхбедных» [2, с. 196]. В целом и творческие поиски в сфере искусства и научные работы отмечают «...явное отсутствие силы, которая “может двигать мир вперёд”» [3, с. 144]. И так же «...всё менее и менее очевидно, что должна сделать сила – любая сила, стремящаяся улучшить образ мира» [Там же, с. 144].

Как правило, западная прогнозистика исходит из очевидных и безусловных посылов: проблемы с ресурсной базой как возобновляемых, так и невозобновляемых источников; близкое достижение пика энергопотребления; снижение биоразнообразия и ухудшение состояния окружающей среды; рост неравенства и социальной напряжённости. Также оперируют посылами, реализация которых возможна с высокой степенью вероятности: увеличение количества локальных конфликтов; усложнение техники с понижением количества людей способных обслуживать её; переход экономики в менее ресурсоёмкие сферы; трансформация человека с помощью генетической ин-

женерии и технических устройств. При этом большая часть футурологов, говоря о второй половине XXI века, упорно мыслит в рамках единой общественно-экономической формации (капиталистической), упрощённо трактует взаимодействие цивилизаций (см. Тоффлер, Фукояма, Хантингтон) или подменяет долгосрочные прогнозы размышлениями о развитии науки и техники как детерминанты общественного развития (Виннер, Курцвейл). Всё это «...возникающее разнообразие нарративов вызывает к жизни ужасающий призрак постмодернистского релятивизма» [4, web] с одной стороны, а с другой формирует авторитарный метанарратив лиотаровского типа [5], которые и питают современную прогностику.

Возможно, поэтому использование методологических клише западной прогностики и футурологии даёт единообразную картину на всём временном горизонте. В подобно ключе стоит понимать и утверждения о том, что такого рода подход лишает человечество хоть сколько-нибудь вменяемого будущего [6]. Речь идёт не столько об отказе принимать во внимание мнение западных экспертов в области прогностики, а скорее о необходимости максимально критично оценивать их опыт. Прежде всего, в системе координат капиталистической парадигмы забывается о том, что, когда мы говорим о будущем, речь идёт о формировании нового органического целого. В свою очередь это процесс предполагает трансформацию настоящего под воздействием исторических предпосылок, законов развития и случайных событий, которые явля-

ется необходимым предшествующим развитию качественно нового состояния [7].

Исходя из изложенного, мы опирались на работы Иммануила Валлерстайна, который рассматривал социальную трансформацию во всей её полноте, отказываясь от «точечного» мышления [8]. Также во внимание принимался постмарксистский концепт Зигмунта Баумана «текущая современность», утверждающая новое состояние цивилизации: обширные сетевые связи негосударственных институтов, распад традиционных общественных отношений и номунизм как образ жизни [9]. Согласно Валлерстайну из мира-империй образовались миры-экономики, создав единую мир-систему с государствами ядра, полупериферии и периферии [10]. Учитывая то, что теория Валлерстайна получила достаточно фундаментальную критику ещё в период своего развития (см., например: Kellenbenz, Skocpol), уместно предположить, что не всё так однозначно в предлагаемом генезисе миросистемы. Например, Китай был миром-империей, затем стал периферией и, несмотря на то, что его относят к полупериферии на начало XXI века, можно утверждать, что на сегодняшний день он по праву считается государством нового ядра на уровне Евросоюза и Соединённых Штатов. В свою очередь в новой мировой трансформации такой статус как упомянутых государств, так и других ключевых игроков способен привести к перенапряжению экономических и социальных ресурсов в следующие 20-30 лет. Как следствие, допустимо отметить центробежное ускорение субъектов

международных отношений, которое реализуется в полной мере к середине XXI века. И в этом случае речь уже идёт о генезисе новой системы мироустройства.

«Осознание» подобного факта со стороны упомянутых мировых игроков приводит к тому, что государства-гегемоны теряющие свою силу и свою привлекательность, готовы возвратиться к миру стран-империй [11]. При этом, устремления такого рода вовсе не означает воцарения *status quo*. Более того, возможность того, что в исторической перспективе до второй половины 21-го столетия воцарение империй маловероятно: единая мир-система вошла в период величайшей турбулентности в истории, на выходе из которой человечество получит совершенно иные структуры мироустройства. Таким образом, цивилизация приходит с одной стороны к невозможности сохранения капиталистического мироустройства как доминирующей модели, а с другой к несостоятельности реставрации имперских моделей. Подобное состояние верно зафиксировал Бауман: «Когда не существует высшего ведомства, присматривающего за порядком в обществе и охраняющим границы между правильным и неправильным, мир становится огромным набором возможностей» [12, с. 69].

Действующая система контроля миросистемы со стороны ведущих субъектов международного права оказывается несостоятельной с одной стороны, а с другой, не предполагает наличия центра (или центров), которые способны осуществлять контроль в рамках традиций XIX-XX веков. Вектор подобных изменений пытались опреде-

лить многие исследователи. Когда Ханна Арендт писала об упадке национального государства и падении прав человека [13], она сообщала текущему описанию мироустройства определённую инерцию даже не на двадцатое, а на двадцать первое столетие. Арендт не ставила задачу экстраполировать модель двадцатого столетия на будущее и, соответственно, описала весьма редуцированную модель, не пытаясь смоделировать иное общественное устройство. Позднее Агамбен более точно отметил, что при распаде традиционного государства, оно, как суверен, теряет право на насилие. В качестве параллельного процесса распространяется квази-насилие, превращая общности в лагерь, который и стал знаком, описывающим состояние западного мира [14]. А уже во втором десятилетии XXI века Уильямс и Шрничек размышляя в постмарксистском дискурсе, писали: «Стоящий перед нами выбор суров: либо глобализированный посткапитализм, либо медленная фрагментация человечества и движение к примитивизму, вечному кризису и планетарной экологической катастрофе» [15, web].

Рассматривая исследования в этой сфере, уместно заметить, что распространение цивилизационного кризиса очевидно, но при этом отсутствует видение того, как совершить качественный рывок из существующей мировой системы. Для этого, повторяя слова Бадью необходимо «...возродить живую идею общей альтернативы существующему порядку, ситуативные эксперименты, конфликтные, но способные включать практики неповиновения и нарушения границ,

наконец длительное и не менее экспериментальное размышление над вопросом организации» [16, с. 52].

Мы в свою очередь, пытаясь следовать тезису французского философа, выдвигает гипотезу о том, что цивилизация прошла точку бифуркации, и движение к фрагментации становится частью предэволюции в дальнейшем развитии человечества. Это будет своеобразный выход из того состояния, когда «Биологизация тела и технизация окружающей среды идут рука об руку в рамках одного и того же невроза навязчивых идей» [17, с. 312]. Также как сексуальная революция шестидесятых годов прошлого века перевела сексуальность из разряда табу в поле «легальных» социальных практик, так и новая эпоха конституирует слияние технического и биологического в новую общественную форму существования человека. Такой подход направлен на разрушение «закрытой синхронической системы» [18, web] сегодняшнего дня, которая существует в рамках капиталистической парадигмы будущего.

С точки зрения выдвижения альтернативных идей в этом направлении следует взять на вооружение гегелевскую максиму: «... философия должна начинаться лишь с некоторого гипотетически и проблематически истинного, и что философствование поэтому может быть сначала лишь искажением» [19, с. 55]. Таким образом, философская рефлексия заведомо предполагает выдвижение гипотезы, несхожей с существующими представлениями, однако очерчивающей, пусть и неровно, контуры будущего.

В качестве основной гипотезы автор отмечает наступление периода социальной раздробленности, в которой сложившийся экономический уклад будет расщеплён, выражаясь фразой Станислава Лема,** суммой технологий, а также расхождением общества и государства, которое приведёт к новому трайбализму [20] и радикальным искусственным изменением человека.

В складывающихся условиях реализация глобальных экономических и геополитических циклов состоится совершенно в ином ключе, а воплощение технологических новшеств типа искусственного интеллекта или вмешательства в геном человека будет распространяться в принципиально другом социальном поле. Упомянутые причины повлекут за собой новое состояние цивилизации, ранее обозначенное нами как «Мир ртути» [21], в силу условного совпадения свойств жидкого металла (текучести, тяжести, зеркальности и ядовитости) и будущего человечества со второй половины XXI века. Метафорическое обозначение гипотезы позволяет выделить определённые группы свойств, характерные для предполагаемого мира будущего.

«Текучесть» нового мира обещает быстрое и, самое главное, одновременные изменения в миграционных процессах, которые по своему объёму сопоставимы с Великим переселением народов, а также запуск и воспроизводство значительного числа инновационных решений. Всё это по утверждению Валлерстайна уже приводит к тому, что международная система, основанная на суверенитете

государства, «...накренилась впервые в истории современной миротехники» [22, с. 102]. Как следствие традиционные общественные практики, национальные устои и этнические особенности будут находиться в условиях длительной трансформации. При таких переменах все цивилизационные структуры начнут перестраиваться на фоне зыбких, «плавающих» ценностей и теорий [23]. Радикальность изменений в социальной ткани различных обществ добавит пространённую практику вмешательства в геном человека *in vivo*. Всё это определит изменчивость как структурный модус цивилизации в середине XXI столетия.

В свою очередь трансформация общества в дальнейшем обернётся «тяжестью» нового цивилизационного уклада. Глокализация, о которой заговорили в конце XX века [24], постепенно пройдёт своё развитие от регионализации до полной локализации отдельных районов по всему миру. Экстраполируя этот процесс на будущее, можно предположить, что к пятидесятым годам этот процесс достигнет своего плато, что задаст вектор к своеобразной анклавной структуре всего человечества. Увеличение объёма техносферы приведёт к стратификации рабочего персонала в различных отраслях вплоть до кастового деления. В свою очередь тотальное вмешательство в геном человека в середине и во второй половине столетия, закрепит разделение *Homo sapiens* на социальные подвиды. Попытки же на локальном уровне сохранить традицию, которые уже на сегодняшний день порождают современный трайбализм и сектантство, сфор-

мируют идеологическую базу для утяжеления новых общин. И если Зиновьев, описывая будущее, говорил о человеиниках [25], то, опираясь на вышеизложенное, для грядущего общественного устройства уместнее избрать термин «роевые сообщества» [26]. Это определение подразумевает формирование автономных, автохтонных социумов с узкими каналами для внешнего обмена и миграции. Такие общества не будут обладать полной автаркией, но их контакты с другими общностями будут напоминать скорее межвидовой симбиоз. Одновременно с этим в роевых общинах будет происходить сегрегацию технологий, направленная на соответствие оставшихся имеющемуся базису и специализации в области генетической коррекции.

Схожесть элементов общественного устройства придаст своеобразную **«зеркальность»** новой цивилизации. Многообразие позднего модерна (постмодерна) истощит возможности маневрировать в культурных средах. Ресурсная ограниченность наложит определённую печать на экономические отношения, которые, в свою очередь, унифицируют роевые сообщества. Это состояние будет зафиксировано в схожести отношений внутри сообществ с размыванием этнической и национальной составляющих. Так будут формироваться идентичные общественные структуры, которые в силу изложенного будут представлять копии роевых общин в большей части мира. Так система получит направление к бесконечному воспроизводству новой социальной системы на определённом временном отрезке. Зеркально отображая друг

друга, роевые сообщества замкнутся в «панцирь неуступчивости» [27, с. 312] для внешнего мира. Несмотря на специализацию таких человеческих общностей относительно других роевых сообществ, структурно они будут отражением друг друга. Кроме безопасности это позволит соблюдать принципы экономии в бедном новом мире.

При этом внутреннее устройство таких структур несмотря на разницу в скорректированной генетике, телесности и специализации по техническим параметрам возможно напомнит средневековый цеховой уклад. Это будет своеобразным ответом предыдущей эпохе, в которой, как предполагалось экономические симулякры «...сами likвидируют нас вместе с историей» [там же, с. 96]. Такие предпосылки обеспечат торможение социальных перемен, вызываемых постоянной акселерацией технологий со второй половины 20-го столетия.

«Ядовитость» Мира ртути не будет новостью. Она станет логичным завершением кризисов перепроизводства, борьбы за рынки и оптимизации производств. Состояние окружающей среды будет балансировать на грани всепланетной экологической катастрофы в том числе и потому, что при мироустройстве первой половины XXI века разрешение экологического кризиса представляется маловероятным. Необходимость решать экологические проблемы с одной стороны, а с другой «...осуществление масштабных природоохранных мер могло бы стать тем жёстким ударом, который окончательно подорвёт жизнеспособность капиталистического ми-

рохозяйства» [28, с. 112]. На сегодняшний день это выливается в то, что капитализм перекладывает экологические издержки на общество, что не может продолжаться бесконечно. Наследуя ядовитость окружающей среды, Мир ртути перейдёт на более рациональное хозяйствование. Нересурсоёмкие отрасли типа медицины, образования, переработка отходов станут доминировать в экономике будущего. Воспроизводство таких форм производства и обеспечения будет формировать и определённые социальные отношения, которые приведут к тотальному снижению потребления, новым альтруистическим традициям и идеологии ресурсосбережения. Естественно, что речь идёт об оптимистическом сценарии в рамках ртутного мира.

Перечисленные выше «ртутные свойства» дадут синергический эффект воздействия на цивилизацию, что повлечёт за собой качественные изменения в формировании человеческого сообщества будущего. При этом речь идёт не о предсказываемой сингулярности [29], но скорее о формировании новых социальных практик и структур на фоне технологического разнообразия и трансформации человека. Независимо от состояния государственного аппарата человечество будет склонно к образованию малых групп, которые и станут социальной единицей будущего. Условно их можно назвать роевыми сообществами в силу чёткой социальной стратификации, которая будет сопровождаться максимальной специализацией и приобретением конкретных навыков в узкой сфере, а также возможной коррекцией генома человека для

закрепления исполнения более качественного исполнения своей функции в рамках такого социума. И если для предыдущего мира, по мнению Бодрийяра, «...идеальным типом тела является робот» [30, 216], то для Мира ртути это будет генетически трансформированный человек.

В свою очередь роевые сообщества не будут представлять из себя антиутопию. Скорее они будут защитной реакцией обществ развитых стран на ослабление государственной власти при росте издержек на управление и засилии бюрократических структур. Высокий уровень технической специализации, который будет сочетаться с произвольной генетической коррекцией позволит малым группам иметь влияние как на государства, так и на схожие группы. Человечество войдёт в мир с ограниченным потреблением. Широко распространятся коммунитарные формы собственности, что вызовет к жизни и коммунитаристские движения.

Таким образом, новое состояние цивилизации будет ознаменовано собой переходный этап от мира модерна к новому состоянию человечества. Мир ртути не представляет из себя этерналистическую модель будущего человечества, наоборот, кардинальная перемена структуры современных обществ является залогом того, что человек не заперт в будущем, определяемым парадигмами модерна (либерализм, консерватизм и социализм). Более того, вместе с этим трансформация человеческой общности по сценарию Мира ртути имплицитно включает в себя перекрывающийся гуманистический потенциал.

Ссылки:

1. телевизионные сериалы производства Великобритании и США.

2. Лем, Станислав. «Сумма технологий».

Литература

1. Мазур, В. Н. Методологические проблемы социального предвидения/ Изучение потребностей общества - условия предвидения и планирования, стр. 85-98// В. Н. Мазур, под. ред. В. И. Куценко. Киев, «Наукова думка», 1977. – 348 с.

2. Арендт, Ханна. Истоки тоталитаризма. Ханна Арендт/ М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

3. Бауман, Зигмунт. Текучая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

4. Джеймисон, Фредрик. Барьер времени.

<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-1-2015/26642-barer-vremeni.html> [эл. журнал] «Неприкосновенный запас» №1, 2015, Доступ 15.11.2018.

5. Лиотар, Жан-Франсуа. Состояние постмодерна/ Жан-Франсуа Лиотар. СПб.: Алетейя, 2016. – 160 с.

6. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование/ А. С. Панарин. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.

7. Вазюлин, В. А. Логика истории: Вопросы теории и методологии/ В. А. Вазюлин. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 384 с.

8. Валлерстайн, Имманюэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Имманюэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. – 368 с.

9. Бауман, Зигмунт. Текучая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

10. Валлерстайн, Иммануил. Мир-система Модерна. Том III.

Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730-1840-е годы/ Иммануил Валлерстайн, М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2016. – 528 с.

11. Хардт, Майкл, Негри, Антонио. Империя/ Майкл Хардт, Антонио Негри. М.: Праксис, 2004. – 440 с.

12. Бауман, Зигмунт. Текучая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

13. Арендт, Ханна. Истоки тоталитаризма. Ханна Арендт/ М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

14. Агамбен, Джорджо. Номос Сасер. Суверенная власть и голая жизнь/ Джорджо Агамбен, М.: Европа, 2011 – 256 с.

15. Уильямс, Алекс, Шрничек, Ник. Манифест акселерационистской политики// журнал «Логос», № 2, 2018/ Алекс Уильямс, Ник Шрничек, М.: Изд. Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2018. 7 – 20 с.

16. Бадью, Ален. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью/ Ален Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. – 192 с.

17. Бауман, Зигмунт. Текучая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

18. Джеймисон, Фредрик. Барьер времени.

<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-1-2015/26642-barer-vremeni.html> [эл. журнал] «Неприкосновенный запас» №1, 2015, Доступ 15.11.2018.

19. Гегель. Наука логики. Т. I. Объективная логика/ Гегель, Primedia E-launch LLC, 2017. – 540 с.

20. Бьюкенен, Патрик Дж. Смерть Запада/ Патрик Дж. Бьюк-

кенин. М.:ООО «Издательство АСТ», 2003. – 444 с.

21.Шелест, Дмитрий. Хаос будущего: Мир ртути/ Дмитрий Шелест. Владивосток, «Русский остров», 2016. – 332 с.

22.Валлерстайн, Имманюэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Имманюэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. – 368 с.

23.Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. - 392 с.

24.Robertson, Roland. The Journal of International Communication, Volume 1, 1994 - Issue 1: Gulf & Beyond: Broadcasting International Crises// Globalisation or glocalisation? 33-52 p.

25.Зиновьев, Александр. Глобальный человек/ Александр Зиновьев. М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. – 448 с.

26.Шелест, Дмитрий. Хаос будущего: Мир ртути/ Дмитрий Шелест. Владивосток, «Русский остров», 2016. – 332 с.

27.Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. - 392 с.

28.Валлерстайн, Имманюэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Имманюэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. – 368 с.

29.Kurzweil, Raymond. Singularity is Near: When Humans Transcend Biology/ Raymond Kurzweil, Penguin Books, 2006. – 672 p.

30.Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. - 392 с.

The world of mercury: the future of the middle of the 21st century in the refraction of post-Marxist concepts

Shelest D.A.

FEFU

The scenario of the future mid-XXI century is looked in the article based on messages of a number of post-marxist authors. The main thesis is the picture of future world could form alternatively to existing trends and forecasts. The researcher highlights the most significant trends for the future based on the current transformation of the world order, which by 2050 will form a new status of civilization – the Mercury world.

Keywords: The future, 2050, the Mercury World, the future of civilization, Swarm communities.

References

1. Mazur, V. N. Methodological problems of social foresight / Studying the needs of society - the conditions of foresight and planning, pp. 85-98 // V. N. Mazur, p. ed. V.I. Kutsenko. Kiev, Naukova Dumka, 1977. - 348 p.
2. Arendt, Hannah. The origins of totalitarianism. Hannah Arendt / M. : TsentrKom, 1996. -- 672 p.
3. Bauman, Zygmunt. Flowing Modernity / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
4. Jamieson, Fredrick. The barrier of time. <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2015/26642-barer-vremeni.html> [email. magazine] "Safe Reserve" No. 1, 2015, Access 11/15/2018.
5. Lyotard, Jean-Francois. The state of postmodern / Jean-Francois Lyotard. St. Petersburg: Aletheia, 2016. -- 160 p.
6. Panarin, A. S. Global political forecasting / A. S. Panarin. M.: Editorial URSS, 1999. -- 352 p.
7. Vazyulin, V. A. The logic of history: Questions of theory and methodology / V. A. Vazyulin. M. : LENAND, 2015. -- 384 p.
8. Wallerstein, Immanuel. The End of a Familiar World: 21st Century Sociology / Immanuel Wallerstein. M. : Logos, 2004. -- 368 p.
9. Bauman, Zygmunt. Flowing Modernity / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
10. Wallerstein, Immanuel. Modern world system. Volume III The second era of the great expansion of the capitalist world-economy, 1730-1840s / Immanuel Wallerstein, M. : Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. - 528 p.
11. Hardt, Michael, Negri, Antonio. Empire / Michael Hardt, Antonio Negri. M. : Praxis, 2004. -- 440 p.

12. Bauman, Zygmunt. *Flowing Modernity* / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
13. Arendt, Hannah. *The origins of totalitarianism*. Hannah Arendt / M. : TsentrKom, 1996. -- 672 p.
14. Agamben, Giorgio. *Homo Sacer. Sovereign Power and Naked Life* / Giorgio Agamben, Moscow: Europe, 2011 - 256 p.
15. Williams, Alex, Smichek, Nick. *Manifesto of Accelerationist Politics* // Logos Magazine, No. 2, 2018 / Alex Williams, Nick Shrnichuk, Moscow: Izd. Foundation "Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar", 2018. 7 - 20 p.
16. Badiu, Alain. *Philosophy and event. Conversations with a brief introduction to the philosophy of Alain Badiou* / Alain Badiou. M. : Institute for General Humanitarian Research, 2013. - 192 p.
17. Bauman, Zygmunt. *Flowing Modernity* / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
18. Jamieson, Fredrick. *The barrier of time*. <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2015/26642-barer-vremeni.html> [email. magazine] "Safe Reserve" No. 1, 2015, Access 11/15/2018.
19. Hegel. *The science of logic*. T. I. Objective logic / Hegel, Primedia E-launch LLC, 2017. -- 540 p.
20. Buchanan, Patrick J. *Death of the West* / Patrick J. Buchanan. M.: LLC "Publishing house AST", 2003. - 444 p.
21. Shelest, Dmitry. *Chaos of the Future: World of Mercury* / Dmitry Shelest. Vladivostok, "Russian Island", 2016. - 332 p.
22. Wallerstein, Immanuel. *The End of a Familiar World: 21st Century Sociology* / Immanuel Wallerstein. M. : Logos, 2004. -- 368 p.
23. Baudrillard, Jean. *Symbolic exchange and death* / Jean Baudrillard. M. : "Dobrosvet", "Publishing house" KDU "", 2011. - 392 p.
24. Robertson, Roland. *The Journal of International Communication*, Volume 1, 1994 - Issue 1: Gulf & Beyond: Broadcasting International Crises // Globalization or glocalisation? 33-52 p.
25. Zinoviev, Alexander. *Global humane* / Alexander Zinoviev. M. : Eksmo; Algorithm, 2006. -- 448 p.
26. Shelest, Dmitry. *Chaos of the Future: World of Mercury* / Dmitry Shelest. Vladivostok, "Russian Island", 2016. - 332 p.
27. Baudrillard, Jean. *Symbolic exchange and death* / Jean Baudrillard. M. : "Dobrosvet", "Publishing house" KDU "", 2011. - 392 p.
28. Wallerstein, Immanuel. *The End of a Familiar World: 21st Century Sociology* / Immanuel Wallerstein. M. : Logos, 2004. -- 368 p.
29. Kurzweil, Raymond. *Singularity is Near: When Humans Transcend Biology* / Raymond Kurzweil, Penguin Books, 2006. - 672 p.
30. Baudrillard, Jean. *Symbolic exchange and death* / Jean Baudrillard. M. : "Dobrosvet", "Publishing house" KDU "", 2011. - 392 p.

Наши авторы

Андреенкова Анна Владимировна - кандидат политических наук, директор Центра социальных и политических исследований Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), anna.andreenkova@cessi.ru

Балакирева Софья Юрьевна - соискатель, директор ООО «Лингва Про», Balakirevas@mail.ru

Бородин Петр Владимирович - кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физического воспитания и здоровья, Дальневосточный государственный медицинский университет, Borodinpetr@mail.ru

Водолазова Жанна Михайловна - начальник отдела по связям с общественностью, МБУ «Спортивно-досуговый центр «Щукинец», vodolazova@mail.ru

Гусарова Злата Валерьевна - аспирант, МГУ имени М. В. Ломоносова, zgusarova1993@mail.ru

Демидова Татьяна Евгеньевна - доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной работы, Российский государственный социальный университет, ted-05@list.ru

Ерохин Евгений Григорьевич - адъюнкт, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, кафедра социологии, eegnic@gmail.com

Клименко Василий Александрович - кандидат педагогических наук, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, кафедра физического воспитания и спорта, itps_klimenko@mail.ru

Лагутин Юрий Викторович - аспирант кафедры социологии коммуникативных систем, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», lagutinyury@gmail.com

Мавлянова Тамилла Бахриллоевна - соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, Самаркандский государственный университет, aziza_sh@mail.ru

Максимов Владимир Валерьевич - аспирант, Департамент социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, tiz8283@mail.ru

Нурисламов Рустам Радикович - аспирант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры, Greenlife5@mail.ru

Смирнов Кирилл Игоревич - аспирант, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, k.i.smirnov@gmail.com

Тертешикова Наталья Демьяновна - старший преподаватель кафедры менеджмента, Забайкальский государственный университет, tertesnikovan@mail.ru

Тимчак Ксения Николаевна - аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, TimchakKN@sra.msu.ru

Чернышев Виктор Петрович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры и спорта, Тихоокеанский государственный университет, shernyshov_vp@mail.ru

Чернышева Лариса Георгиевна - кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физической культуры и медико-биологических дисциплин, Армавирский государственный педагогический университет, tschern@yandex.ru

Шелест Дмитрий Александрович - заместитель директора Экспертно-аналитического центра ДВФУ, shelest.da@dvfu.ru

